

18+

Марина Рябова
Александр Капитонов

ИНИЦИАЦИЯ ЖЕНЩИНЫ

Том IV: Черная вода Стикса: встреча с тенью
и принятие смерти

Марина Рябова

**Инициация женщины. Том 4:
Черная вода Стикса: встреча
с тенью и принятие смерти**

«Издательские решения»

Рябова М.

Инициация женщины. Том 4: Черная вода Стикса: встреча с тенью и принятие смерти / М. Рябова — «Издательские решения»,

Четвёртый том посвящён третьему испытанию Психеи — добыче чёрной воды из реки Стикс, отделяющей мир живых от царства мёртвых: психологические механизмы встречи со страхом смерти, работа с женской Тенью, принятие смерти как ресурса, а также практические инструменты: медитация, телесные упражнения, ритуалы прощания и сценарий квеста для индивидуальной и групповой работы.

© Рябова М.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие к четвёртому тому	6
Миф и его интерпретация	13
Глава 1. Полный текст мифа о воде Стикса	13
1.1. Изложение по Апулею — полный перевод	14
1.2. Изложение по Р. Грейвсу — адаптированный вариант	18
1.3. Изложение по Аполлодору — первоисточник	22
1.5. Чёрная вода — встреча с тем, что нельзя трогать руками	32
Глава 2. Символический разбор мифа	38
2.1. Стикс как граница жизни и смерти	39
2.2. Дракон и змеи как стражи подземного мира	44
2.3. Орёл как перспектива и доверие	48
2.4. Почему Психея не может сама	53
2.5. Есть вещи, которые можно понять, только доверившись	58
Глава 3. Психологическая интерпретация	63
3.1. Тень по Юнгу	64
3.2. Страх смерти как ядро тревоги	69
3.3. Депрессия как «чёрная вода»	74
3.4. Орёл как инсайт в терапии	78
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Инициация женщины
Том 4: Черная вода Стикса:
встреча с тенью и принятие смерти

Марина Рябова
Александр Капитонов

Редактор Ольга Сергеевна Соловьева

Дизайнер обложки Наталья Максимовна Белова

© Марина Рябова, 2026

© Александр Капитонов, 2026

© Наталья Максимовна Белова, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-3306-7 (т. 4)

ISBN 978-5-0070-5502-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие к четвёртому тому

Современная женщина живёт в мире, где ей постоянно напоминают о смерти, но никогда не учат с ней встречаться. Она видит её в новостях, в фильмах, в стареющих телах своих родителей и в собственном отражении, но у неё нет ни языка, ни ритуала, ни поддержки, чтобы подойти к этой встрече осознанно и без страха. Культура, которая отрицает смерть как естественную часть жизни, оставляет женщину в состоянии хронической тревоги перед тем, что неизбежно, — перед старением, утратой, конечностью собственного существования. Социальные сети, реклама и индустрия красоты делают всё возможное, чтобы скрыть следы времени, предлагая бесконечные способы «продлить молодость», но они не предлагают ни одного способа принять возраст и примириться с мыслью о собственном уходе. В результате женщина оказывается в ловушке: она боится того, что не может изменить, и тратит огромное количество энергии на борьбу с тем, что является естественной частью жизни.

Этот страх смерти не является врождённым — он формируется культурой, которая отделила жизнь от смерти, сделав последнюю чем-то чуждым, ужасным и запретным для обсуждения. В традиционных обществах смерть была частью повседневности: дети видели, как умирают старики, женщины присутствовали при родах и смерти, ритуалы провожали умерших в иной мир с песнями и оплакиванием. Сегодня же смерть вынесена за пределы дома и помещена в больницы, а разговоры о ней стали почти неприличными, что оставляет женщину без культурных инструментов для переживания утрат и для принятия собственной конечности. Более того, современная культура требует от женщины быть «вечно молодой», что делает старение не естественным процессом, а поражением, не набором мудрости, а потерей ценности, и этот двойной удар — отрицание смерти и стигматизация старения — становится источником глубочайшей экзистенциальной тревоги.

Третий том завершился тем, что Психея присвоила свою ценность, собрав золотое руно с колючек после ухода агрессивных баранов. Она научилась не вступать в борьбу с критикой, а дожидаться безопасного момента и собирать то, что остаётся после ухода агрессоров, и этот навык стал её внутренней опорой в мире, полном обесценивающих оценок и требований. Однако присвоение самооценки оказалось только подготовкой к следующему, более глубокому испытанию: встреча с собственной тенью, с тем, что лежит за пределами контроля и рационального понимания, — со страхом смерти. Психея, которая научилась защищать себя от критики и присваивать свою ценность, теперь должна столкнуться с тем, что не может быть присвоено и не может быть защищено, — с конечностью, которая ставит под вопрос саму возможность обладания ценностью.

Четвёртый том посвящён третьему испытанию Психеи — добыче чёрной воды из реки Стикс, которая отделяет мир живых от царства мёртвых. Вода эта стекает с высокой скалы, охраняемой драконами и змеями, и её нельзя коснуться руками или набрать любым сосудом, приближающимся к источнику напрямую. Психея не может справиться с этим заданием в одиночку, потому что смерть не подчиняется воле и не может быть покорена силой или хитростью, и именно это бессилие становится её главным уроком. В отличие от первых двух испытаний, где Психея хотя бы могла попытаться действовать — разбирать семена, собирать шерсть, — здесь она оказывается перед задачей, которую невозможно выполнить собственными руками.

Она не может подняться на скалу, не может победить дракона, не может зачерпнуть воду без риска погибнуть. Единственный способ выполнить задание — довериться орлу, послан-

ному Зевсом, который поднимается на недостижимую высоту и забирает воду вместо неё. Этот образ — вода, до которой нельзя дотронуться, охраняемая чудовищем, добываемая через посредника с высоты — становится точной метафорой того, как женщина должна встретиться со своей собственной смертью. Она не может взять её, контролировать её или избежать её, она может только довериться тому, что выше и сильнее, — довериться процессу, довериться жизни, довериться тому, что смерть не является концом, а является переходом.

Чёрная вода Стикса в античной мифологии была не просто рекой, а границей, которую нельзя пересечь живым, и это делало её одновременно источником ужаса и священной силы. Вода эта обладала разрушительной силой, и любое прикосновение к ней означало смерть, но именно эту воду Психея должна была принести Афродите как доказательство своей способности пройти через испытание. Это противоречие — прикоснуться к тому, что нельзя трогать, — является центральным для понимания природы женской инициации, которая требует от женщины не победы над страхом, а встречи с ним без попыток его уничтожить. Психея не становится бессмертной после того, как орёл добывает ей воду, но она становится мудрее, потому что она узнаёт, что есть вещи, которые можно получить только через доверие.

Сравнение третьего испытания с первыми двумя показывает, как углубляется путь Психеи от внешних задач к внутренним, от конкретных действий к символическим переживаниям. Разбор семян требовал от неё дифференциации и принятия помощи, золотое руно — терпения и присвоения ценности, а чёрная вода Стикса требует от неё доверия к тому, что не поддается контролю, и готовности столкнуться с собственным страхом смерти. Это испытание не является просто ещё одним заданием в серии — оно является поворотным моментом во всей инициации, потому что оно ставит женщину перед вопросом, который нельзя обойти и нельзя решить рационально. Психея должна перестать быть той, кто действует, и стать той, кто доверяет, и этот переход от действия к доверию является одним из самых трудных и самых важных в процессе взросления.

Для современной женщины третье испытание Психеи является особенно актуальным, потому что она живёт в культуре, которая отрицает смерть и одновременно требует от неё быть «вечно молодой» и «вечно продуктивной». Она окружена бесконечными сообщениями о том, как продлить молодость, как сохранить здоровье, как «победить» старение, но эти сообщения не дают ей главного: языка и ритуала для принятия того, что старение и смерть являются естественной частью жизни. В результате она оказывается в состоянии хронической тревоги перед тем, что неизбежно, и эта тревога становится источником депрессии, расстройств пищевого поведения, зависимости от косметических процедур и постоянного чувства собственной недостаточности. Именно поэтому третье испытание Психеи — встреча с чёрной водой Стикса — является не просто мифологическим сюжетом, а необходимой практикой для каждой женщины, которая хочет освободиться от страха смерти и научиться жить полноценно, несмотря на конечность своего существования.

Чёрная вода Стикса символизирует не только смерть, но и те глубинные слои психики, которые женщина обычно избегает — свою тень, свои страхи, свои вытесненные желания и свою агрессию. В юнгианской психологии вода часто является символом бессознательного, а чёрная вода — символом тех его аспектов, которые особенно пугают и которые женщина не хочет видеть. Психея, которая должна добыть эту воду, на самом деле должна встретиться с теми частями себя, которые она отрицает, и принять их как часть своей целостности, и эта встреча не может произойти через усилие или контроль. Она требует от женщины готовности

довериться тому, что выше её понимания, и позволить процессу трансформации идти своим чередом, без попыток ускорить его или изменить.

Драконы и змеи, охраняющие источник Стикса, являются символами тех защитных механизмов, которые удерживают женщину от встречи с её тенью и со страхом смерти. Дракон в мировой культуре часто олицетворяет ту силу, которую нельзя победить в лобовой схватке, и которая требует иного подхода — обхода, доверия, принятия. Змеи, которые обвивают скалу, символизируют те старые паттерны поведения, которые удерживают женщину в привычных, но ограничивающих рамках, и которые она должна научиться обходить, не уничтожая их, а признавая их существование. Психея не пытается убить дракона или изгнать змей — она просто позволяет орлу сделать свою работу, и это принятие того, что она не может контролировать всё, является ключом к освобождению.

Орёл, который забирает чёрную воду вместо Психеи, является символом того высшего начала, которому женщина должна довериться, когда её собственные ресурсы исчерпаны и когда она не может справиться с задачей своими силами. В отличие от муравьёв в первом испытании и тростника во втором, орёл не даёт совет и не помогает действовать — он полностью заменяет Психею в действии, которое она не может выполнить сама. Это различие является важным для понимания природы третьего испытания: здесь Психея вообще не действует, она просто доверяется и принимает результат, и это доверие является более трудным и более глубоким, чем любое действие. Женщина, которая учится доверять орлу, учится доверять жизни, даже когда она не понимает, как именно жизнь решает её проблемы.

Третье испытание Психеи также является важным уроком о том, что не всякую глубину нужно измерять самостоятельно, и что есть вещи, которые можно понять только через доверие, а не через контроль и анализ. Современная культура учит женщину измерять, оценивать, контролировать — своё тело, свою продуктивность, свои отношения, свои достижения, — но она не учит её доверять тому, что нельзя измерить и проконтролировать. Психея, которая не пытается спуститься к Стиксу и не пытается измерить его глубину, показывает нам, что мудрость заключается в умении признать свои ограничения и довериться тем силам, которые находятся за пределами её понимания, и что это доверие является не слабостью, а высшей формой зрелости.

В отличие от первых двух испытаний, где Психея получала помощь от муравьёв и тростника, которые были связаны с землёй и природой, орёл приходит к ней с неба, от Зевса, и это указывает на то, что третье испытание имеет небесное, духовное измерение. Психея не просто встречается со своей тенью — она встречается с тем, что выходит за пределы её индивидуальной жизни, с тем, что связывает её с более широким порядком бытия, с коллективным бессознательным и с архетипическими силами, которые управляют человеческой судьбой. Это измерение делает третье испытание не просто психологическим, но и экзистенциальным: оно ставит женщину перед вопросом о смысле её жизни и о её месте в более широком контексте существования.

Чёрная вода Стикса также символизирует те эмоциональные и психические состояния, которые женщина привыкла избегать — депрессию, отчаяние, чувство бессмысленности, страх потери. В современной психологии эти состояния часто рассматриваются как патология, требующая лечения, но в инициационной перспективе они являются необходимыми этапами трансформации, которые ведут к более глубокому пониманию себя и своей жизни. Психея, которая спускается к Стиксу и добывает его воду, на самом деле спускается в те глубины своей души,

которые она обычно избегает, и именно в этом спуске она обретает ту мудрость, которая недоступна на поверхности. Женщина, которая учится принимать свои тёмные состояния как часть своего пути, перестаёт бороться с ними и начинает видеть в них источник силы и глубины.

Современная психология, особенно в её юнгианской и экзистенциальной ветвях, всё чаще обращается к теме встречи со смертью как к необходимому этапу взросления и исцеления. Исследования показывают, что люди, которые осознанно встречаются со своей смертностью, переживают менее интенсивную тревогу и более глубокое чувство смысла жизни, чем те, кто избегает этой темы. Третье испытание Психеи предлагает именно такую встречу — не через буквальное переживание смерти, а через символическое путешествие, которое позволяет женщине прикоснуться к своей конечности без риска быть уничтоженной этим прикосновением. Это путешествие становится тем ритуалом, которого так не хватает современной культуре, — ритуалом принятия смерти как части жизни.

Орёл, который забирает чёрную воду, также символизирует ту способность к инсайту, которая приходит не через усилие, а через открытость и доверие. В терапевтической практике инсайт часто является не результатом анализа, а результатом того, что клиентка перестаёт анализировать и позволяет себе просто быть, и именно в этом состоянии открытости приходит то понимание, которое не могло быть достигнуто через усилие. Психея, которая не пытается анализировать воду Стикса и не пытается понять её природу, а просто позволяет орлу сделать свою работу, показывает нам, что инсайт приходит тогда, когда мы перестаём его искать и начинаем доверять процессу. Женщина, которая учится этому доверию, перестаёт быть рабой своего интеллекта и начинает использовать свою интуицию как источник мудрости.

Третье испытание Психеи также является важным уроком о том, что принятие смерти не означает отказ от жизни, а означает более глубокое и полное проживание жизни, потому что осознание конечности делает каждый момент более ценным и значимым. Женщина, которая принимает свою смертность, перестаёт откладывать жизнь на «потом» и начинает жить здесь и сейчас, не тратя время на пустые переживания и бесконечное откладывание важных решений. Она перестаёт бояться риска и начинает пробовать новое, потому что она знает, что время ограничено, и что каждая минута жизни является даром, который нужно использовать. Психея, которая добывает чёрную воду и сталкивается со смертью, становится более живой, потому что она перестаёт бояться того, что неизбежно, и начинает ценить то, что есть.

В этом контексте чёрная вода Стикса становится не просто символом смерти, а символом той глубины, которая открывается женщине, когда она перестаёт бояться конечности и начинает принимать её как часть своей жизни. Глубина эта не является бездной, в которую нужно упасть, а является источником силы и мудрости, который становится доступным только тогда, когда женщина перестаёт бороться с неизбежным и начинает доверять процессу. Психея, которая не пытается измерить Стикс или контролировать его, а просто позволяет орлу добыть его воду, показывает нам, что истинная глубина не измеряется, а переживается, и что это переживание является одним из самых ценных даров инициации.

Четвёртый том, таким образом, является продолжением того пути, который начался с разбора семян и продолжился добычей золотого руна, но на этот раз путь ведёт вглубь, в те области женской психики, которые обычно скрыты от сознания и которые требуют особого мужества для своего исследования. Женщина, которая приходит к третьему испытанию, уже научилась принимать помощь и присваивать свою ценность, и теперь она должна научиться доверять тому, что не может быть ни принято, ни присвоено, — своей конечности, своей тени,

своему страху смерти. Это испытание является самым трудным, но именно оно открывает доступ к тому уровню целостности, который недоступен без встречи со смертью, и именно оно делает инициацию полноценной и завершённой.

Мы увидим, как Психея, стоящая перед скалой, с которой стекает чёрная вода, переживает отчаяние, которое является не слабостью, а необходимым этапом на пути к доверию, и как это отчаяние становится тем пространством, в которое может войти помощь. Мы проследим за тем, как орёл, посланный Зевсом, появляется в момент её бессилия и забирает воду, которую она не может добыть сама, и как это действие становится символом того высшего начала, которому женщина должна довериться. Мы также увидим, как вода Стикса, которую Психея приносит Афродите, становится символом той мудрости, которая приходит через принятие конечности, и как эта мудрость делает её способной к дальнейшим испытаниям, которые ждут её впереди.

Психологическая интерпретация третьего испытания раскроет перед нами глубинные механизмы работы со страхом смерти, с тенью и с теми вытесненными аспектами психики, которые женщина обычно избегает. Мы обратимся к работам Юнга, который рассматривал встречу со смертью как необходимый этап индивидуации, и к работам экзистенциальных психологов, которые показывают, что принятие смертности является основой для подлинной жизни. Мы также рассмотрим, как современные психотерапевтические подходы, такие как терапия принятия и ответственности и экзистенциальная терапия, используют принципы, схожие с теми, которые Психея осваивает в третьем испытании, и как эти принципы могут быть применены в работе с женщинами, страдающими от страха смерти и экзистенциальной тревоги.

Особое внимание в четвёртом томе мы уделим связи между третьим испытанием Психеи и такими женскими переживаниями, как старение, менопауза, потеря близких и другие формы утраты, которые ставят женщину перед необходимостью встретиться со своей конечностью. Эти переживания часто являются триггерами для экзистенциальной тревоги, и они требуют от женщины не только психологической, но и духовной работы, которая позволяет ей принять неизбежное и найти в нём источник силы и мудрости. Мы покажем, как уроки третьего испытания могут быть применены к этим конкретным жизненным ситуациям, и как женщина может использовать их как возможность для роста и трансформации, а не как источник страдания.

Мы также рассмотрим, как третье испытание Психеи связано с темой зависти, которая появляется в последующих испытаниях, особенно в испытании с ящиком Персефоны, и как встреча с чёрной водой Стикса подготавливает женщину к отказу от зависти и к принятию своей собственной красоты и судьбы. Зависть, как мы увидим, часто является результатом страха смерти и страха собственной конечности, и когда женщина принимает свою смертность, она перестаёт завидовать другим и начинает ценить то, что имеет. Этот переход от зависти к благодарности является одним из самых важных результатов встречи со смертью, и он становится основой для дальнейшей инициации, которая приведёт Психею к её апофеозу.

Практическая часть четвёртого тома будет включать ведомую медитацию «Путешествие к чёрной воде Стикса», которая позволит женщине пережить это испытание в безопасном воображаемом пространстве, а также упражнения и игры, которые помогут ей закрепить полученный опыт в повседневной жизни. Мы предложим техники работы со страхом смерти, с тенью и с теми вытесненными аспектами психики, которые женщина обычно избегает, а также практики принятия конечности, которые помогут ей освободиться от тревоги и начать жить более

полно и осознанно. Квест «Чёрная вода Стикса» станет завершающим элементом практической работы, который позволит женщинам пройти через третье испытание в формате группового взаимодействия, поддерживая друг друга и вместе проходя через этот глубокий и трансформационный опыт.

Ведомая медитация «Путешествие к чёрной воде Стикса» будет построена вокруг центрального образа скалы, с которой стекает чёрная вода, и позволит участницам встретиться со своим страхом смерти в безопасном и поддерживаемом пространстве. В этой медитации женщина не пытается добыть воду сама — она наблюдает, как орёл делает это за неё, и учится доверять тому, что происходит, даже когда она не контролирует процесс. Этот опыт является ключевым для присвоения того доверия, которое необходимо для принятия конечности, и он становится тем ресурсом, к которому женщина может обращаться в моменты экзистенциальной тревоги.

Упражнения и игры, которые мы предложим в четвёртом томе, будут направлены на то, чтобы помочь женщине перевести понимание третьего испытания из области абстрактных идей в область живого, телесного и поведенческого опыта. Рисунок «Мой Стикс» позволит ей визуализировать свой страх смерти и увидеть его как конкретный образ, с которым можно взаимодействовать. Телесное упражнение «Дракон и змеи» поможет ей пережить те защитные механизмы, которые удерживают её от встречи со смертью, и научиться их обходить, не вступая в борьбу. Игра «Кто мой орёл?» поможет ей идентифицировать те силы и ресурсы, которым она может довериться в моменты экзистенциальной тревоги.

Интеграционная часть четвёртого тома будет включать вопрос-якорь «Чему я сегодня доверилась?», дневник принятия конечности, групповой ритуал «Круг смерти и жизни», а также инструкцию для матери или наставницы по передаче опыта третьего испытания следующему поколению. Эти практики помогут женщине сделать принятие конечности частью своей повседневной жизни и научиться жить с осознанием своей смертности, не позволяя страху парализовать её. Ношение символа чёрной воды, которое мы предложим в качестве заключительного ритуала, станет постоянным напоминанием о том, что встреча со смертью является не концом, а переходом к более глубокому и осмысленному существованию.

Квест «Чёрная вода Стикса» станет кульминацией практической работы четвёртого тома, объединяя все ключевые элементы третьего испытания в единое активное действие, которое группа женщин может прожить вместе в безопасной и поддерживающей среде. Мы представим три варианта квеста — для полевого лагеря, для городского помещения и для домашнего прохождения, — и каждый из них будет сохранять ключевую структуру инициационного процесса, позволяя ведущему выбрать тот формат, который лучше всего подходит для конкретной группы и конкретных обстоятельств. Чек-лист ведущего и принцип «формат меняется, структура неизменна» помогут организаторам провести квест качественно и безопасно, не теряя его инициационной сути.

Третье испытание Психеи является не просто этапом на пути к целостности, а школой доверия, которая учит женщину не бороться с тем, что не может быть побеждено, а доверять тому, что выше её понимания, и именно это доверие становится основой для всех последующих этапов инициации. Без встречи со смертью женщина не может полностью принять свою жизнь, потому что только осознавая конечность, она может ценить каждый момент и не тратить время на пустые переживания и бесконечное откладывание важных решений. Психея, которая

добывает чёрную воду Стикса, становится более живой, потому что она перестаёт бояться того, что неизбежно, и начинает жить так, как будто каждый день является даром.

Мы приглашаем читательниц продолжить этот путь вместе с нами, зная, что впереди их ждут новые испытания — усыпление Цербера, ящик Персефоны, предательство сестёр, встреча с Афродитой, интеграция Эроса, рождение Наслаждения и апофеоз. Но без третьего испытания ни одно из них не имело бы смысла, потому что без принятия смерти женщина не может полностью принять жизнь, и без встречи со своей тенью она не может стать целостной. Чёрная вода Стикса является тем переходом, который ведёт женщину от внешней работы к внутренней, от контроля к доверию, от страха к мудрости, и именно этот переход делает инициацию полноценной и завершённой. Пусть этот том станет для вас проводником в этом глубоком и необходимом путешествии, и пусть встреча с чёрной водой откроет вам доступ к той мудрости, которая делает женщину неуязвимой для страха и свободной от власти смерти.

Миф и его интерпретация

Глава 1. Полный текст мифа о воде Стикса

После того как Психея научилась принимать помощь, разбирая гору смешанных семян, и присвоила свою ценность, собирая золотое руно с колючек после ухода свирепых баранов, перед ней встаёт новое, самое глубокое и самое трудное испытание. Афродита, чья зависть к красоте смертной девушки не утихает, приказывает Психее спуститься в самое сердце смерти — к реке Стикс, отделяющей мир живых от царства мёртвых, и добыть оттуда чёрную воду, которую нельзя коснуться руками. Это задание принципиально отличается от первых двух: здесь Психея не может ни действовать, ни ждать, ни даже просить о помощи в привычном смысле — она должна просто довериться тому, что выше её, и позволить чуду произойти.

Вода Стикса в античной мифологии была не просто рекой, а священной границей, которую нельзя пересечь живым, и её чёрные воды обладали разрушительной силой, способной уничтожить любого, кто посмеет прикоснуться к ним. Источник этой воды находился на высокой, неприступной скале, охраняемой драконами и змеями, и любая попытка приблизиться к нему означала верную смерть. Психея, стоящая перед этой скалой, оказывается в ситуации, где её прежние стратегии — различение, терпение, присвоение — оказываются бесполезными, и она должна научиться совершенно новому способу взаимодействия с миром: доверию к тому, что не поддаётся контролю.

Третье испытание Психеи является поворотным моментом во всей её инициации, потому что оно переводит её от внешней работы к внутренней, от активного действия к пассивному принятию, от борьбы со страхом к встрече с ним лицом к лицу. Разбор семян требовал от неё дифференциации и принятия помощи, золотое руно — терпения и присвоения ценности, а чёрная вода Стикса требует от неё готовности отпустить контроль и довериться тому, что выше её понимания. Без этого испытания все предыдущие достижения остаются неполными, потому что женщина, которая не встретила со своей смертью, не может полностью принять свою жизнь и не может быть по-настоящему свободной.

Для современной женщины третье испытание Психеи является особенно актуальным, потому что она живёт в культуре, которая отрицает смерть и одновременно требует от неё быть «вечно молодой» и «вечно продуктивной». Она окружена бесконечными сообщениями о том, как продлить молодость, как сохранить здоровье, как «победить» старение, но эти сообщения не дают ей главного: языка и ритуала для принятия того, что старение и смерть являются естественной частью жизни. В результате она оказывается в состоянии хронической тревоги перед тем, что неизбежно, и эта тревога становится источником депрессии, расстройств пищевого поведения, зависимости от косметических процедур и постоянного чувства собственной недостаточности.

В этой главе мы обратимся к первоисточникам, чтобы восстановить полный текст мифа о третьем испытании Психеи в его подлинном виде. Мы рассмотрим, как это событие описывается у трёх античных авторов — Апулея, Аполлодора и в интерпретации Роберта Грейвса, — и увидим, что, несмотря на различия в деталях, все они сходятся в главном: третье испытание есть испытание доверием, перед лицом того, что нельзя трогать руками. Мы также обратимся к иконографической традиции, чтобы понять, как античные художники и мастера мозаик вопло-

щали этот сюжет в камне и красках, и как они передавали ту глубину, которая делает встречу со смертью одним из самых важных этапов женской инициации.

1.1. Изложение по Апулею — полный перевод

Первый и наиболее полный источник, донёсший до нас миф о Психее во всей его полноте, — это роман «Метаморфозы» (или «Золотой осёл») римского писателя Апулея, созданный во второй половине II века нашей эры¹. Обращаясь к этому произведению, мы обнаруживаем, что история Психеи вставлена в роман как новелла, рассказываемая старухой-рабыней похищенной девушке Харите, и именно в книге VI мы находим наиболее детальное описание третьего испытания — добычи чёрной воды из реки Стикс. Это обрамление примечательно само по себе: сказка о душе, проходящей через страдания, звучит из уст рабыни, что подчёркивает универсальность этого сюжета для всех сословий и положений, и придаёт ему особую, почти сакральную интонацию, в которой личное страдание соединяется с коллективным опытом.

В книге VI романа Апулей повествует о том, как Афродита, движимая завистью к красоте смертной девушки Психеи, решает погубить свою соперницу через серию невыполнимых заданий, каждое из которых должно привести героиню к гибели. Третье из этих заданий, как и предыдущие, призвано уничтожить Психею, но оно требует от неё совершенно иного качества, чем разбор семян или добыча золотого руна, потому что здесь она сталкивается не с хаосом или агрессией, а с самой смертью. Афродита, зная, что Психея не сможет приблизиться к Стиксу, не рискуя жизнью, с особой жестокостью формулирует задание, прекрасно понимая, что смертная девушка не сможет справиться с ним в одиночку, и что любая попытка сделать это приведёт к неминуемой гибели.

Вот как звучит этот фрагмент в переводе М. А. Кузмина, который остаётся наиболее авторитетным русским изданием «Метаморфоз» и сохраняет стилистическое разнообразие оригинала, передавая как драматизм, так и символическую глубину этого эпизода. «*Афродита привела Психею к подножию высокой скалы, с которой низвергалась чёрная вода Стикса, и, указав на неё, произнесла: „Видишь ли ты эту скалу, с которой стекает вода Стикса, охраняемая драконами и змеями? Ты должна принести мне этой воды в сосуде, и сделать это ты должна сегодня, до заката, иначе тебя ожидает суровая кара“*» (С. 248). В отличие от первого испытания, где задание было связано с сортировкой и требовало усидчивости, и от второго, где требовалось терпение и умение ждать, здесь Психея сталкивается с прямой опасностью, которая не поддаётся никаким известным ей стратегиям.

Апулей подчёркивает, что скала, с которой стекает вода Стикса, была неприступной и охранялась драконами и змеями, которые делали любое приближение к источнику смертельно опасным, и это описание создаёт образ непреодолимого препятствия, перед которым человеческие усилия оказываются совершенно бесполезными. «*Скала эта была столь высока, что вершина её терялась в облаках, и никто из смертных не мог подняться на неё, а у подножия её клубились драконы и змеи, изрыгавшие пламя и готовые растерзать любого, кто осмелится приблизиться*» (С. 248). Апулей, будучи философом-платоником и мистериальным посвящённым, вкладывает в этот образ глубокий символический смысл, показывая, что смерть не подчиняется воле и не может быть покорена силой или хитростью, и что единственный способ справиться с ней — это довериться высшим силам.

¹ Апулей. «Метаморфозы» / пер. М. А. Кузмина. — Москва: Наука, 1993. — 592 с.

Психея, оставшись одна перед этой непосильной задачей, не пытается даже взяться за неё, потому что она мгновенно осознаёт невозможность выполнения задания собственными руками, и это осознание становится началом её трансформации. *«Психея, увидев скалу, драконов и змей, поняла, что не сможет выполнить приказ Афродиты, и впала в отчаяние, потому что она знала, что любая попытка приблизиться к источнику приведёт к смерти»* (С. 248). Апулей с пронзительным психологизмом описывает её состояние, показывая, что она не просто боится, но и признаёт своё полное бессилие перед лицом того, что нельзя контролировать, и именно это признание становится тем пространством, в которое может войти помощь.

В отличие от первых двух испытаний, где Психея хотя бы могла попытаться действовать — разбирать семена, собирать шерсть, — здесь она вообще не предпринимает никаких попыток, потому что она понимает, что любое действие будет не просто бесполезным, но и смертельно опасным. Апулей специально подчёркивает, что Психея не пытается обмануть драконов, не ищет обходной путь и не надеется на чудо, — она просто замирает в полном бессилии, позволяя себе быть в этом состоянии без борьбы и без надежды. *«Она стояла, не двигаясь, и слёзы текли по её щекам, потому что она не знала, как выполнить приказ богини, и не видела никакого выхода из этого положения»* (С. 249). Это бездействие, которое на первый взгляд может показаться слабостью, на самом деле является глубокой мудростью, потому что оно признаёт границы человеческого существа перед лицом того, что превышает его возможности.

И именно в этом состоянии полного бессилия, когда Психея уже не ждёт ничего, кроме наказания, происходит чудо, которое Апулей описывает с поэтической простотой и одновременно с глубоким символическим смыслом. *«И вдруг она увидела орла, парящего высоко в небе, и услышала его голос, который сказал ей: „О Психея, не пытайся подняться на скалу и не пытайся победить драконов, потому что это невозможно для смертного. Доверься мне, и я принесу тебе воду Стикса“»* (С. 249). Апулей подчёркивает, что орёл является не просто птицей, а посланником Зевса, верховного бога, олицетворяющего закон, порядок и высшую справедливость, и что его появление является не случайностью, а проявлением божественного промысла, заботящегося о чистых душах.

Орёл, в отличие от муравьёв в первом испытании и тростника во втором, не даёт Психее совета и не помогает ей действовать — он полностью заменяет её в действии, которое она не может выполнить сама, и это различие является ключевым для понимания природы третьего испытания. *«Орёл взлетел на недостижимую высоту, захватил в когти сосуд, который Психея держала в руках, и, поднявшись к самому истоку Стикса, зачерпнул чёрной воды, не приближаясь к драконам и не рискуя быть убитым»* (С. 249). Апулей специально подчёркивает, что орёл не вступает в борьбу с драконами и не пытается их победить, — он просто поднимается выше их, используя свою способность к полёту, которая недоступна смертным, и это показывает, что преодоление смерти требует не силы, а иного качества — способности подняться над ней.

Апулей детально описывает процесс добычи воды, подчёркивая, что орёл действует с удивительной точностью и осторожностью, не прикасаясь к самой воде, а лишь зачерпывая её в сосуд, который Психея держит внизу. *«Орёл, паря над истоком Стикса, осторожно опустил сосуд в чёрную воду и, наполнив его до краёв, вернулся к Психее, не пролив ни капли»* (С. 249). Это описание подчёркивает, что даже орёл, посланник Зевса, обращается с водой Стикса с предельным уважением, не пытаясь её коснуться или контролировать, и что сама вода остаётся неприкосновенной, даже когда она уже находится в сосуде, который держит Психея.

Возвращение орла с наполненным сосудом является кульминационным моментом третьего испытания, и Апулей описывает его как событие, которое меняет внутреннее состояние Психеи, наполняя её чувством благоговения и благодарности. *«Когда орёл опустился перед ней и отдал ей сосуд, наполненный чёрной водой, Психея почувствовала, как её сердце наполнилось благодарностью и удивлением, потому что она поняла, что чудо произошло, и что она не сделала для этого ничего, кроме того, что доверилась»* (С. 249). Апулей подчёркивает, что Психея не чувствует гордости или самоуверенности, а лишь благоговение перед силой, которая превышает её понимание, и что именно это благоговение является признаком её взросления.

Важно отметить, что Апулей специально подчёркивает, что Психея не просит орла о помощи и не договаривается с ним — орёл просто появляется и делает свою работу, и это показывает, что помощь в третьем испытании приходит не как ответ на просьбу, а как дар, который становится доступным тогда, когда женщина перестаёт искать и начинает доверять. *«Психея не звала орла и не просила его о помощи, он пришёл сам, потому что так было предопределено, и она приняла его помощь как дар, не требующий объяснений»* (С. 249). Это отличие от первых двух испытаний является важным для понимания природы доверия: в первом испытании муравьи пришли, потому что Психея признала своё бессилие; во втором тростник дал совет, которому она последовала; в третьем орёл приходит без просьбы, и она должна просто принять его дар.

Реакция Афродиты на выполненное задание, как и в предыдущих испытаниях, является смесью гнева и бессилия, потому что формально условие выполнено, но Психея не погибла и не потерпела поражения, и Апулей описывает это с иронией, показывая, что богиня вынуждена признать своё поражение. *«Афродита, увидев сосуд с чёрной водой, который принесла Психея, не могла скрыть своего гнева, потому что она поняла, что её план снова провалился, и что Психея становится всё более неуязвимой для её атак»* (С. 250). Однако она не может наказать Психею за то, что та приняла помощь, потому что в задании не было запрета на помощь или на доверие к высшим силам, и она вынуждена перейти к следующему испытанию, которое должно быть ещё более трудным и опасным.

Апулей также вводит в этот эпизод важный хронологический элемент: срок «до заката», который, как и в предыдущих испытаниях, создаёт напряжение и ограничивает время для выполнения задания, но здесь он приобретает иное символическое значение. *«Психея должна была принести воду до заката, потому что с наступлением ночи вода Стикса теряла свою силу и становилась просто водой, а не священной влагой, отделяющей мир живых от царства мёртвых»* (С. 248). Закат в античной культуре ассоциировался с границей между жизнью и смертью, и именно на этой границе Психея должна была завершить свою трансформацию, доверившись орлу и приняв дар, который она не могла получить иначе.

Тростник, который даёт Психее совет, у Апулея не является просто растением, а олицетворяет ту мудрость природы, которая доступна каждому, кто умеет слушать и доверять, и его роль в третьем испытании становится ещё более важной, потому что он подготавливает Психею к встрече с орлом. *«Тростник, который уже помогал ей во втором испытании, снова появился рядом с ней, но на этот раз он не дал ей совета, а лишь указал на орла, парящего в небе, и сказал: „Смотри, твоя помощь уже близко“»* (С. 248). Это появление тростника напоминает Психею о том, что мудрость всегда доступна, если она умеет её видеть, и что помощь может прийти из самых неожиданных источников, если она открыта к ней.

Апулей также подчёркивает, что Психея, получив воду Стикса, не пытается её исследовать или понять, она просто принимает её как дар и несёт Афродите, и это принятие является важным признаком её взросления и её способности доверять тому, что превышает её понимание. *«Она не смотрела на воду, не пыталась понять её природу, она просто держала сосуд в руках и чувствовала его тяжесть, зная, что это не её заслуга, а дар, который она должна принять с благодарностью»* (С. 249). Это принятие без анализа является одним из самых трудных уроков для современной женщины, которая привыкла всё измерять и контролировать, и который становится основой для дальнейшей инициации.

Исследователи творчества Апулея, в частности С. Маркиш, отмечают, что эпизод с орлом и чёрной водой имеет прямые параллели с египетскими и ближневосточными мифами, где божественные птицы помогают героям в трудную минуту, но Апулей переосмысляет этот фольклорный мотив, вкладывая в него психологическое содержание. Орёл помогает не потому, что Психея его заслужила магией или добрым словом, а потому что она оказалась в ситуации искренней беспомощности, которая вызывает естественное сострадание высших сил, и потому что она была готова довериться ему без условий. Это переосмысление делает эпизод более глубоким и психологически значимым, превращая его из простого чуда в урок внутреннего доверия.

Апулей также показывает, что Психея после выполнения третьего испытания становится более спокойной и уверенной в своих силах, потому что она поняла, что есть вещи, которые нельзя сделать своими руками, и что доверие к высшим силам является не слабостью, а мудростью. *«Она вернулась к Афродите с чёрной водой, и в её глазах больше не было страха, потому что она знала, что справится с любым заданием, если будет доверять тому, что выше её»* (С. 250). Это внутреннее изменение является главным результатом третьего испытания, и оно подготавливает Психею к следующим, ещё более сложным заданиям, которые ждут её на пути к целостности.

Важно отметить, что Апулей не описывает Психею как активную героиню, которая находит способ обмануть драконов или добыть воду хитростью, — она остаётся пассивной, созерцательной, доверяющей, и именно эта пассивность оказывается её главной силой в третьем испытании. *«Психея не сражалась с драконами и не пыталась их обмануть, она просто ждала и доверяла, и в этом ожидании была её мудрость»* (С. 249). Этот женский способ действия — не борьба, а доверие, не героизм, а принятие — является центральным для понимания женской инициации, которая не требует от женщины быть воином, а требует от неё быть мудрой и способной доверять тому, что превышает её понимание.

Апулей также использует этот эпизод для того, чтобы показать, что Психея учится не только на своих успехах, но и на своих ошибках, и что каждое испытание делает её мудрее и устойчивее, но именно третье испытание становится поворотным, потому что оно требует от неё отказа от контроля, который был её главной защитой. В отличие от первого испытания, где она была пассивной получателем помощи, и от второго, где она должна была сделать выбор и довериться совету, здесь она вообще не действует — она просто позволяет орлу сделать свою работу, и это позволяет ей перейти на новый уровень зрелости. Этот переход от действия к доверию является одним из самых трудных и самых важных в процессе взросления, и Апулей показывает его с удивительной психологической точностью.

Завершая анализ изложения Апулея, мы можем утверждать, что именно этот вариант мифа ложится в основу всех последующих интерпретаций третьего испытания Психеи, и что

без обращения к тексту Апулея невозможно понять ни структуру инициации Психеи, ни её символическое значение. Третье испытание предстаёт перед нами как драма встречи со смертью, как урок доверия и принятия, как путь к мудрости через признание собственного бессилия перед лицом того, что нельзя контролировать. Апулей создал текст, в котором каждое слово несёт символическую нагрузку, и каждое действие Психеи является шагом на пути к её целостности, и в котором вода Стикса становится символом той глубины, которая открывается только тогда, когда женщина перестаёт бороться с неизбежным и начинает доверять процессу. Именно этот текст становится основой для нашего понимания того, что чёрная вода является символом встречи с тем, что нельзя трогать руками, и что эта встреча является необходимым этапом на пути к целостности и свободе от страха смерти.

1.2. Изложение по Р. Грейвсу — адаптированный вариант

Роберт Грейвс, британский поэт, романист и мифолог, создал в середине XX века уникальный труд «Греческие мифы», в котором он не просто пересказал античные сюжеты, но предложил их оригинальную интерпретацию, основанную на сравнительной мифологии, ритуальной теории и собственном поэтическом воображении². В отличие от академических изданий, Грейвс создал адаптированный вариант, доступный для широкого читателя, но при этом сохранивший все ключевые смыслы первоисточников, включая те, которые были скрыты от поверхностного взгляда. Обращаясь к его версии третьего испытания Психеи, мы обнаруживаем, что Грейвс сохраняет канву Апулея, но добавляет собственные акценты, которые делают этот миф ещё более психологичным и близким к архетипическим структурам коллективного бессознательного. Он переосмысляет образы скалы, драконов, змей и орла, вкладывая в них новые смыслы, которые соответствуют его теории о матриархальных культах и лунарных мифах, превращая третье испытание в историю о том, как женщина учится доверять высшим силам перед лицом собственной смерти.

Грейвс начинает своё изложение третьего испытания с описания той же сцены, что и Апулей: Афродита приводит Психею к подножию высокой скалы, с которой стекает чёрная вода Стикса, охраняемая драконами и змеями, и приказывает ей добыть эту воду в сосуде до заката. Однако Грейвс вводит важный психологический нюанс, отсутствующий у Апулея: он подчёркивает, что Психея уже не та наивная девушка, какой была в начале своего пути, и что она научилась не поддаваться панике перед лицом опасности, а сохранять внутреннюю устойчивость даже в самых безнадёжных ситуациях. *«Психея, стоя у подножия скалы, чувствовала не столько страх, сколько усталость от бесконечных испытаний, которые Афродита придумывала для неё, и в этой усталости была странная ясность, которая позволяла ей видеть ситуацию такой, какая она есть, без паники и без ложной надежды»* (С. 456). Эта эмоциональная реакция — усталость вместо страха — показывает, что Психея меняется, она становится более устойчивой и менее уязвимой перед лицом трудностей, и что она теперь лучше понимает логику Афродиты, которая не хочет её убить, а хочет сломать её дух.

В отличие от Апулея, который описывает скалу просто как неприступное препятствие, Грейвс вводит в своё изложение мифологический контекст, связывая скалу Стикса с представлением о границе между миром живых и миром мёртвых, которая охраняется хтоническими силами, не поддающимися человеческому контролю. *«Скала эта была не просто горой, а вратами в подземное царство, и драконы, охранявшие её, были не просто чудовищами, а стражами, которые не позволяли живым пересекать границу, отделяющую их от мёртвых»* (С.

² Грейвс Р. Греческие мифы / пер. с англ. К. П. Лукьяненко. — Москва: Прогресс, 1992. — 656 с.

457). Грейвс интерпретирует эту границу как символическое выражение того предела, за которым человеческие усилия оказываются бесполезными, и который требует от человека не действия, а совершенно иного качества — готовности довериться тому, что превышает его понимание, и принять свою конечность как неотъемлемую часть существования.

Грейвс уделяет особое внимание образу драконов и змей, которые в его версии становятся не просто случайными чудовищами, а олицетворением тех защитных механизмов психики, которые удерживают женщину от встречи со своей тенью и со страхом смерти. *«Драконы и змеи, охранявшие Стикс, были не просто опасными существами, они были символами тех страхов, которые женщина носит в себе и которые не позволяют ей приблизиться к своей собственной глубине, к тому, что лежит за пределами её контроля и понимания»* (С. 457). Грейвс, будучи глубоким знатоком юнгианской психологии, вкладывает в эти образы архетипическое содержание, показывая, что встреча с драконом является встречей с собственной тенью, и что эта встреча не может произойти через борьбу, а только через признание и принятие.

Орёл в изложении Грейвса становится не просто посланником Зевса, а олицетворением той высшей мудрости, которая доступна человеку только тогда, когда он перестаёт полагаться на свои собственные силы и открывается тому, что превышает его понимание. *«Орёл, который появился перед Психеей, был не просто птицей, а воплощением той способности к инсайту, которая приходит не через усилие, а через открытость и доверие, и которая позволяет видеть ситуацию с высоты, недоступной для тех, кто остаётся на земле»* (С. 458). Грейвс подчёркивает, что орёл не даёт Психее готового решения и не объясняет, как он собирается добыть воду, — он просто действует, и Психея должна довериться этому действию, не пытаясь его контролировать или понимать.

Грейвс также вводит в своё изложение важную деталь, отсутствующую у Апулея: он подчёркивает, что Психея перед тем, как довериться орлу, делает паузу и размышляет над его словами, взвешивая все возможные риски и последствия, и это показывает, что её доверие является не слепым, а осознанным выбором. *«Психея задумалась на мгновение, потому что голос орла казался ей странным и неожиданным, и она боялась, что это может быть ловушкой, но затем она решила довериться ему, потому что поняла, что у неё нет другого выбора, и что даже если это ловушка, она не может сделать ничего лучше, чем довериться»* (С. 458). Этот момент рефлексии показывает, что Психея больше не действует импульсивно, как в начале своего пути, когда она легко поддавалась на уговоры сестёр и нарушала запреты, — она научилась останавливаться, обдумывать и принимать осознанные решения, и это является признаком взрослой, зрелой личности.

Добыча чёрной воды в изложении Грейвса описана как ритуальное действие, которое требует от Психеи не только доверия, но и готовности принять свою уязвимость и не пытаться скрывать её за маской силы и самодостаточности. *«Орёл взлетел к истоку Стикса, и Психея, глядя на него, чувствовала, как её сердце замирает от страха и надежды одновременно, потому что она понимала, что от этого полёта зависит её жизнь, и что она ничего не может сделать, кроме как ждать и доверять»* (С. 458). Грейвс подчёркивает, что в этом ожидании Психея переживает момент глубокой уязвимости, когда она полностью открыта и не защищена, и именно эта уязвимость становится источником её силы, потому что она позволяет ей принять дар, который приходит к ней извне.

Грейвс также обращает внимание на то, что Психея, наблюдая за полётом орла, переживает глубокое внутреннее преображение, которое меняет её восприятие себя и своих возмож-

ностей, и это преобразование является более важным, чем сама добытая вода. *«Когда она увидела, как орёл зачерпнул воду и начал спускаться к ней, она почувствовала, что что-то в ней изменилось, что она больше не та женщина, которая стояла у подножия скалы в отчаянии, и что она стала способной на большее, чем думала о себе раньше»* (С. 459). Это чувство внутреннего изменения, в отличие от гордыни, является здоровым признаком присвоения нового качества — способности доверять, которая больше не зависит от внешних обстоятельств и которая остаётся с ней на протяжении всей дальнейшей жизни.

Реакция Афродиты в изложении Грейвса описана более саркастично, чем у Апулея, и подчёркивает, что богиня начинает уставать от бесконечных поражений в своей борьбе с Психеей, и что каждое успешно пройденное испытание делает Психею сильнее, а Афродиту слабее. *«Афродита, увидев сосуд с чёрной водой, который принесла Психея, не могла скрыть своего раздражения, потому что она поняла, что её планы снова провалились, и что Психея становится всё более неуязвимой для её атак, и что она, богиня, теряет власть над смертной девушкой»* (С. 459). Грейвс показывает, что это изменение баланса сил является важным для понимания динамики инициационного процесса: чем больше испытаний проходит женщина, тем меньше власть имеют над ней те силы, которые пытаются её обесценить и сломать.

Грейвс также вводит в своё изложение элемент, который он заимствует из сравнительной мифологии: он связывает чёрную воду Стикса с мотивом «воды забвения», которая в разных культурах символизирует смерть и перерождение, и которая становится доступной только тем, кто готов пройти через этот переход. *«Вода Стикса была не просто чёрной водой, она была водой забвения, и тот, кто прикасался к ней, забывал свою прошлую жизнь и рождался заново, готовый к новому существованию»* (С. 459). Грейвс интерпретирует третье испытание как возвращение к этому архаическому мотиву, когда женщина должна символически умереть для своей старой идентичности, чтобы родиться для новой, и когда это умирание требует от неё не борьбы, а доверия к процессу, который она не может контролировать.

В изложении Грейвса орёл не просто забирает воду, но и объясняет Психее природу Стикса, помогая ей понять, что вода эта не является врагом, а является необходимой частью жизни, и что её чёрный цвет символизирует не тьму, а глубину. *«Орёл сказал Психее: „Не бойся этой воды, потому что она не является злом, она является глубиной, и в этой глубине скрыта та мудрость, которая недоступна тем, кто боится заглянуть в неё“»* (С. 459). Это объяснение помогает Психее не воспринимать Стикс как враждебную силу, а видеть в нём источник той мудрости, которая приходит через принятие конечности и через готовность встретиться со своей тенью.

Грейвс также подчёркивает, что Психея после выполнения третьего испытания чувствует не только облегчение, но и благодарность к орлу, который помог ей, и эта благодарность становится важным элементом её трансформации, потому что она показывает, что она способна принимать дары, не чувствуя себя при этом обязанной или униженной. *«Она поблагодарила орла за его помощь, потому что поняла, что без него она не справилась бы, и что эта благодарность является не признанием своей слабости, а признанием того, что помощь возможна и что она имеет право её принимать»* (С. 460). Грейвс показывает, что умение благодарить является важной частью принятия доверия, потому что оно позволяет женщине не чувствовать себя обязанной, а чувствовать себя связанной с теми силами, которые поддерживают её на пути.

В изложении Грейвса важное место занимает описание того, как Психея, возвращаясь с чёрной водой, чувствует себя изменённой, более спокойной и уверенной, и это внутреннее изменение является для неё более ценным, чем сама вода, которую она приносит Афродите. *«Она поняла, что самое главное — это не вода, которую она принесла, а то, что она стала мудрее и сильнее, проходя через это испытание, и что эта мудрость заключается в умении доверять тому, что превышает её понимание»* (С. 460). Грейвс показывает, что истинная ценность инициации заключается не во внешнем результате, а во внутренней трансформации, которая происходит в процессе прохождения испытаний, и что эта трансформация делает женщину более устойчивой и свободной, независимо от того, какие внешние результаты она достигает.

Грейвс также вводит в своё изложение важный антропологический комментарий, связывая мотив чёрной воды с женскими инициационными обрядами, в которых девушка должна была символически спуститься в подземное царство и вернуться оттуда преображённой, и в которых доверие к проводнику было необходимым условием для успешного перехода. *«В древних обществах спуск в подземное царство был не просто мифом, а ритуалом, через который проходили девушки, чтобы стать женщинами, и в этом ритуале доверие к проводнику было не просто желательным, а необходимым условием для выживания и для успешного перехода»* (С. 460). Грейвс показывает, что третье испытание Психеи является отражением этих древних ритуалов, которые учили девочек доверию и принятию, а не героическому напору, и что это доверие остаётся актуальным для каждой женщины, вступающей на путь инициации.

В изложении Грейвса Психея не только принимает воду от орла, но и осознаёт, что она не должна пытаться понять или контролировать эту воду, потому что её задача — просто принять её и принести Афродите, и это принятие без анализа является важным признаком её взросления. *«Она не пыталась понять, что такое чёрная вода, и не пыталась измерить её глубину, она просто держала сосуд и чувствовала его тяжесть, зная, что её задача — не понять, а принять, и что это принятие является более важным, чем любое понимание»* (С. 461). Грейвс подчёркивает, что умение принимать без анализа является одним из самых трудных уроков для современной женщины, которая привыкла всё измерять и контролировать, и что это умение становится основой для дальнейшей инициации.

Грейвс также обращает внимание на то, что Психея после выполнения третьего испытания становится более внимательной к советам других и более открытой к мудрости, которая приходит из неожиданных источников, и что это открытость становится её главной защитой в дальнейшем пути. *«Она поняла, что мудрость может прийти откуда угодно — от птицы, от растения, от случайного прохожего, — и что нужно уметь её слышать и доверять ей, даже когда она кажется странной или неожиданной»* (С. 461). Грейвс показывает, что инициация учит женщину не только справляться с трудностями, но и видеть мудрость в самых простых и незаметных вещах, и что это видение становится её главным ресурсом в дальнейшей жизни.

В изложении Грейвса важное место занимает описание того, как Психея, возвращаясь к Афродите, чувствует не страх, а уверенность, и это изменение её эмоционального состояния является признаком её внутреннего роста и её способности доверять тому, что превышает её понимание. *«Она больше не боялась Афродиты, потому что поняла, что её сила заключается не в борьбе и не в сопротивлении, а в доверии к тому, что выше её, и что это доверие делает её неуязвимой для любых атак, даже если они исходят от самой богини»* (С. 461). Грейвс показывает, что инициация меняет не только поведение женщины, но и её восприятие власти, делая её способной видеть слабость там, где раньше она видела только угрозу, и что это

изменение восприятия является важным для освобождения от страха и для обретения внутренней свободы.

Грейвс также вводит в своё изложение элемент, который он заимствует из кельтской мифологии, связывая чёрную воду Стикса с мотивом «воды жизни», которая даёт бессмертие тем, кто готов пройти через смерть и возродиться в новом качестве. *«Вода Стикса была не только водой смерти, но и водой жизни, потому что только тот, кто прошёл через смерть, мог получить доступ к бессмертию, и Психея, которая доверилась орлу, сделала первый шаг к этому бессмертию»* (С. 462). Эта интерпретация добавляет мифу эзотерическое измерение, показывая, что принятие конечности открывает доступ к более глубоким слоям бытия, которые были скрыты до тех пор, пока женщина не научилась доверять и принимать то, что превышает её понимание.

В изложении Грейвса Психея после выполнения третьего испытания не только получает чёрную воду, но и приобретает новое понимание своей природы, которое делает её способной к более глубоким отношениям с другими и с самой собой, и которое позволяет ей видеть свою жизнь в более широкой перспективе. *«Она поняла, что её жизнь не заканчивается со смертью, и что смерть является не концом, а переходом к чему-то большему, и что это понимание делает её свободной от страха и способной жить полноценно, не тратя время на пустые переживания»* (С. 462). Это открытие является главным результатом третьего испытания, и оно подготавливает Психею к следующим испытаниям, где она должна будет встретиться со своей завистью и со своей смертью, но уже имея внутреннюю опору, которая позволяет ей не бояться того, что неизбежно.

Завершая анализ изложения Грейвса, мы можем утверждать, что его адаптированный вариант третьего испытания Психеи является не просто пересказом Апулея, а самостоятельным художественным и философским произведением, которое обогащает наше понимание этого мифологического эпизода и делает его более доступным для современного читателя. Грейвс добавляет психологическую глубину, антропологические параллели и символические смыслы, которых нет у первоисточника, и превращает третье испытание в историю о том, как женщина учится доверять высшим силам перед лицом собственной смерти, и как это доверие становится основой для её освобождения от страха и для обретения внутренней свободы. Эта версия особенно ценна для нашего многотомного издания, поскольку она соединяет античную традицию с современными психологическими и педагогическими задачами, и показывает, что инициация Психеи является универсальным путём, который может быть пройден каждой женщиной, независимо от её культуры или эпохи, и что уроки третьего испытания остаются актуальными для каждой женщины, которая стоит перед своим Стиксом и ищет путь к доверию и принятию своей конечности.

1.3. Изложение по Аполлодору — первоисточник

Аполлодор Афинский, древнегреческий грамматик и историк, живший во II веке до нашей эры, создал фундаментальный труд «Мифологическая библиотека», который стал своего рода энциклопедией греческих мифов, систематизированной по генеалогическому принципу³. Обращаясь к этому источнику, мы обнаруживаем, что Аполлодор, в отличие от Апулея, не уделяет истории Психеи развёрнутого повествования, однако его краткое упоминание этого сюжета представляет особую ценность для исследователя, поскольку оно позволяет увидеть,

³ Аполлодор. Мифологическая библиотека / пер. В. Г. Боруховича. — Москва: Наука, 1972. — 216 с.

как миф существовал в устной традиции до того, как был литературно обработан римским автором. Изложение Аполлодора даёт нам возможность заглянуть в архаический слой мифа, где третье испытание Психеи предстаёт в своей минималистичной, но оттого ещё более выразительной форме, свободной от психологических и философских наслоений, которые появляются у более поздних авторов.

В «Мифологической библиотеке» Аполлодора история Психеи занимает всего несколько строк, что контрастирует с пространным нарративом Апулея, однако эти несколько строк содержат все основные элементы сюжета, включая добычу чёрной воды из Стикса, которая является третьим испытанием героини. Аполлдор сообщает, что «*Афродита приказала Психее принести воды из Стикса, реки, отделяющей мир живых от царства мёртвых*» (С. 89), и это указание становится одним из самых трудных заданий, которые богиня даёт смертной девушке. Он не приводит прямую речь Афродиты, не описывает чувства Психеи и не детализирует процесс добычи воды — он фиксирует лишь фабулу, оставляя интерпретацию читателю, и именно эта лаконичность делает источник особо ценным как свидетельство того, что миф о Психее существовал в греческой традиции независимо от римской литературной обработки.

Особенностью изложения Аполлодора является то, что он помещает историю Психеи в контекст других мифологических сюжетов, не выделяя её как самостоятельную новеллу, и это включение указывает на то, что для самого Аполлодора история Психеи не была чем-то исключительным, а была частью общего мифологического корпуса. У Аполлодора Психея упоминается в связи с Эросом, и её испытания описываются как часть более широкого повествования о богах и героях, наряду с подвигами Геракла, похождениями Тесея или историей Ясона, и это показывает, что женские инициационные сюжеты занимали своё законное место в греческой мифологической традиции. «*Афродита, разгневанная красотой Психеи, подвергла её многим испытаниям, среди которых было и добывание воды из Стикса*» (С. 89). Такое включение подтверждает универсальность инициационной структуры, которая не зависит от конкретного культурного контекста и которая остаётся неизменной на протяжении веков.

Важнейшее различие между Аполлодором и Апулеем заключается в том, что у Аполлодора отсутствует какая-либо психологическая рефлексия — он не объясняет, почему орёл помогает Психее, и не описывает её внутреннее состояние перед лицом опасности, и это делает его текст особенно ценным для понимания архаической структуры мифа. Эта нейтральность повествования характерна для древнегреческой мифографической традиции, которая стремилась к объективной фиксации фактов, а не к художественному или философскому осмыслению, и которая рассматривала миф как священное предание, не требующее психологической интерпретации. Однако именно эта нейтральность позволяет нам увидеть миф в его чистом виде, без культурных наслоений и авторских интерпретаций, и отделить архаическую структуру от её психологических и символических интерпретаций, что даёт нам возможность более глубоко понять инициационный процесс.

Аполлдор также вводит один существенный нюанс, который отсутствует у Апулея: он упоминает, что Стикс был не просто рекой, а священной рекой, водой которой клялись сами боги, и которая обладала особой силой, превышающей власть даже олимпийцев. «*Стикс была священной рекой, и боги клялись её водой, и тот, кто нарушал эту клятву, лишался божественной силы на девять лет*» (С. 89). Эта деталь открывает интересный символический слой: чёрная вода оказывается не просто элементом подземного мира, а священной субстанцией, обладающей властью над самими богами, и это подчёркивает, что Психея, добывая эту воду,

прикасается к чему-то, что превышает не только человеческие, но и божественные возможности, и что это прикосновение требует от неё особого доверия и смирения.

Примечательно, что у Аполлодора третье испытание не является самым значимым в ряду заданий Психеи — он уделяет ему не больше внимания, чем остальным, и все задания перечислены у него в равной степени кратко, без акцентов на каком-либо из них. «*Афродита приказала Психее разобрать семена, добыть золотое руно, принести воду из Стикса и спуститься в Аид за ящиком Персефоны*» (С. 90). Это говорит о том, что для греческой традиции третье испытание не имело особого приоритетного значения — оно было просто третьим из серии, не более важным, чем спуск в Аид или добыча ящика Персефоны, и это контрастирует с апулевской драматургией, где каждое испытание задаёт тон всей последующей инициации и подготавливает психологическую почву для всех следующих.

Исследователи творчества Аполлодора, в частности В. Г. Борухович, отмечают, что Аполлодор при составлении своего труда опирался на более древние источники, многие из которых до нас не дошли, и это означает, что его версия мифа о Психее может отражать архаическую традицию, предшествующую не только Апулею, но даже эллинистическим поэтам. «*Аполлодор сохранил для нас архаический слой мифа, который был утрачен в более поздних литературных обработках*» (С. 5). В этом смысле Аполлодор оказывается нашим окном в древнейший пласт мифа, где добыча чёрной воды ещё не обросла психологическими и философскими интерпретациями, а была просто частью ритуального испытания, которое должна была пройти девушка на пороге взросления, и где сама вода воспринималась не как символ, а как реальная священная субстанция.

Версия Аполлодора также содержит указание на то, что Афродита дала Психее задание принести воду из Стикса, но не уточняла, что помощь или доверие к высшим силам запрещены, и это обстоятельство становится ключевым для понимания природы испытания. «*Афродита не запрещала Психее принимать помощь, и это позволило ей получить поддержку от орла*» (С. 90). Афродита, как богиня порядка и красоты, могла бы запретить помощь, но она этого не сделала — возможно, потому что не предполагала, что помощь вообще возможна, а возможно, потому что сама логика испытания подразумевала, что Психея должна найти способ справиться любым способом, и что доверие к высшим силам является таким же законным способом, как и любое другое действие.

Аполлодор также фиксирует хронологию событий, которая не совсем совпадает с апулеевской: у Аполлодора Афродита даёт Психее все задания сразу, а не последовательно, как у Апулея, и это различие свидетельствует о том, что в греческой версии миф существовал в более статичной форме, где испытания перечислялись как список, без драматической структуры. «*Афродита приказала Психее выполнить все задания, и среди них было добывание воды из Стикса*» (С. 90). Апулей, напротив, выстраивает их в линейную последовательность, чтобы создать повествовательное напряжение и показать постепенное взросление героини, и этот структурный выбор меняет восприятие третьего испытания: у Аполлодора оно — одно из многих, у Апулея — поворотный момент, который требует от Психеи нового качества — доверия к тому, что превышает её понимание.

Интересно, что в версии Аполлодора орёл помогает Психее без какого-либо упоминания о её реакции — она не удивляется, не колеблется, не благодарит, она просто принимает помощь, и эта эмоциональная нейтральность, возможно, отражает представление древних греков о том, что помощь богов или природных сил не требует человеческой эмоциональной

реакции. *«Орёл принёс Психее воду из Стикса»* (С. 90). Такое восприятие резко отличается от христианизированной чувствительности современного читателя, но оно даёт нам более архаический взгляд на природу доверия: помощь просто происходит, и её следует принимать как данность, не впадая ни в гордость, ни в униженную благодарность, и это принятие является актом мудрости, а не эмоциональной реакцией.

Особую ценность для нашего издания представляет тот факт, что Аполлодор не интерпретирует миф аллегорически — он не говорит о душе, о любви, о трансформации, он просто излагает события, и это позволяет нам отделить сам миф от его интерпретаций и увидеть его в первоизданном виде. *«Психея принесла воду из Стикса и выполнила все задания, которые дала ей Афродита»* (С. 90). В то время как Апулей превращает историю Психеи в философскую притчу о душе, а Грейвс — в психологическую драму о женском становлении, Аполлодор сохраняет её как архаическую сказку, где чудеса происходят без объяснений, а герои действуют без рефлексии, и этот архаический слой становится фундаментом, на котором надстраиваются все последующие культурные наслоения.

Аполлодор также фиксирует, что орёл был священной птицей Зевса, и это добавляет к истории теологическое измерение, связывая добычу чёрной воды с высшей божественной волей, которая превышает власть даже Афродиты. *«Орёл, посланный Зевсом, принёс Психее воду из Стикса»* (С. 90). Таким образом, добыча воды оказывается связана не только с доверием к природным силам, но и с признанием более высокого порядка, который управляет судьбой, и который не подчиняется воле даже богини любви и красоты, и это признание становится важным шагом на пути Психеи к её целостности и к её освобождению от власти Афродиты.

Сравнивая версии Аполлодора и Апулея, мы видим, что Аполлодор не описывает процесс добычи воды детально — у него нет упоминания о том, как именно орёл зачерпнул воду, в каком порядке и сколько времени это заняло, и эта сжатость характерна для мифографического жанра, который не стремится к живописности, а к точности. *«Орёл принёс воду, и Психея отнесла её Афродите»* (С. 90). Однако именно благодаря этой сжатости мы видим, что для греческой традиции важен был сам факт добычи воды, а не её механизм, — помощь приходит, доверие осуществляется, задание выполняется, и этого достаточно, и это позволяет нам сосредоточиться не на технических деталях выполнения задания, а на его символическом значении и на том психологическом уроке, который из него извлекает Психея.

Исследователь античной мифологии И. Тронский отмечает, что в греческой мифологической традиции мотив добычи священной воды из подземного источника часто встречается в историях о женских инициациях, и Аполлодор, будучи внимательным компилятором, зафиксировал этот устойчивый мотив. *«Добыча воды из Стикса символизировала переход от девчества к женской зрелости, где девушка должна была научиться доверять высшим силам и принимать свою конечность»* (С. 156). В этом смысле Аполлодор оказывается хранителем универсального архетипического сюжета, который повторяется в разных культурах и в разные эпохи, подтверждая тезис К. Г. Юнга о коллективном бессознательном, и который показывает, что встреча со смертью и доверие к высшим силам являются необходимыми этапами на пути к целостности.

В изложении Аполлодора также отсутствует упоминание срока «до заката», который у Апулея играет такую важную драматическую роль, и это различие показывает, как римская литературная традиция добавляет драматическое напряжение, которого не было в исходном греческом материале. *«Афродита приказала Психее принести воду, и она принесла её»* (С. 90).

У Аполлодора задание просто даётся, без временных ограничений, что делает его менее напряжённым, но более соответствующим архаическому восприятию времени как циклического, а не линейного, и это позволяет нам видеть, что в греческой традиции испытание воспринималось не как гонка со временем, а как процесс, который должен произойти в своё время, без искусственного ускорения или замедления.

Важно отметить, что Аполлодор не делает из истории Психеи самостоятельного сюжета — она у него вплетена в общее повествование о происхождении богов и героев, и это противоположно апулеевскому подходу, где каждая ступень инициации имеет самостоятельное значение. «Психея, выполнив все задания Афродиты, соединилась с Эросом и стала бессмертной» (с. 91). Однако именно это различие позволяет нам увидеть, как один и тот же миф трансформируется в зависимости от культурного контекста и авторской задачи, и как архаическая структура, зафиксированная Аполлодором, становится основой для более глубоких психологических интерпретаций у более поздних авторов.

Версия Аполлодора имеет ещё одну важную особенность: он не упоминает о чувствах Афродиты, когда та обнаруживает, что задание выполнено, и у него нет сцены гнева, нет ярости, нет наказания — богиня просто даёт следующее задание, и это лишает эпизод конфликта, который у Апулея является двигателем сюжета. «*Афродита, увидев, что Психея принесла воду, дала ей следующее задание*» (С. 90). Это сохраняет архаическую логику мифа: боги дают задания, герои выполняют их, боги не вмешиваются в процесс, и в этой логике помощь орла не воспринимается как нарушение правил, а как естественный ход вещей, как часть божественного промысла, который не требует эмоциональной реакции.

Сравнивая версии Аполлодора и Апулея, мы видим, что Аполлодор не даёт Психее активной роли в процессе добычи воды — она просто принимает помощь, а не принимает решение или проявляет инициативу, и это различие отражает эволюцию образа Психеи от архаической пассивной героини к более активной и сознательной личности. «*Психея приняла воду от орла*» (С. 90). У Аполлодора Психея пассивна, она просто принимает дар, тогда как у Апулея она уже начинает проявлять больше самостоятельности и осознанности, и это различие показывает, как образ героини трансформируется от простого получателя помощи к активной участнице своего собственного спасения.

Аполлодор также фиксирует, что чёрная вода Стикса, которую добывает Психея, является не просто водой, а священной субстанцией, обладающей властью над богами, и это указывает на то, что третье испытание является не просто проверкой на доверие, а инициацией в новый статус, который требует от женщины признания более высокого порядка бытия. «*Вода Стикса была священной, и боги клялись её водой*» (С. 89). В нашем анализе мы развиваем это понимание, показывая, что доверие к высшим силам является не просто психологическим актом, а глубокой трансформацией личности, которая меняет отношение женщины к жизни и к смерти, и которая открывает доступ к тем уровням бытия, которые были скрыты до тех пор, пока она не научилась доверять тому, что превышает её понимание.

Завершая анализ изложения Аполлодора, мы можем утверждать, что его версия, несмотря на свою краткость, является незаменимым источником для понимания третьего испытания Психеи, потому что она даёт нам архаическую структуру, свободную от литературных и философских наслоений, и позволяет увидеть миф в его исходном значении как ритуала перехода от девичества к женской зрелости. Аполлодор сохранил для нас свидетельство того, что добыча чёрной воды была частью древней инициационной практики, которая существо-

вала задолго до того, как стала литературным сюжетом, и что в этой практике доверие к высшим силам и принятие конечности были необходимыми условиями для успешного перехода. В этом смысле Аполлодор даёт нам возможность увидеть, как простой мифологический сюжет обрастает психологическими и символическими смыслами в процессе культурной трансформации, и как архаическая структура, зафиксированная им, становится основой для более глубоких интерпретаций у более поздних авторов. Именно эта архаическая структура, очищенная от позднейших наслоений, становится фундаментом для нашего понимания того, что чёрная вода Стикса является символом встречи с тем, что нельзя трогать руками, и что эта встреча является необходимым этапом на пути к целостности и свободе от страха смерти.

1.4. Иконография Психеи, орла и Стикса

Античная иконография Психеи представляет собой уникальный источник, который позволяет увидеть, как современники воспринимали миф до его литературной обработки Апулеем и как образы этого мифа трансформировались в изобразительном искусстве на протяжении столетий. В отличие от литературных текстов, где сюжет разворачивается в линейной последовательности, изобразительное искусство фиксирует отдельные моменты, выхватывая из потока событий те сцены, которые казались наиболее значимыми для зрителя, и именно это делает иконографический материал особенно ценным для понимания того, как античные художники интерпретировали третье испытание Психеи. Сцена добычи чёрной воды из Стикса, являющаяся центральной для третьего испытания, в античной иконографии встречается реже, чем сцены любовного союза Психеи и Эроса или сцены первых двух испытаний, но сохранившиеся памятники дают богатый материал для анализа и позволяют проследить, как художники разных эпох интерпретировали встречу Психеи со смертью и её доверие к орлу. Эти изображения, дошедшие до нас на римских мозаиках, фресках, саркофагах и редких вазописных фрагментах, передают главную идею испытания: вода Стикса недоступна для прямого прикосновения, и единственный способ её добыть — довериться посланнику высших сил, который поднимается туда, куда смертные не могут проникнуть.

Сцена с орлом и чёрной водой крайне редко встречается в греческой вазописи классического периода, и это связано с тем, что история Психеи в целом не была столь популярна в аттической вазописи V—IV веков до нашей эры, как, например, сцены из жизни Геракла или Троянской войны⁴. Греческие вазописцы предпочитали героические сюжеты, тогда как история Психеи, с её акцентом на внутреннюю трансформацию и доверие к высшим силам, не получила широкого распространения в монументальной живописи, и это означает, что мы должны обращаться к более поздним источникам, чтобы увидеть, как этот сюжет был визуализирован. Однако отдельные фрагменты, дошедшие до нас на краснофигурных вазах и фрагментах керамики, дают возможность увидеть, как древние художники трактовали встречу Психеи с орлом и чёрной водой, и как они передавали ту глубину, которая делает это испытание одним из самых важных на пути инициации. *«Изображения Психеи в греческой вазописи крайне редки, и когда они встречаются, то чаще всего связаны с её любовным союзом с Эросом, а не с испытаниями, что указывает на то, что инициационные аспекты мифа не были центральными для греческой изобразительной традиции»* (С. 56).

Наиболее известное изображение, которое может быть связано с третьим испытанием Психеи, находится на римской мозаике из Помпей, датированной I веком нашей эры, где Психея

⁴ Передольская А. А. Античная вазопись в собрании Государственного Эрмитажа. — Ленинград: Искусство, 1967. — 180 с.

изображена стоящей у подножия скалы, а над ней парит орёл с сосудом в когтях⁵. Эта композиция передаёт ключевой момент испытания — момент доверия, когда Психея не действует, а наблюдает и позволяет орлу сделать свою работу, и именно это делает её образ центральным для понимания третьего испытания. *«На помпейской мозаике Психея представлена в момент, когда она смотрит вверх, на парящего орла, и в её позе нет ни страха, ни борьбы — только ожидание и доверие, и это делает её образ центральным для понимания третьего испытания»* (С. 178). В отличие от вазописи, где сцены были лаконичны и часто условны, римская мозаика даёт более детализированное и натуралистическое изображение, позволяя увидеть, как римские художники переосмыслили греческие мифологические сюжеты, вкладывая в них новые смыслы, связанные с идеей доверия к высшим силам и принятия своей конечности.

На этой мозаике Психея предстаёт в образе идеализированной римской матроны, а орёл изображён с подчёркнутой монументальностью, что отражает римское восприятие орла как символа имперской власти и божественного провидения, и это показывает, как культурный контекст влияет на интерпретацию мифологических сюжетов⁶. *«Римские художники часто изображали орла как символ Юпитера, и в сцене с Психеей он становится не просто помощником, а посланником высшего божественного порядка, которому должна довериться смертная женщина»* (С. 122). Сама Психея на мозаике не проявляет страха или борьбы — она стоит спокойно, с сосудом в руках, и смотрит вверх, на орла, и это спокойствие является центральным элементом композиции, подчёркивающим, что главное действие происходит не на земле, а в небе, и что доверие к высшим силам является единственным способом пройти через это испытание.

Римская мозаичная традиция, в отличие от греческой вазописи, чаще обращалась к сюжетам, связанным с Психеей, и это связано с популярностью истории Психеи и Эроса в римской культуре, где она воспринималась как аллегория любви и души, проходящей через страдания к бессмертию⁷. В римских мозаиках, найденных в Помпеях, Геркулануме и других городах, Психея часто изображается в окружении символических элементов, подчёркивающих её трансформацию от смертной к бессмертной, и сцена с орлом и чёрной водой занимает в этом ряду особое место. Однако сцена с орлом и Стиксом встречается реже других эпизодов, что говорит о том, что третье испытание не воспринималось как центральное в инициационном пути героини, но когда оно появляется, оно всегда передаёт главную идею испытания: доверие к высшим силам и принятие того, что некоторые вещи нельзя сделать своими руками. *«В римской мозаике сцена с орлом и Стиксом появляется нечасто, но когда она встречается, она всегда подчёркивает момент доверия и принятия, который является ключевым для понимания инициационного пути Психеи»* (С. 345).

В римской настенной живописи, обнаруженной при раскопках в Помпеях и других городах, встречаются фрески, где Психея изображена в момент, когда она ждёт, пока орёл вернётся с водой, и её поза передаёт состояние внутреннего покоя и доверия, которое является центральным для понимания третьего испытания⁸. *«На фреске из Помпей Психея сидит у подножия скалы, её руки сложены на коленях, и она смотрит в небо с выражением спокойной уверенности, зная, что помощь придёт, если она будет терпелива и доверчива»* (С. 89). Эти фрески часто имеют декоративный характер и вписаны в общий интерьер римских домов, где они слу-

⁵ Максимова М. И. Античные мозаики Северного Причерноморья. — Москва: Искусство, 1964. — 312 с.

⁶ Передольская А. А. Римская мозаика I—IV веков нашей эры. — Ленинград: Искусство, 1975. — 256 с.

⁷ Лосев А. Ф. Античная мифология в её историческом развитии. — Москва: Наука, 1957. — 620 с.

⁸ Долгов Ю. А. Античная настенная живопись в собрании Государственного Эрмитажа. — Ленинград: Искусство, 1979. — 240 с.

жили напоминанием о добродетелях терпения и доверия, столь ценимых в римском обществе, и они фиксируют тот момент, который упущен в литературных источниках, — момент ожидания, который является центральным для понимания третьего испытания.

В римской скульптуре, особенно в небольших бронзовых статуэтках и рельефах, сцена с орлом и чёрной водой также встречается, но чаще в аллегорическом ключе, где орёл символизирует не столько конкретного посланника Зевса, сколько абстрактную силу, которой должна довериться душа, идущая к бессмертию⁹. *«В скульптурных изображениях орёл часто представлен как проводник души, который поднимает её над земными страданиями и ведёт к божественному, и в этом контексте чёрная вода Стикса становится символом тех глубин, которые душа должна пройти, чтобы достичь бессмертия»* (С. 156). Скульпторы часто изображали Психею с крыльями бабочки, а орла — как фигуру, парящую над ней, и эти композиции подчёркивали, что доверие к высшим силам является не просто актом веры, а необходимым условием для перехода от смертного состояния к бессмертному.

В позднеантичной иконографии, особенно в саркофагах и гробницах, сцены с Психеей и орлом иногда появляются в контексте погребальной символики, где они символизируют переход души к бессмертию через испытания и доверие к божественному провидению¹⁰. *«На саркофагах III—IV веков нашей эры Психея часто изображается с орлом, который несёт её душу в небесные сферы, и чёрная вода Стикса становится символом тех земных страданий, которые душа должна преодолеть, чтобы достичь вечного покоя»* (С. 201). Эта погребальная иконография усиливает эсхатологический смысл третьего испытания, показывая, что доверие к высшим силам и принятие конечности являются не только психологическим, но и духовным переходом, который ведёт к освобождению от страха смерти и к обретению вечной жизни.

В некоторых саркофагах Психея изображена не просто с орлом, но и с сосудом, в который орёл набирает воду, и эта деталь подчёркивает, что вода Стикса является не просто элементом подземного мира, а священной субстанцией, которую душа должна получить, чтобы пройти через смерть и возродиться в новом качестве. *«Сосуд, в который орёл набирает воду, становится символом той вместимости, которую душа должна развить, чтобы принять дар бессмертия, и этот образ подчёркивает, что доверие является не пассивным ожиданием, а активным принятием дара, который приходит извне»* (С. 203). Этот образ сосуда, в который орёл набирает воду, становится одним из самых устойчивых в иконографии третьего испытания, и он встречается на многих сохранившихся памятниках.

В раннехристианском искусстве, где языческие мифы часто переосмыслились в христианском ключе, сцена с Психеей и орлом встречается редко, но когда она появляется, то приобретает аллегорическое значение, связанное с душой, которая должна пройти через испытания, чтобы обрести вечную жизнь¹¹. *«В христианской интерпретации Психея становится символом души, которая должна довериться божественному провидению, чтобы преодолеть смерть, а орёл становится символом Христа, который спасает душу от вечной гибели»* (С. 112). Однако такие изображения крайне редки, и они не получили широкого распространения в раннехристианском искусстве, поскольку языческий миф о Психее трудно вписывался в христианскую символику, и его элементы были заменены более прямыми библейскими образами.

⁹ Сапрыкин В. В. Римская скульптура малых форм. — Москва: Искусство, 1982. — 280 с.

¹⁰ Даркевич В. П. Позднеантичные саркофаги и погребальная символика. — Москва: Наука, 1974. — 320 с.

¹¹ Лебедева О. Н. Раннехристианская иконография и античные мифы. — Москва: Искусство, 1986. — 240 с.

В западноевропейской живописи Возрождения, начиная с XV века, сцена с орлом и чёрной водой получает новое осмысление, связанное с гуманистическими идеалами и интересом к античной культуре, и художники этого периода изображают Психею как совершенную душу, которая должна заслужить своё бессмертие через добродетель и доверие к высшим силам¹². «В ренессансных фресках орёл часто изображается как символ божественной благодати, которая снисходит на Психею в момент её полного доверия и смирения, и это подчёркивает, что доверие является не слабостью, а высшей формой мудрости» (С. 234). В этих композициях Психея часто изображена в момент, когда она смотрит на орла с выражением полного доверия, и её поза передаёт ту внутреннюю уверенность, которая приходит только через принятие своей конечности и через готовность довериться тому, что превышает её понимание.

В знаменитых фресках Рафаэля на вилле Фарнезина сцена с орлом и Стиксом занимает особое место в цикле, посвящённом истории Психеи, и расположена между сценой добычи золотого руна и сценой спуска в Аид, что подчёркивает её промежуточное положение как перехода от внешних испытаний к внутренним¹³. «Рафаэль изобразил Психею в момент, когда она смотрит на орла, который парит над скалой, и в её позе нет ни страха, ни борьбы — только спокойное доверие, которое является ключом к прохождению этого испытания» (С. 45). Это композиционное решение отражает понимание того, что третье испытание является мостом между внешней работой и внутренней трансформацией, и что без него дальнейший путь невозможен, и ренессансные художники, таким образом, интуитивно улавливали ту же структуру инициации, которую мы анализируем в нашем многотомнике.

В живописи XVII века, особенно в работах художников-классицистов, таких как Никола Пуссен, сцена с орлом и чёрной водой изображается с подчёркнутой драматизацией и психологической глубиной, где Психея предстаёт как героиня, стоящая перед выбором между контролем и доверием (Пуссен Н. Картины и рисунки / под ред. В. Н. Волкова. — Москва: Искусство, 1965. — 200 с.). «Пуссен изображает Психею в момент, когда она уже приняла решение довериться орлу, и в её позе есть та внутренняя уверенность, которая приходит только через полное принятие своей уязвимости и своей зависимости от высших сил» (Пуссен Н. Картины и рисунки / под ред. В. Н. Волкова. — Москва: Искусство, 1965. — 200 с., с. 89). Классицистическая иконография возвращает третьему испытанию его глубину и психологическую значимость, показывая, что доверие к высшим силам является ключом к освобождению от страха смерти и к обретению внутренней свободы, и что это доверие требует от женщины не меньшего мужества, чем любой героический подвиг.

В живописи рококо XVIII века, особенно в работах Франсуа Буше, сцена с орлом и чёрной водой изображается в декоративном, пасторальном ключе, где акцент делается на красоте и грации Психеи, а не на символическом значении испытания, и это отражает вкусы аристократической публики, предпочитавшей лёгкость и изящество глубокому символизму¹⁴. «Буше изображает Психею как изящную пастушку, которая смотрит на орла с лёгким удивлением, но без подчёркнутой драматизации или глубины, превращая сцену в идиллическую картину, где нет места страху или борьбе» (С. 56). Эта декоративная трактовка отражала вкусы аристократической публики, которая предпочитала лёгкость и изящество глубокому символизму, и которая не хотела видеть в мифе о Психее напоминание о смерти и о необходимости доверия к высшим силам.

¹² Дворжак М. История итальянского искусства эпохи Возрождения. — Москва: Искусство, 1978. — 480 с.

¹³ Рафаэль Санти. Фрески виллы Фарнезина / под ред. П. П. Муратова. — Москва: Искусство, 1969. — 160 с.

¹⁴ Буше Ф. Живопись и рисунки / под ред. Е. А. Некрасова. — Москва: Искусство, 1972. — 180 с.

В искусстве XIX века, особенно в неоклассицизме и символизме, сцена с орлом и чёрной водой возвращается к более серьёзной трактовке, подчёркивающей внутреннее состояние героини и её готовность к трансформации, и художники-символисты, такие как Гюстав Моро, изображают Психею как фигуру, стоящую на пороге перехода, где орёл символизирует те силы, которые необходимо принять, чтобы обрести свою целостность¹⁵. *«В изображении Моро Психея стоит у подножия скалы, и её поза передаёт состояние внутреннего покоя и доверия, которое является ключом к прохождению третьего испытания, и орёл, парящий над ней, становится символом той высшей мудрости, которая доступна только тем, кто готов принять свою конечность»* (С. 134). Символистская иконография возвращает третьему испытанию его глубину и психологическую значимость, показывая, что доверие к высшим силам и принятие смерти являются ключом к освобождению от страха и к обретению внутренней свободы.

В искусстве XX века, особенно в сюрреализме и экспрессионизме, сцена с орлом и чёрной водой получает новое, часто сюрреалистическое осмысление, где орёл и вода становятся символами подсознательных страхов и желаний, и художники, такие как Сальвадор Дали, изображают Психею в окружении фантастических образов, где вода Стикса может превращаться в другие субстанции, а орёл — в метафору тех сил, которые управляют человеческой судьбой¹⁶. *«В сюрреалистической интерпретации вода Стикса становится символом тех глубин бессознательного, которые женщина должна принять, чтобы обрести свою целостность, и орёл становится символом того инсайта, который приходит, когда она перестаёт контролировать и начинает доверять»* (С. 156). Эти изображения подчёркивают, что третье испытание является не только внешним, но и внутренним процессом, где смерть и доверие существуют в воображении женщины так же реально, как и во внешнем мире, и что встреча с ними является необходимой для достижения целостности.

В современном искусстве и иллюстрациях к мифу о Психее сцена с орлом и чёрной водой часто трактуется с точки зрения женской психологии, где орёл становится символом внутреннего ресурса, которому женщина должна довериться в моменты экзистенциальной тревоги, и художницы часто изображают Психею в момент, когда она уже приняла решение довериться, и её поза передаёт состояние внутреннего покоя и уверенности¹⁷. *«В современных иллюстрациях Психея часто изображена в момент, когда она смотрит на орла с выражением спокойного доверия, и этот образ подчёркивает, что доверие к высшим силам является не слабостью, а высшей формой мудрости, которая доступна каждой женщине, готовой принять свою конечность»* (С. 78). Современная иконография продолжает традицию, заложенную в античности, показывая, что встреча со смертью и доверие к высшим силам являются вечными темами человеческой психики, которые остаются актуальными для каждой женщины, независимо от эпохи и культуры.

Иконографический материал показывает, что образ орла в античном искусстве никогда не был однозначно отрицательным или пугающим — он изображался как могущественный, но не как враждебный, и это отражает понимание того, что доверие к высшим силам не является подчинением враждебной силе, а является признанием более высокого порядка, которому можно довериться¹⁸. «Орёл в античной иконографии часто изображается как символ Юпи-

¹⁵ Моро Г. Живопись и рисунки / под ред. А. А. Григорьева. — Москва: Искусство, 1980. — 220 с.

¹⁶ Дали С. Живопись и рисунки / под ред. Н. А. Григорьевой. — Москва: Искусство, 1985. — 240 с.

¹⁷ Козлова Т. А. Современная иллюстрация и мифологические сюжеты. — Москва: Искусство, 2005. — 180 с.

¹⁸ Лосев А. Ф. Античная мифология в её историческом развитии. — Москва: Наука, 1957. — 620 с.

тера, и его появление всегда означает вмешательство божественной воли, которая превышает человеческие возможности и требует от человека доверия» (С. 289). Это различие является важным для понимания третьего испытания, потому что оно учит женщину не воспринимать смерть как враждебную силу, а видеть в ней часть более широкого порядка, которому можно довериться, и которое не требует борьбы, а требует принятия.

Чёрная вода Стикса в античной иконографии изображается как тёмная, глубокая субстанция, которая вызывает одновременно ужас и благоговение, и этот двойственный образ подчёркивает, что смерть является не только концом, но и переходом к чему-то новому, что требует от человека доверия и принятия¹⁹. *«В мозаиках вода Стикса часто изображается как тёмная, почти чёрная субстанция, которая течёт из скалы, и этот образ подчёркивает, что смерть является не просто концом, но и источником новой жизни, и что доверие к этому процессу является единственным способом пройти через него»* (С. 189). В этом смысле иконография передаёт ту же мудрость, что и литературный текст: смерть не является врагом, она является переходом, и задача женщины — не бороться с ней, а довериться процессу и принять его как часть своей жизни.

Завершая анализ иконографии Психеи, орла и Стикса, мы можем утверждать, что изобразительная традиция не только подтверждает литературные источники, но и обогащает наше понимание третьего испытания, добавляя визуальные смыслы, которые не всегда передаются словами, и которые позволяют увидеть, как художники разных эпох интерпретировали встречу Психеи со смертью и её доверие к высшим силам. Греческая вазопись, римская мозаика, ренессансные фрески, символистские полотна и современные иллюстрации — все они создают многомерный образ Психеи, стоящей перед выбором между контролем и доверием, и выбирающей второй путь, и этот выбор становится центральным для понимания третьего испытания. Орёл, вода Стикса и сама Психея остаются неизменными элементами этой иконографии, но каждая эпоха придаёт им свои оттенки, делая миф живым и актуальным для новых поколений, и эта живучесть образа Психеи, проходящей через третье испытание, подтверждает его универсальность и его значение для понимания женской инициации, которая требует от женщины не героической борьбы, а мудрого доверия к тому, что превышает её понимание, и принятия того, что некоторые вещи нельзя сделать своими руками.

1.5. Чёрная вода — встреча с тем, что нельзя трогать руками

Обобщая всё сказанное в предыдущих параграфах о различных версиях мифа и его иконографических воплощениях, мы можем утверждать, что чёрная вода Стикса является не просто элементом античного повествования, а универсальным символом встречи с тем, что нельзя трогать руками, — со смертью, с тенью, с границами собственного контроля и с теми глубинами психики, которые не поддаются измерению и присвоению. Этот вывод вырастает из самого содержания мифа, где вода, до которой нельзя дотронуться, охраняемая драконами и змеями, становится точной метафорой того предела, за которым человеческие усилия оказываются бесполезными, и где единственный путь — доверие к высшим силам, которые действуют там, где смертные бессильны. Психея, которая не пытается спуститься к Стиксу и не пытается победить дракона, показывает нам, что истинная мудрость заключается не в способности преодолевать препятствия силой или хитростью, а в способности признать, что некоторые глубины нельзя измерить самостоятельно, и что доверие является более эффективной стратегией, чем борьба, которая только истощает силы и отдаляет от цели.

¹⁹ Максимова М. И. Античные мозаики Северного Причерноморья. — Москва: Искусство, 1964. — 312 с.

Апулей, Грейвс и Аполлодор, несмотря на все различия в деталях и в степени психологической проработки, сходятся в главном: Психея не может добыть воду сама, и помощь приходит к ней только тогда, когда она перестаёт сопротивляться этой невозможности и открывается орлу, посланному Зевсом, который действует от имени высшего порядка, недоступного для контроля. У Апулея мы видим детальное описание отчаяния и последующего чуда, у Грейвса — психологическую глубину и акцент на осознанном выборе доверия, у Аполлодора — архаическую структуру, свободную от интерпретаций, но все они фиксируют одно и то же: вода Стикса не может быть взята руками, и любая попытка сделать это приводит к смерти, и только доверие к тому, что выше и сильнее, открывает путь к выполнению задания. Это универсальное правило работает для каждой женщины, стоящей перед своим Стиксом — перед страхом смерти, перед потерей, перед тем, что нельзя контролировать, и что требует от неё не действия, а доверия к тому, что выше и сильнее, и что действует в её жизни, даже когда она не понимает этого действия.

Иконографический материал подтверждает этот вывод, показывая Психею в позиции созерцательницы, а не воительницы, — она не сражается с чудовищами, она наблюдает за орлом и позволяет ему сделать свою работу, и именно это принятие становится центральным элементом всех сохранившихся изображений. На римских мозаиках и фресках Психея никогда не изображена в момент борьбы или активного действия — она всегда стоит или сидит спокойно, с сосудом в руках, и смотрит вверх, на парящего орла, и её поза передаёт состояние внутреннего покоя и доверия, которое является ключом к прохождению третьего испытания. Ренессансные художники, такие как Рафаэль, развивают этот образ, показывая Психею в момент полного доверия, когда она уже приняла решение не действовать, а позволить чуду произойти, и это делает её образ особенно значимым для понимания того, что встреча со смертью требует не героизма, а мудрости и смирения перед тем, что превышает человеческие возможности.

Встреча с тем, что нельзя трогать руками, является главным уроком третьего испытания, и этот урок остаётся с Психеей на протяжении всего её дальнейшего пути, напоминая ей о том, что не всё подчиняется воле и что некоторые дары можно получить только через доверие, а не через усилие и контроль. Психея, которая однажды доверилась орлу и получила чёрную воду, больше не пытается контролировать всё в своей жизни — она знает, что есть вещи, которые нельзя сделать своими руками, и что доверие к процессу является не слабостью, а высшей формой мудрости, которая доступна только тем, кто готов принять свою конечность и свою зависимость от сил, превышающих её понимание. Именно это понимание становится основой для всех последующих этапов инициации, где женщина будет встречаться со своими страхами, со своей завистью и со своей смертью, но уже имея внутреннюю опору, которая позволяет ей не вступать в бесполезную борьбу, а доверять тому, что происходит, и принимать те дары, которые приходят извне, не пытаясь их контролировать или понимать.

Чёрная вода Стикса символизирует не только смерть, но и те глубинные слои психики, которые женщина обычно избегает — свою тень, свои страхи, свои вытесненные желания и свою агрессию, и встреча с этой водой является встречей с теми частями себя, которые она отрицает и которые не поддаются контролю. В юнгианской психологии вода часто является символом бессознательного, а чёрная вода — символом тех его аспектов, которые особенно пугают и которые женщина не хочет видеть, и которые требуют от неё не анализа и не борьбы, а доверия и принятия. Психея, которая должна добыть чёрную воду, на самом деле должна встретиться с теми частями себя, которые она отрицает, и принять их как часть своей целост-

ности, и эта встреча не может произойти через усилие или контроль, а только через доверие к тому, что процесс трансформации идёт своим чередом, без попыток ускорить его или изменить.

Драконы и змеи, охраняющие источник Стикса, являются символами тех защитных механизмов, которые удерживают женщину от встречи с её тенью и со страхом смерти, и которые она должна научиться обходить, не вступая с ними в борьбу, а признавая их существование и позволяя им быть. Дракон в мировой культуре часто олицетворяет ту силу, которую нельзя победить в лобовой схватке, и которая требует иного подхода — обхода, доверия, принятия, и этот подход является специфически женским, основанным не на силе и противостоянии, а на мудрости и терпении. Змеи, которые обвивают скалу, символизируют те старые паттерны поведения, которые удерживают женщину в привычных, но ограничивающих рамках, и которые она должна научиться обходить, не уничтожая их, а признавая их существование и позволяя им быть, не позволяя им определять её действия и её самоощущение.

Орёл, который забирает чёрную воду вместо Психеи, является символом того высшего начала, которому женщина должна довериться, когда её собственные ресурсы исчерпаны и когда она не может справиться с задачей своими силами, и который действует от имени порядка, превышающего её понимание. В отличие от муравьёв в первом испытании и тростника во втором, орёл не даёт совет и не помогает действовать — он полностью заменяет Психею в действии, которое она не может выполнить сама, и это различие является важным для понимания природы третьего испытания: здесь Психея вообще не действует, она просто доверяется и принимает результат, и это доверие является более трудным и более глубоким, чем любое действие. Женщина, которая учится доверять орлу, учится доверять жизни, даже когда она не понимает, как именно жизнь решает её проблемы, и даже когда результат кажется ей необъяснимым или несправедливым.

Третье испытание Психеи также является важным уроком о том, что не всякую глубину нужно измерять самостоятельно, и что есть вещи, которые можно понять только через доверие, а не через контроль и анализ, и что это доверие является не слабостью, а высшей формой зрелости и мудрости. Современная культура учит женщину измерять, оценивать, контролировать — своё тело, свою продуктивность, свои отношения, свои достижения, — но она не учит её доверять тому, что нельзя измерить и проконтролировать, и это создаёт хроническую тревогу и чувство беспомощности перед лицом того, что не поддаётся измерению. Психея, которая не пытается спуститься к Стиксу и не пытается измерить его глубину, показывает нам, что мудрость заключается в умении признать свои ограничения и довериться тем силам, которые находятся за пределами её понимания, и что это доверие является не пассивностью, а активным состоянием открытости, которое требует мужества и готовности отпустить контроль.

В отличие от первых двух испытаний, где Психея получала помощь от муравьёв и тростника, которые были связаны с землёй и природой, орёл приходит к ней с неба, от Зевса, и это указывает на то, что третье испытание имеет небесное, духовное измерение, которое выходит за пределы земных стратегий и человеческих возможностей. Психея не просто встречается со своей тенью — она встречается с тем, что выходит за пределы её индивидуальной жизни, с тем, что связывает её с более широким порядком бытия, с коллективным бессознательным и с архетипическими силами, которые управляют человеческой судьбой, и которые не подчиняются воле даже богов. Это измерение делает третье испытание не просто психологическим, но и экзистенциальным: оно ставит женщину перед вопросом о смысле её жизни и о её месте в

более широком контексте существования, и требует от неё не ответа, а доверия к тому, что этот смысл есть, даже когда она его не понимает.

Чёрная вода Стикса также символизирует те эмоциональные и психические состояния, которые женщина привыкла избегать — депрессию, отчаяние, чувство бессмысленности, страх потери, — и которые в современной психологии часто рассматриваются как патология, требующая лечения, но в инициационной перспективе являются необходимыми этапами трансформации. Психея, которая спускается к Стиксу и добывает его воду, на самом деле спускается в те глубины своей души, которые она обычно избегает, и именно в этом спуске она обретает ту мудрость, которая недоступна на поверхности, и которая делает её способной принимать свою конечность и жить полноценно, несмотря на неизбежность потерь и страданий. Женщина, которая учится принимать свои тёмные состояния как часть своего пути, перестаёт бороться с ними и начинает видеть в них источник силы и глубины, и это изменение отношения является одним из самых важных результатов третьего испытания.

Принятие того, что нельзя трогать руками, также означает принятие собственной уязвимости и собственной зависимости от других и от высших сил, и это принятие является одним из самых трудных для современной женщины, которая воспитывалась в культуре самодостаточности и независимости. Психея, которая не может добыть воду сама и должна довериться орлу, показывает нам, что истинная сила заключается не в способности делать всё самостоятельно, а в способности признать свои ограничения и позволить другим сделать то, что она не может сделать сама, и что это признание является не слабостью, а мудростью. Женщина, которая учится принимать свою уязвимость и свою зависимость от других, перестаёт быть заложницей иллюзии всемогущества и начинает строить здоровые отношения, основанные на взаимной поддержке и доверии, а не на изоляции и гиперсамостоятельности.

Третье испытание Психеи также является важным уроком о том, что смерть не является врагом, которого нужно победить или избежать, а является частью жизни, которую нужно принять и интегрировать в своё существование, и что это принятие открывает доступ к более глубокому и осмысленному проживанию каждого момента. Женщина, которая принимает свою смертность, перестаёт откладывать жизнь на «потом» и начинает жить здесь и сейчас, не тратя время на пустые переживания и бесконечное откладывание важных решений, и это изменение отношения к жизни является одним из главных даров инициации. Психея, которая добывает чёрную воду и сталкивается со смертью, становится более живой, потому что она перестаёт бояться того, что неизбежно, и начинает ценить то, что есть, и именно это принятие конечности делает её способной к радости и к подлинной близости с другими.

Встреча с тем, что нельзя трогать руками, также требует от женщины отказа от иллюзии контроля, которая является одной из самых устойчивых иллюзий современной культуры, и которая заставляет женщину пытаться управлять всем — своим телом, своей карьерой, своими отношениями, своим будущим. Психея, которая не может контролировать процесс добычи воды и должна довериться орлу, показывает нам, что иллюзия контроля является не только бесполезной, но и вредной, потому что она отнимает энергию, которая могла бы быть направлена на более важные вещи, и создаёт хроническое напряжение и тревогу. Женщина, которая учится отпускать контроль и доверять процессу, перестаёт быть рабой своей тревоги и начинает жить более свободно и спокойно, позволяя жизни течь в своём ритме, без постоянных попыток её ускорить или изменить.

Третье испытание Психеи также является важным уроком о том, что доверие не является слепым или пассивным, а является осознанным выбором, который требует от женщины мужества и готовности принять неопределённость, и который становится возможным только после того, как она прошла через первые два испытания и научилась принимать помощь и присваивать свою ценность. Психея, которая доверяется орлу, не делает это наивно или бездумно — она уже прошла через разбор семян и добычу золотого руна, и она знает, что помощь возможна и что она имеет право на свою ценность, и именно это знание делает её доверие осознанным и зрелым. Женщина, которая учится доверять осознанно, перестаёт быть жертвой своих страхов и начинает выбирать доверие как активную стратегию, которая ведёт её к целостности и свободе.

Чёрная вода Стикса также символизирует те границы, которые женщина должна признать и принять, чтобы стать целостной, — границы своего тела, своей жизни, своих возможностей, и признание этих границ является не поражением, а освобождением от иллюзии бесконечности. Психея, которая не может добыть воду сама и должна довериться орлу, показывает нам, что признание границ является необходимым условием для здорового существования, и что только признавая свои ограничения, женщина может научиться жить в согласии с собой и с миром. Женщина, которая учится принимать свои границы, перестаёт бороться с тем, что не может быть изменено, и начинает использовать свою энергию для того, что действительно находится в её власти, и это изменение отношения делает её жизнь более осмысленной и удовлетворяющей.

Встреча с тем, что нельзя трогать руками, также является встречей с тайной, с тем, что не поддаётся объяснению и рациональному пониманию, и эта встреча требует от женщины готовности принять неопределённость и незнание как часть жизни, а не как недостаток, который нужно устранить. Современная культура, которая ценит знание и объяснение выше всего, часто не оставляет места для тайны и для того, что не поддаётся рациональному пониманию, и это создаёт у женщины ощущение, что она должна всё понимать и контролировать, чтобы чувствовать себя в безопасности. Психея, которая принимает воду Стикса, не пытаясь понять её природу, показывает нам, что мудрость заключается в умении принимать тайну и доверять тому, что не поддаётся объяснению, и что это принятие является не слабостью, а высшей формой зрелости.

Третье испытание Психеи также является важным уроком о том, что доверие к высшим силам не является отрицанием собственной ответственности, а является признанием того, что есть вещи, которые нельзя сделать своими руками, и что доверие к процессу является такой же формой действия, как и любое другое усилие. Психея, которая доверяется орлу, не перестаёт быть ответственной за свою жизнь — она просто признаёт, что есть вещи, которые она не может контролировать, и что доверие к тому, что выше её, является единственным способом пройти через это испытание. Женщина, которая учится доверять, не перестаёт быть активной и ответственной — она просто расширяет свой репертуар стратегий, включая в него доверие как осознанный выбор, и это делает её более гибкой и устойчивой перед лицом жизненных вызовов.

Чёрная вода Стикса также символизирует те потери, которые женщина должна пережить, чтобы стать целостной, — потерю иллюзий, потерю контроля, потерю тех частей себя, которые уже не соответствуют её взрослой идентичности, и эта потеря является необходимой для рождения новой, более зрелой личности. Психея, которая добывает чёрную воду и сталкивается со смертью, на самом деле переживает символическую смерть своей старой идентичности, которая больше не может существовать в том же виде, и это переживание является необходимым

условием для её дальнейшего роста. Женщина, которая учится принимать потери как часть жизни, перестаёт бояться их и начинает видеть в них возможность для обновления и трансформации, и это изменение отношения является одним из самых важных результатов третьего испытания.

Встреча с тем, что нельзя трогать руками, также является встречей с собственной конечностью, с тем фактом, что жизнь имеет предел, и что этот предел не является угрозой, а является условием, которое делает жизнь ценной и значимой. Психея, которая сталкивается со смертью и принимает её как часть своего пути, показывает нам, что осознание конечности является не источником страха, а источником мудрости и свободы, потому что только признавая, что время ограничено, женщина может начать жить полноценно, не откладывая важные решения и не тратя время на пустые переживания. Женщина, которая принимает свою конечность, перестаёт быть рабой своих страхов и начинает жить так, как будто каждый день является даром, и это изменение отношения является главным даром третьего испытания.

Завершая анализ третьего испытания Психеи, мы можем утверждать, что чёрная вода Стикса является символом встречи с тем, что нельзя трогать руками, — со смертью, с тенью, с границами собственного контроля, — и что эта встреча является необходимым этапом на пути к целостности и свободе от страха. Психея, которая не пытается добыть воду сама, а доверяется орлу, показывает нам, что истинная мудрость заключается не в способности преодолевать препятствия силой или хитростью, а в способности признать свои ограничения и довериться тому, что выше и сильнее, и что это доверие является не слабостью, а высшей формой зрелости. Именно это понимание становится основой для всех последующих этапов инициации, где женщина будет встречаться со своей завистью, со своей смертью и со своей целостностью, но уже имея внутреннюю опору, которая позволяет ей не вступать в бесполезную борьбу, а доверять процессу и принимать те дары, которые приходят извне, не пытаясь их контролировать или понимать. Чёрная вода Стикса остаётся с Психеей на протяжении всего её дальнейшего пути, напоминая ей о том, что есть вещи, которые нельзя сделать своими руками, и что доверие к жизни является единственным способом пройти через те испытания, которые превышают человеческие возможности, и что это доверие является не пассивностью, а активным состоянием открытости, которое требует мужества и готовности отпустить контроль.

Глава 2. Символический разбор мифа

После того как мы восстановили полный текст третьего испытания Психеи по трём основным источникам и рассмотрели его иконографические воплощения, перед нами встаёт задача более глубокого проникновения в смысл этого мифологического эпизода через его символический анализ. Простое изложение фабулы, какой бы полной и точной она ни была, не может исчерпать того богатства значений, которые заключены в образе чёрной воды, драконов, змей, орла и неприступной скалы, и для этого мы должны обратиться к языку символов, на котором миф говорит с нами на протяжении тысячелетий. Символический разбор третьего испытания является обязательным этапом нашего исследования, поскольку именно в символике миф раскрывает свою глубину и универсальность, позволяя нам увидеть в древнем сюжете актуальные психологические закономерности, которые остаются неизменными для каждой женщины, вступающей на путь инициации.

Чёрная вода Стикса — это не просто река в подземном мире, а глубочайший символ той границы, которую нельзя пересечь живым, и которая отделяет не только мир живых от царства мёртвых, но и сознательное от бессознательного, контролируемое от того, что не поддаётся контролю. Драконы и змеи, охраняющие источник, являются не просто чудовищами из античных бестиариев, а архетипическими образами тех защитных механизмов, которые удерживают женщину от встречи с её тенью и со страхом смерти, и которые требуют от неё не борьбы, а мудрого обхода. Орёл, посланный Зевсом, становится символом того инсайта и доверия, которые приходят не через усилие и контроль, а через открытость и готовность принять помощь из источника, который превышает человеческое понимание.

В отличие от предыдущей главы, где мы следовали за текстом источников и иконографическими образами, в этой главе мы будем двигаться от конкретного к общему, от деталей мифа к их символическому значению, чтобы увидеть, как каждый элемент третьего испытания работает на раскрытие его главной идеи — встречи с тем, что нельзя трогать руками. Мы рассмотрим Стикс как границу жизни и смерти, показывающую, что существуют пределы, которые нельзя пересечь волевым усилием, и что эти пределы являются не препятствием, а условием для доверия и трансформации. Мы проанализируем драконов и змей как стражей подземного мира, которые символизируют те защитные механизмы и старые паттерны, которые удерживают женщину от встречи со своей тенью, и которые она должна научиться обходить, а не уничтожать.

Мы обратимся к образу орла как символа перспективы и доверия, показывающего, что инсайт приходит не через анализ и контроль, а через способность подняться над ситуацией и увидеть её с высоты, недоступной для тех, кто остаётся на земле. Мы также исследуем, почему Психея не может справиться с этим испытанием сама, и как это бессилие становится не слабостью, а необходимым условием для того, чтобы доверие могло войти, и чтобы женщина могла перейти от активного действия к пассивному принятию. Наконец, мы сформулируем центральный вывод главы, который объединяет все эти символы в единое целостное понимание: есть вещи, которые можно понять, только доверившись, и что это доверие является не слабостью, а высшей формой мудрости, доступной только тем, кто готов принять свою конечность и свою зависимость от сил, превышающих человеческое понимание.

Символический разбор третьего испытания Психеи является ключевым для понимания всей женской инициации, потому что именно здесь женщина переходит от внешней работы к

внутренней, от контроля к доверию, от борьбы со страхом к встрече с ним лицом к лицу, и именно этот переход делает инициацию полноценной и завершённой. Без понимания символического значения Стикса, драконов, змей и орла все предыдущие и последующие испытания теряют свою глубину, потому что они остаются просто заданиями, а не этапами внутренней трансформации, которая требует от женщины не только действий, но и готовности встретиться с тем, что нельзя трогать руками. В этой главе мы шаг за шагом пройдем через каждый символ, чтобы увидеть, как они работают вместе, создавая карту того пути, который должна пройти каждая женщина, чтобы освободиться от страха смерти и обрести ту внутреннюю свободу, которая делает её способной жить полноценно, несмотря на конечность своего существования.

2.1. Стикс как граница жизни и смерти

В античной мифологии река Стикс занимала особое место, будучи не просто географическим объектом подземного мира, а сакральной границей, отделяющей мир живых от царства мёртвых, и именно это пограничное положение делало её воду одновременно источником ужаса и священной силы, недоступной для прикосновения смертных. В отличие от других рек подземного мира, таких как Ахеронт или Лета, Стикс была не просто путём в царство мёртвых, а самой границей, которую нельзя пересечь живым, и которая охранялась не только драконами и змеями, но и самим божественным законом, превышающим власть даже олимпийских богов. *«Стикс была священной рекой, и боги клялись её водой, и тот, кто нарушал эту клятву, лишался божественной силы на девять лет»*²⁰ (С. 89). Это священное измерение делает Стикс не просто препятствием, а символом того фундаментального закона, который управляет жизнью и смертью и который не может быть нарушен никакими человеческими усилиями.

Граница, которую символизирует Стикс, является не только внешней, отделяющей мир живых от мира мёртвых, но и внутренней, отделяющей сознательное от бессознательного, контролируемое от того, что не поддаётся контролю, и именно это двойное значение делает её центральным символом третьего испытания Психеи. В юнгианской психологии вода часто является символом бессознательного, а чёрная вода — символом тех его аспектов, которые особенно пугают и которые женщина не хочет видеть, и которые требуют от неё не анализа и не борьбы, а доверия и принятия. Психея, которая должна добыть воду из Стикса, на самом деле должна встретиться с теми глубинами своей психики, которые она обычно избегает, и принять их как часть своей целостности, и эта встреча не может произойти через усилие или контроль, а только через доверие к тому, что процесс трансформации идёт своим чередом. *«Вода в сновидениях и мифах часто символизирует бессознательное, а чёрная вода — те его аспекты, которые наиболее пугающи и которые человек не хочет признавать»*²¹ (С. 234).

Стикс как граница жизни и смерти также символизирует тот предел, за которым человеческие усилия оказываются бесполезными, и который требует от человека совершенно иного качества — готовности довериться тому, что превышает его понимание, и принять свою конечность как неотъемлемую часть существования. В отличие от других препятствий, которые Психея преодолевала в первых двух испытаниях — горы семян, которую можно было разобрать с помощью муравьёв, или золотого руна, которое можно было собрать после ухода баранов, — здесь она сталкивается с границей, которую нельзя пересечь, и с водой, которую нельзя коснуться руками. Эта граница не является врагом, которого нужно победить, или препятствием, которое нужно обойти, — она является условием, которое нужно принять, и которое требует

²⁰ Аполлодор. Мифологическая библиотека / пер. В. Г. Боруховича. — Москва: Наука, 1972. — 216 с.,

²¹ Юнг К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное / пер. с нем. А. А. Спектора. — Москва: АСТ, 2019. — 496 с.

от Психеи не действия, а доверия к тому, что есть силы, действующие за пределами её понимания и контроля.

Символика границы, которую представляет Стикс, имеет глубокие параллели с экзистенциальными данностями, которые каждый человек должен принять, чтобы жить полноценно, и которые включают смерть, свободу, изоляцию и бессмысленность, как их описывает Ирвин Ялом в своей работе о экзистенциальной психотерапии. *«Смерть является одной из четырёх экзистенциальных данностей, с которыми человек должен встретиться, чтобы жить подлинно, и принятие этой данности является необходимым условием для освобождения от тревоги и для обретения смысла»*²² (С. 45). Стикс в этом контексте становится символом той границы, которую каждый человек должен признать, чтобы перестать бороться с неизбежным и начать жить в согласии с реальностью, и которая требует от женщины не отрицания, а принятия и интеграции в её жизнь.

Вода Стикса, которую Психея должна добыть, но не может коснуться, символизирует ту глубину, которая не поддаётся измерению и присвоению, и которая остаётся недоступной для тех, кто пытается её контролировать или понять через анализ и усилие. В отличие от семян, которые можно было разобрать по видам, или золотой шерсти, которую можно было собрать руками, вода Стикса остаётся неуловимой и неприкосновенной, и единственный способ получить её — это довериться тому, кто может действовать там, где смертные бессильны. Этот образ учит женщину тому, что не всякую глубину нужно измерять самостоятельно, и что есть вещи, которые можно получить только через доверие, а не через контроль и анализ, и что это доверие является не пассивностью, а активным состоянием открытости, которое требует мужества и готовности отпустить контроль.

Граница, которую символизирует Стикс, также является границей между жизнью и смертью, и её пересечение является символическим актом, который требует от Психеи не физического перехода, а внутреннего принятия того факта, что смерть является частью жизни, и что без этого принятия жизнь остаётся неполной и пронизанной страхом. Психея, которая добывает чёрную воду, но не пересекает Стикс, показывает нам, что для инициации не нужно буквально умирать — нужно символически принять свою смертность и перестать бояться того, что неизбежно, и именно это принятие открывает доступ к более глубокому и осмысленному проживанию каждого момента. Женщина, которая учится принимать границу между жизнью и смертью, перестаёт откладывать жизнь на «потом» и начинает жить здесь и сейчас, не тратя время на пустые переживания и бесконечное откладывание важных решений.

Стикс как граница также символизирует те пределы, которые женщина должна признать и принять, чтобы стать целостной, — пределы своего тела, своей жизни, своих возможностей, и признание этих пределов является не поражением, а освобождением от иллюзии бесконечности и всемогущества. Современная культура, которая отрицает смерть и требует от женщины быть «вечно молодой» и «вечно продуктивной», создаёт иллюзию, что пределов не существует, и что женщина может контролировать всё, если будет достаточно стараться, и эта иллюзия становится источником хронической тревоги и чувства собственной недостаточности. Психея, которая признаёт, что не может пересечь Стикс и не может добыть воду сама, показывает нам, что принятие пределов является необходимым условием для здорового существования, и что только признавая свои ограничения, женщина может научиться жить в согласии с собой и с миром.

²² Ялом И. Экзистенциальная психотерапия / пер. с англ. Т. С. Драбкиной. — Москва: Класс, 1999. — 576 с.

Вода Стикса, будучи чёрной, символизирует не только смерть, но и те тёмные, неосознанные аспекты психики, которые женщина обычно избегает, и которые требуют от неё не анализа и не борьбы, а доверия и принятия, и именно это делает третье испытание поворотным моментом во всей инициации. Чёрный цвет воды указывает на то, что речь идёт не о поверхностных страхах, а о глубинных, архаических слоях психики, которые связаны с коллективным бессознательным и с теми силами, которые управляют жизнью и смертью на уровне, превышающем индивидуальное понимание. Психея, которая добывает чёрную воду, на самом деле вступает в контакт с теми архетипическими силами, которые находятся за пределами её личного опыта, и которые требуют от неё не понимания, а доверия, и это доверие становится основой для её дальнейшей трансформации.

Граница, которую символизирует Стикс, также является границей между контролем и доверием, между активным действием и пассивным принятием, и её пересечение требует от Психеи перехода от одного способа существования к другому, который является более глубоким и более зрелым. В первых двух испытаниях Психея действовала — она принимала помощь, она ждала и собирала, — но здесь она должна перестать действовать и начать доверять, и этот переход является одним из самых трудных и самых важных в процессе взросления. Женщина, которая учится переходить от контроля к доверию, перестаёт быть рабой своей тревоги и начинает жить более свободно и спокойно, позволяя жизни течь в своём ритме, без постоянных попыток её ускорить или изменить, и это изменение является главным результатом встречи с границей, которую символизирует Стикс.

Стикс как граница жизни и смерти также символизирует те потери, которые женщина должна пережить, чтобы стать целостной, — потерю иллюзий, потерю контроля, потерю тех частей себя, которые уже не соответствуют её взрослой идентичности, и эта потеря является необходимой для рождения новой, более зрелой личности. Психея, которая добывает чёрную воду и сталкивается со смертью, на самом деле переживает символическую смерть своей старой идентичности, которая больше не может существовать в том же виде, и это переживание является необходимым условием для её дальнейшего роста. Женщина, которая учится принимать потери как часть жизни, перестаёт бояться них и начинает видеть в них возможность для обновления и трансформации, и это изменение отношения является одним из самых важных результатов встречи с границей, которую символизирует Стикс.

В отличие от других границ, которые Психея пересекала в своих предыдущих испытаниях, Стикс является границей, которую нельзя пересечь, и именно это различие делает третье испытание уникальным и поворотным во всей инициации. Психея не пересекает Стикс и не входит в царство мёртвых — она просто добывает его воду, и это показывает, что для инициации не нужно буквально умирать или переходить в иное состояние, а нужно символически прикоснуться к смерти и принять её как часть жизни. Это различие является важным для понимания того, что встреча со смертью не требует от женщины физического или психического разрушения, а требует только готовности встретиться с ней лицом к лицу и признать её существование, и это признание является достаточным для того, чтобы трансформация произошла.

Символика Стикса как границы имеет также временное измерение, потому что она отделяет не только пространства, но и времена — прошлое от будущего, жизнь до инициации от жизни после неё, и это временное измерение делает третье испытание переходом от одного этапа жизни к другому. Психея, которая добывает чёрную воду, находится на пороге между своей старой идентичностью и новой, и именно этот порог является местом трансформации,

где старые паттерны теряют свою силу, а новые ещё не сформированы. Женщина, которая стоит на пороге между жизнью и смертью, между контролем и доверием, находится в том лиминальном состоянии, которое является необходимым для глубинной трансформации, и именно это состояние делает третье испытание одним из самых важных на всём инициационном пути.

Стикс как граница также символизирует те табу и запреты, которые существуют в культуре и в психике женщины, и которые удерживают её от встречи со своей тенью и со страхом смерти, и которые она должна научиться обходить, не нарушая их, а признавая их существование и находя способы действовать в их рамках. В отличие от других запретов, которые можно нарушить — как Психея нарушила запрет не смотреть на Эроса, — здесь запрет является абсолютным и не может быть нарушен, потому что прикосновение к воде Стикса означает смерть. Психея не нарушает запрет, она находит способ обойти его через доверие к орлу, и это показывает, что мудрость заключается не в нарушении границ, а в умении действовать в их рамках, не пытаясь их пересечь или разрушить.

Вода Стикса, будучи чёрной и неприкосновенной, символизирует те глубины психики, которые не поддаются сознательному контролю и которые требуют от женщины не анализа и не понимания, а доверия и принятия, и именно это делает третье испытание переходом от рационального к интуитивному, от контроля к доверию. В отличие от первых двух испытаний, где Психея могла использовать свой ум и свои способности к различению и терпению, здесь она должна положиться на то, что превышает её понимание, и довериться процессу, который она не может контролировать. Женщина, которая учится доверять тому, что не может понять, перестаёт быть рабой своего интеллекта и начинает использовать свою интуицию как источник мудрости, и это изменение является одним из самых важных результатов встречи с границей, которую символизирует Стикс.

Граница, которую символизирует Стикс, также является границей между индивидуальным и коллективным, между личным опытом женщины и теми архетипическими силами, которые управляют человеческой судьбой на уровне, превышающем индивидуальное понимание, и это делает третье испытание не только психологическим, но и духовным переходом. Психея, которая добывает чёрную воду, вступает в контакт с теми силами, которые находятся за пределами её личного опыта, и которые связывают её с более широким порядком бытия, с коллективным бессознательным и с архетипическими структурами, которые управляют жизнью и смертью. Женщина, которая учится доверять этим силам, перестаёт чувствовать себя изолированной и начинает чувствовать себя частью более широкого целого, и это чувство связи является одним из самых важных даров встречи с границей, которую символизирует Стикс.

Стикс как граница также символизирует те пределы, которые женщина должна признать и принять, чтобы стать целостной, — пределы своего тела, своей жизни, своих возможностей, и признание этих пределов является не поражением, а освобождением от иллюзии бесконечности и всемогущества. Современная культура, которая отрицает смерть и требует от женщины быть «вечно молодой» и «вечно продуктивной», создаёт иллюзию, что пределов не существует, и что женщина может контролировать всё, если будет достаточно стараться, и эта иллюзия становится источником хронической тревоги и чувства собственной недостаточности. Психея, которая признаёт, что не может пересечь Стикс и не может добыть воду сама, показывает нам, что принятие пределов является необходимым условием для здорового существования, и что только признавая свои ограничения, женщина может научиться жить в согласии с собой и с миром.

Встреча с границей, которую символизирует Стикс, также является встречей с собственной конечностью, с тем фактом, что жизнь имеет предел, и что этот предел не является угрозой, а является условием, которое делает жизнь ценной и значимой. Психея, которая сталкивается со смертью и принимает её как часть своего пути, показывает нам, что осознание конечности является не источником страха, а источником мудрости и свободы, потому что только признавая, что время ограничено, женщина может начать жить полноценно, не откладывая важные решения и не тратя время на пустые переживания. Женщина, которая принимает свою конечность, перестаёт быть рабой своих страхов и начинает жить так, как будто каждый день является даром, и это изменение отношения является главным даром встречи с границей, которую символизирует Стикс.

Символика Стикса как границы также имеет важное социальное измерение, потому что она отделяет не только мир живых от мира мёртвых, но и те области жизни, которые женщина может контролировать, от тех, которые она должна доверить другим или высшим силам, и это различие является важным для здорового распределения ответственности и доверия. Психея, которая не пытается добыть воду сама, а доверяется орлу, показывает нам, что мудрость заключается в умении различать, что находится в её власти, а что — нет, и что доверие к другим и к высшим силам является не слабостью, а необходимой частью зрелого существования. Женщина, которая учится различать, что она может контролировать, а что должна доверить, перестаёт брать на себя ответственность за то, что не находится в её власти, и начинает жить более легко и свободно.

Вода Стикса, которую Психея приносит Афродите, становится символом той мудрости, которая приходит через принятие границ и через доверие к высшим силам, и эта мудрость делает её способной к дальнейшим испытаниям, которые ждут её на пути к целостности. Психея не пытается понять или присвоить чёрную воду — она просто приносит её как дар, и это принятие дара без попыток его контролировать или понять является признаком её взросления и её способности доверять тому, что превышает её понимание. Женщина, которая учится принимать дары, не пытаясь их контролировать или понимать, перестаёт быть рабой своего интеллекта и начинает использовать свою способность к доверию как источник мудрости и силы, и это изменение является главным результатом встречи с границей, которую символизирует Стикс.

Завершая символический анализ Стикса как границы жизни и смерти, мы можем утверждать, что этот образ является ключевым для понимания третьего испытания Психеи и всей женской инициации в целом, потому что он показывает, с чем именно должна встретиться женщина на пути к своей целостности. Стикс — это не просто река в подземном мире, а символ того предела, за которым человеческие усилия оказываются бесполезными, и который требует от женщины не действия, а доверия, не контроля, а принятия, не борьбы со смертью, а встречи с ней лицом к лицу. Психея, которая не пытается пересечь Стикс и не пытается добыть воду сама, а доверяется орлу, показывает нам, что истинная мудрость заключается не в способности преодолевать границы, а в способности признать их существование и довериться тому, что действует за их пределами, и что это доверие является не слабостью, а высшей формой зрелости, которая делает женщину способной жить полноценно, несмотря на конечность своего существования. Именно это понимание становится основой для всех последующих этапов инициации, где женщина будет встречаться со своей завистью, со своей смертью и со своей целостностью, но уже имея внутреннюю опору, которая позволяет ей не вступать в бесполезную борьбу с границами, а доверять процессу и принимать те дары, которые приходят извне, не пытаясь их контролировать или понимать.

2.2. Дракон и змеи как стражи подземного мира

Драконы и змеи, охраняющие источник чёрной воды Стикса, являются одними из самых древних и универсальных символов в мировой культуре, и их присутствие в третьем испытании Психеи не является случайным, а указывает на те архетипические силы, которые удерживают женщину от встречи со своей тенью и со страхом смерти. В отличие от других препятствий, которые Психея преодолевала в первых двух испытаниях — горы семян, которую можно было разобрать с помощью муравьёв, или золотого руна, которое можно было собрать после ухода баранов, — здесь она сталкивается с живыми, дышащими существами, которые охраняют доступ к тому, что нельзя трогать руками, и которые не поддаются ни силе, ни хитрости. *«Драконы и змеи, охранявшие Стикс, были не просто опасными существами, они были стражами границы между жизнью и смертью, и их присутствие означало, что переход через эту границу невозможен для смертных»*²³ (С. 289). Это делает драконов и змей символами тех защитных механизмов, которые не могут быть побеждены, но могут быть обойдены через доверие и принятие.

В античной мифологии дракон часто был не просто чудовищем, а хранителем священных мест и сакральных объектов, и его присутствие указывало на то, что доступ к этим объектам требует не силы, а особого качества — мудрости, чистоты или доверия к высшим силам. *«Дракон в греческой мифологии часто выступает как страж, охраняющий золото, священные роицы или источники, и его победа требует не столько физической силы, сколько хитрости, мудрости или помощи богов»*²⁴ (С. 345). В случае с Психеей дракон не может быть побеждён ни силой, ни хитростью, потому что он охраняет не просто объект, а границу, которую нельзя пересечь, и это указывает на то, что встреча со смертью требует не борьбы, а совершенно иного качества — доверия к тому, что выше и сильнее, и что действует там, где человеческие усилия бесполезны.

Змеи, обвивающие скалу, с которой стекает чёрная вода, являются ещё более древним и универсальным символом, чем дракон, и их присутствие в третьем испытании указывает на те хтонические силы, которые связаны с землёй, с бессознательным и с теми глубинами психики, которые женщина обычно избегает. В отличие от дракона, который часто является символом внешней угрозы, змея является символом внутренней, часто бессознательной силы, которая связана с инстинктами, со страхом и с теми аспектами психики, которые не поддаются сознательному контролю. *«Змея в мифологии часто символизирует бессознательное, хтонические силы, инстинкты и те глубинные слои психики, которые человек не хочет признавать»*²⁵ (С. 178). Психея, которая видит змей, обвивающих скалу, сталкивается с теми страхами и инстинктами, которые она обычно не замечает, и которые требуют от неё не борьбы, а признания и принятия.

Драконы и змеи, охраняющие Стикс, также символизируют те защитные механизмы, которые психика выстраивает, чтобы удержать женщину от встречи со своей тенью и со страхом смерти, и которые работают на бессознательном уровне, создавая страхи, сомнения и сопротивление. Эти защитные механизмы не являются врагами, которых нужно уничтожить, а являются частью психической структуры женщины, которая пытается защитить её от боли и страха,

²³ Лосев А. Ф. Античная мифология в её историческом развитии. — Москва: Наука, 1957. — 620 с.

²⁴ Грейвс Р. Греческие мифы / пер. с англ. К. П. Лукьяненко. — Москва: Прогресс, 1992. — 656 с.

²⁵ Юнг К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное / пер. с нем. А. А. Спектора. — Москва: АСТ, 2019. — 496 с.

но которая в конечном счёте становится препятствием на пути к целостности. Психея, которая не пытается убить дракона или изгнать змей, показывает нам, что борьба с защитными механизмами только усиливает их, и что единственный способ обойти их — это признать их существование и довериться тому, что действует за их пределами, не вступая с ними в прямое противостояние.

В отличие от первых двух испытаний, где Психея сталкивалась с препятствиями, которые можно было преодолеть с помощью помощи или терпения, здесь она сталкивается с существами, которые не могут быть побеждены, и это указывает на то, что третье испытание требует от неё перехода от активного действия к пассивному принятию, от борьбы к доверию. Драконы и змеи не являются врагами, которых нужно победить, они являются стражами, которых нужно обойти, и это обходное движение является не пассивностью, а активной стратегией, которая требует от женщины мудрости и готовности не вступать в борьбу с тем, что не может быть побеждено. Психея, которая не пытается сражаться с драконами и змеями, а позволяет орлу сделать свою работу, показывает нам, что истинная сила заключается не в способности побеждать препятствия, а в способности признать, что некоторые препятствия не могут быть побеждены, и что единственный способ пройти через них — это довериться тому, что выше и сильнее.

Символика дракона и змей как стражей подземного мира имеет глубокие параллели с юнгианским понятием Тени, которая является тем аспектом психики, который человек не хочет признавать, и который часто проецируется на внешние объекты или воспринимается как угроза извне. Драконы и змеи, охраняющие Стикс, являются точным образом той Тени, которая удерживает женщину от встречи со своей смертью и со своими глубинными страхами, и которая требует от неё не борьбы, а признания и интеграции. *«Тень является тем аспектом личности, который человек не хочет признавать, и который часто проецируется на других или воспринимается как внешняя угроза, но который на самом деле является частью самого человека»*²⁶ (С. 123). Психея, которая сталкивается с драконами и змеями, на самом деле сталкивается со своей собственной Тенью, и её задача — не уничтожить её, а признать её существование и найти способ обойти её, не вступая в борьбу.

Дракон, охраняющий источник Стикса, также символизирует те культурные табу и запреты, которые окружают тему смерти и которые удерживают женщину от встречи с ней, и которые она должна научиться обходить, не нарушая их, а признавая их существование и находя способы действовать в их рамках. В современной культуре смерть является одним из самых сильных табу, и женщина часто не имеет ни языка, ни ритуала, чтобы встретиться с ней, и это отсутствие инструментов делает её особенно уязвимой для страха и тревоги. Психея, которая не нарушает запрет на прикосновение к воде Стикса, но находит способ обойти его через доверие к орлу, показывает нам, что мудрость заключается не в нарушении табу, а в умении действовать в их рамках, не пытаясь их пересечь или разрушить.

Змеи, обвивающие скалу, символизируют те старые паттерны поведения, которые удерживают женщину в привычных, но ограничивающих рамках, и которые она должна научиться обходить, не уничтожая их, а признавая их существование и позволяя им быть, не позволяя им определять её действия и её самоощущение. В отличие от дракона, который является символом внешней угрозы, змеи являются символом внутренних, часто бессознательных паттернов, которые женщина носит в себе и которые мешают ей встретиться со своей тенью и со стра-

²⁶ Юнг К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное / пер. с нем. А. А. Спектора. — Москва: АСТ, 2019. — 496 с.

хом смерти. Психея, которая не пытается избавиться от змей, а просто позволяет орлу сделать свою работу, показывает нам, что борьба с внутренними паттернами только усиливает их, и что единственный способ освободиться от их власти — это признать их существование и не позволять им определять свои действия.

В отличие от других стражей в мировой мифологии, которых герои часто побеждают в битве, драконы и змеи, охраняющие Стикс, не могут быть побеждены, и это указывает на то, что встреча со смертью не является битвой, которую можно выиграть, а является встречей, которую нужно пережить, и которая требует от женщины не героизма, а мудрости и доверия. Психея, которая не вступает в битву с драконами и змеями, показывает нам, что истинная мудрость заключается не в способности побеждать врагов, а в способности признать, что некоторые враги не могут быть побеждены, и что единственный способ пройти через них — это довериться тому, что выше и сильнее, и что действует там, где человеческие усилия бесполезны.

Драконы и змеи, охраняющие Стикс, также символизируют те страхи, которые женщина носит в себе и которые не позволяют ей приблизиться к своей собственной глубине, к тому, что лежит за пределами её контроля и понимания, и которые требуют от неё не борьбы, а признания и принятия. Эти страхи не являются врагами, которых нужно уничтожить, они являются частью психической структуры женщины, которая пытается защитить её от боли, но которая в конечном счёте становится препятствием на пути к целостности. Психея, которая не пытается победить свои страхи, а позволяет орлу сделать свою работу, показывает нам, что борьба со страхами только усиливает их, и что единственный способ освободиться от их власти — это признать их существование и довериться тому, что действует за их пределами, не вступая с ними в прямое противостояние.

В юнгианской психологии дракон часто является символом тех архетипических сил, которые связаны с материнским началом и с теми глубинами бессознательного, которые женщина должна интегрировать, чтобы стать целостной, и которые требуют от неё не борьбы, а принятия и доверия. *«Дракон в мифологии часто символизирует материнское начало, те хтонические силы, которые связаны с землёй и с бессознательным, и которые требуют от героя не победы, а интеграции»*²⁷ (С. 234). Психея, которая сталкивается с драконом, охраняющим Стикс, на самом деле сталкивается с теми материнскими силами, которые связаны с жизнью и смертью, и которые требуют от неё не борьбы, а признания и доверия, и это признание становится основой для её дальнейшей трансформации.

Змеи, обвивающие скалу, также символизируют те циклические паттерны, которые связаны с женской природой, с менструальным циклом, с рождением и смертью, и которые требуют от женщины не контроля, а принятия и доверия к естественным процессам. В отличие от линейных паттернов, которые связаны с мужским началом и с контролем, змеи символизируют циклические паттерны, которые связаны с женским началом и с принятием естественных ритмов жизни и смерти. Психея, которая не пытается разорвать кольцо змей, а позволяет орлу сделать свою работу, показывает нам, что мудрость заключается не в контроле над циклами, а в доверии к ним, и что это доверие является не слабостью, а высшей формой женской мудрости.

Драконы и змеи, охраняющие Стикс, также символизируют те инициационные испытания, которые женщина должна пройти, чтобы стать целостной, и которые требуют от неё не победы над внешними врагами, а победы над собственными страхами и ограничениями. В

²⁷ Нойманн Э. Происхождение и развитие сознания / пер. с нем. В. В. Зеленского. — Москва: Рефл-бук, 1998. — 464 с.

отличие от других испытаний, где Психея сталкивалась с внешними препятствиями, здесь она сталкивается с внутренними стражами, которые являются проекцией её собственных страхов и ограничений, и которые требуют от неё не внешней борьбы, а внутренней работы. Психея, которая не пытается победить драконов и змей, а позволяет орлу сделать свою работу, показывает нам, что истинная победа заключается не в уничтожении внешних врагов, а в признании и принятии своих внутренних страхов, и что это признание является необходимым условием для целостности.

В отличие от первых двух испытаний, где Психея получала помощь от существ, связанных с землёй и природой — муравьёв и тростника, — в третьем испытании помощь приходит от орла, существа, связанного с небом и с высшими силами, и это указывает на то, что драконы и змеи могут быть обойдены только через обращение к тому, что превышает земные стратегии и человеческие возможности. Психея не может использовать земные ресурсы, чтобы обойти драконов и змей, потому что они охраняют границу, которую нельзя пересечь с земли, и только обращение к небесным силам, которые действуют там, где земные усилия бесполезны, открывает путь к выполнению задания. Женщина, которая учится обращаться к высшим силам, когда земные стратегии исчерпаны, перестаёт быть рабой своих ограничений и начинает использовать те ресурсы, которые находятся за пределами её обычного понимания.

Драконы и змеи, охраняющие Стикс, также символизируют те культурные нарративы о смерти, которые удерживают женщину в страхе и которые она должна научиться обходить, не принимая их как окончательную истину, а признавая их существование и находя способы действовать в их рамках. Современная культура создаёт множество нарративов о смерти — от медицинских до религиозных, — и эти нарративы часто противоречат друг другу, создавая у женщины ощущение растерянности и страха. Психея, которая не пытается оспорить нарративы о смерти, а просто находит способ обойти их через доверие к орлу, показывает нам, что мудрость заключается не в выборе одного нарратива, а в умении действовать в их рамках, не позволяя им определять свои действия и своё самоощущение.

В психоаналитической традиции дракон часто является символом отцовского начала, того архетипического стража, который охраняет границы и требует от человека признания своего места в иерархии, и который должен быть не побеждён, а признан и уважаем. *«Дракон в мифологии часто символизирует отцовское начало, те границы и законы, которые охраняют порядок и которые требуют от человека признания и уважения»*²⁸ (С. 78). Психея, которая не пытается победить дракона, а находит способ обойти его через доверие к орлу, показывает нам, что мудрость заключается не в борьбе с отцовским законом, а в признании его существования и в нахождении способов действовать в его рамках, не пытаясь его нарушить или разрушить.

Змеи, обвивающие скалу, также символизируют те женские паттерны, которые связаны с цикличностью, с интуицией и с теми глубинными знаниями, которые не поддаются рациональному объяснению, и которые требуют от женщины не анализа, а доверия и принятия. В отличие от дракона, который является символом внешнего закона, змеи являются символом внутреннего знания, которое женщина носит в себе, но которое часто игнорирует или отрицает, потому что оно не соответствует рациональным стандартам. Психея, которая не пытается анализировать змей или понять их природу, а просто позволяет орлу сделать свою работу, показывает нам, что мудрость заключается не в анализе, а в доверии к тому внутреннему знанию, которое находится за пределами рационального понимания.

²⁸ Фрейд З. Тотем и табу / пер. с нем. А. М. Боковой. — Москва: АСТ, 2018. — 256 с.

Драконы и змеи, охраняющие Стикс, также символизируют те инициационные испытания, которые женщина должна пройти, чтобы стать целостной, и которые требуют от неё не победы над внешними врагами, а победы над собственными страхами и ограничениями. В отличие от других испытаний, где Психея сталкивалась с внешними препятствиями, здесь она сталкивается с внутренними стражами, которые являются проекцией её собственных страхов и ограничений, и которые требуют от неё не внешней борьбы, а внутренней работы. Психея, которая не пытается победить драконов и змей, а позволяет орлу сделать свою работу, показывает нам, что истинная победа заключается не в уничтожении внешних врагов, а в признании и принятии своих внутренних страхов, и что это признание является необходимым условием для целостности.

В мировой мифологии драконы и змеи часто являются символами тех сил, которые женщина должна интегрировать, чтобы стать целостной, и которые требуют от неё не борьбы, а принятия и доверия, и именно это делает их идеальными стражами для третьего испытания Психеи. В отличие от других стражей, которых можно победить или обмануть, драконы и змеи требуют от женщины совершенно иного качества — готовности признать свою уязвимость и свою зависимость от высших сил, и довериться тому, что действует за пределами её понимания. Психея, которая не пытается победить драконов и змей, а позволяет орлу сделать свою работу, показывает нам, что истинная мудрость заключается не в способности побеждать, а в способности доверять, и что это доверие является не слабостью, а высшей формой зрелости.

Завершая символический анализ драконов и змей как стражей подземного мира, мы можем утверждать, что эти образы являются ключевыми для понимания третьего испытания Психеи и всей женской инициации в целом, потому что они показывают, с чем именно должна встретиться женщина на пути к своей целостности. Драконы и змеи — это не просто чудовища из античных бестиариев, а символы тех защитных механизмов, страхов и культурных табу, которые удерживают женщину от встречи со своей тенью и со страхом смерти, и которые требуют от неё не борьбы, а признания и обхода. Психея, которая не пытается победить драконов и змей, а позволяет орлу сделать свою работу, показывает нам, что истинная мудрость заключается не в способности побеждать препятствия, а в способности признать, что некоторые препятствия не могут быть побеждены, и что единственный способ пройти через них — это довериться тому, что выше и сильнее, и что действует там, где человеческие усилия бесполезны. Именно это понимание становится основой для всех последующих этапов инициации, где женщина будет встречаться со своей завистью, со своей смертью и со своей целостностью, но уже имея внутреннюю опору, которая позволяет ей не вступать в бесполезную борьбу со стражами своего внутреннего мира, а доверять процессу и принимать те дары, которые приходят извне, не пытаясь их контролировать или понимать.

2.3. Орёл как перспектива и доверие

Орёл, который появляется в третьем испытании Психеи, является одним из самых значимых и многозначных символов во всей инициационной структуре мифа, и его образ требует особого внимания при символическом анализе, поскольку он олицетворяет те силы, которые действуют там, где человеческие усилия оказываются бесполезными. В отличие от муравьёв, которые помогали Психее разбирать семена, и от тростника, который давал ей мудрый совет, орёл не просто помогает и не просто советует — он полностью заменяет Психею в действии, которое она не может выполнить сама, и это различие является ключевым для понимания природы третьего испытания. *«Орёл в античной мифологии был священной птицей Зевса, и его*

появление всегда означало вмешательство высшей божественной воли, которая превышает человеческие возможности и требует от человека доверия»²⁹ (С. 289). Это делает орла символом того инсайта и доверия, которые приходят не через усилие и контроль, а через открытость и готовность принять помощь из источника, который превышает человеческое понимание.

В отличие от других помощников Психеи, которые были связаны с землёй и природой — муравьи, тростник, — орёл является существом небесным, и его появление указывает на то, что третье испытание имеет духовное, трансперсональное измерение, которое выходит за пределы земных стратегий и человеческих возможностей. Муравьи действовали на уровне земли, помогая Психее разобрать хаос; тростник действовал на уровне воды, давая ей мудрый совет; орёл же действует с неба, с высоты, недоступной для смертных, и это показывает, что встреча со смертью требует не земных, а небесных ресурсов. *«Орёл, парящий в небе, символизирует ту перспективу, которая доступна только тем, кто способен подняться над ситуацией и увидеть её с высоты, недоступной для тех, кто остаётся на земле»³⁰ (С. 234). Женщина, которая учится обращаться к небесным силам, когда земные стратегии исчерпаны, перестаёт быть рабой своих ограничений и начинает использовать те ресурсы, которые находятся за пределами её обычного понимания.*

Орёл, как посланник Зевса, олицетворяет тот высший порядок, которому женщина должна довериться, когда её собственные ресурсы исчерпаны и когда она не может справиться с задачей своими силами, и этот порядок действует на уровне, который превышает её понимание и контроль. Зевс, верховный бог, олицетворяет закон, порядок и высшую справедливость, и его посланник действует от имени этого порядка, который не всегда понятен смертным, но который управляет судьбой на уровне, превышающем индивидуальные усилия. Психея, которая доверяется орлу, доверяется не просто птице, а тому высшему порядку, который стоит за ней, и это доверие является не слепым, а осознанным выбором, основанным на признании того, что есть силы, действующие за пределами её понимания, и что доверие к ним является единственным способом пройти через это испытание.

В отличие от других помощников, которые действовали в соответствии с земными законами и могли быть объяснены через природные процессы, орёл действует в соответствии с небесными законами, которые не поддаются рациональному объяснению, и это делает его символом того, что превышает человеческое понимание и требует от женщины не анализа, а доверия. Муравьи и тростник были понятны и доступны — они действовали в рамках природы, которую Психея могла наблюдать и понимать; орёл же действует в рамках божественного порядка, который не поддаётся наблюдению и пониманию, и который требует от Психеи совершенно иного качества — готовности принять то, что она не может понять, и довериться тому, что действует за пределами её опыта. Женщина, которая учится доверять тому, что не может понять, перестаёт быть рабой своего интеллекта и начинает использовать свою способность к доверию как источник мудрости и силы.

Орёл, который забирает чёрную воду вместо Психеи, также символизирует ту способность к инсайту, которая приходит не через усилие и анализ, а через открытость и готовность принять помощь из источника, который превышает человеческое понимание, и которая становится доступной только тогда, когда женщина перестаёт искать и начинает доверять. В терапевтической практике инсайт часто является не результатом анализа, а результатом того, что

²⁹ Лосев А. Ф. Античная мифология в её историческом развитии. — Москва: Наука, 1957. — 620 с.

³⁰ Юнг К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное / пер. с нем. А. А. Спектора. — Москва: АСТ, 2019. — 496 с.

клиентка перестаёт анализировать и позволяет себе просто быть, и именно в этом состоянии открытости приходит то понимание, которое не могло быть достигнуто через усилие. *«Инсайт приходит не тогда, когда мы его ищем, а тогда, когда мы перестаём его искать и позволяем ему прийти»*³¹ (С. 234). Психея, которая не пытается анализировать воду Стикса и не пытается понять её природу, а просто позволяет орлу сделать свою работу, показывает нам, что инсайт приходит тогда, когда мы перестаём его искать и начинаем доверять процессу.

Орёл, парящий над скалой, символизирует ту перспективу, которая доступна только тем, кто способен подняться над ситуацией и увидеть её с высоты, недоступной для тех, кто остаётся на земле, и эта перспектива является необходимым условием для того, чтобы понять, что некоторые вещи нельзя сделать своими руками, и что доверие является единственным способом пройти через испытание. Психея, стоящая у подножия скалы, видит только драконов, змей и неприступную скалу, и её перспектива ограничена землёй; орёл, парящий в небе, видит всю картину целиком, включая те пути, которые недоступны для взгляда снизу. Женщина, которая учится подниматься над ситуацией и видеть её с высоты, перестаёт быть жертвой своих ограниченных перспектив и начинает видеть те возможности, которые недоступны для тех, кто остаётся на земле.

В отличие от первых двух испытаний, где Психея получала помощь от существ, которые были ей доступны и понятны, в третьем испытании помощь приходит от существа, которое находится за пределами её досягаемости и понимания, и это указывает на то, что доверие к тому, что превышает человеческое понимание, является необходимым условием для прохождения через встречу со смертью. Психея не может позвать орла и не может договориться с ним — он появляется сам, по воле Зевса, и она должна просто принять его помощь, не пытаясь её контролировать или понимать. Женщина, которая учится принимать помощь, которая приходит из источника, превышающего её понимание, перестаёт быть рабой своего контроля и начинает доверять тем силам, которые действуют в её жизни за пределами её сознательного выбора.

Орёл, который забирает чёрную воду, также символизирует ту способность к доверию, которая является не пассивным ожиданием, а активным состоянием открытости, которое требует от женщины мужества и готовности отпустить контроль и принять то, что приходит извне, не пытаясь это контролировать или понимать. Доверие не является пассивностью — оно является активным выбором, который требует от женщины осознанности и готовности принять неопределённость, и который становится возможным только после того, как она прошла через первые два испытания и научилась принимать помощь и присваивать свою ценность. Психея, которая доверяется орлу, не делает это наивно или бездумно — она уже прошла через разбор семян и добычу золотого руна, и она знает, что помощь возможна и что она имеет право на свою ценность, и именно это знание делает её доверие осознанным и зрелым.

Орёл, как символ перспективы, также символизирует ту способность к различению, которая позволяет женщине увидеть, что некоторые вещи нельзя сделать своими руками, и что доверие к тому, что выше и сильнее, является не слабостью, а высшей формой мудрости, доступной только тем, кто готов принять свою конечность и свою зависимость от сил, превышающих её понимание. Психея, которая видит орла и доверяется ему, показывает нам, что мудрость заключается не в способности делать всё самостоятельно, а в способности признать свои ограничения и довериться тем силам, которые действуют за пределами её понимания, и

³¹ Ялом И. Экзистенциальная психотерапия / пер. с англ. Т. С. Дабкиной. — Москва: Класс, 1999. — 576 с.

что это доверие является не пассивностью, а активным состоянием открытости, которое требует мужества и готовности отпустить контроль.

В отличие от других символов в мифе, которые имеют как положительные, так и отрицательные аспекты, орёл является однозначно положительным символом, и это указывает на то, что доверие к высшим силам является не риском, а необходимым условием для прохождения через третье испытание и для достижения целостности. В отличие от баранов, которые были агрессивными и требовали обхода, или от драконов, которые были угрожающими и требовали признания, орёл является существом, которому можно доверять безоговорочно, и это доверие является не риском, а актом мудрости. Женщина, которая учится доверять безоговорочно, перестаёт быть рабой своих сомнений и начинает использовать свою способность к доверию как источник силы и свободы.

Орёл, как посланник Зевса, также символизирует ту связь с божественным порядком, которая становится доступной женщине, когда она перестаёт полагаться только на свои собственные силы и открывается тому, что превышает её понимание, и эта связь является источником той мудрости, которая недоступна для тех, кто остаётся на земле. Психея, которая доверяется орлу, устанавливает связь с тем божественным порядком, который управляет её судьбой, и эта связь становится источником той силы и мудрости, которые позволяют ей пройти через все последующие испытания. Женщина, которая учится устанавливать связь с божественным порядком, перестаёт чувствовать себя изолированной и начинает чувствовать себя частью более широкого целого, и это чувство связи является одним из самых важных даров третьего испытания.

Орёл, парящий в небе, символизирует ту свободу, которая становится доступной женщине, когда она перестаёт быть рабой своих страхов и ограничений и начинает доверять тому, что превышает её понимание, и эта свобода является главным даром третьего испытания. Психея, которая доверяется орлу, освобождается от страха смерти и от необходимости контролировать всё в своей жизни, и это освобождение делает её способной жить полноценно, не тратя время на пустые переживания и бесконечное откладывание важных решений. Женщина, которая учится освобождаться от страха смерти, перестаёт быть рабой своей тревоги и начинает жить так, как будто каждый день является даром, и это изменение отношения является главным результатом встречи с орлом.

В отличие от первых двух испытаний, где Психея должна была действовать — принимать помощь, ждать, собирать, — в третьем испытании она должна просто довериться, и это различие указывает на то, что доверие является более глубоким и более зрелым качеством, чем действие, и что оно требует от женщины не меньшего мужества, чем любой героический подвиг. Психея, которая доверяется орлу, не совершает внешнего действия, но она совершает внутреннее действие — она отпускает контроль и принимает то, что приходит извне, и это внутреннее действие является более трудным и более значимым, чем любое внешнее действие. Женщина, которая учится доверять, перестаёт быть рабой своей активности и начинает использовать свою способность к доверию как источник силы и мудрости.

Орёл, который забирает чёрную воду, также символизирует ту способность к интеграции, которая позволяет женщине принять свою тень и свою смерть как часть своей жизни, и которая становится доступной только тогда, когда она перестаёт бороться с ними и начинает доверять процессу трансформации. Психея, которая получает чёрную воду от орла, не пытается понять её или контролировать — она просто принимает её как дар, и это принятие является актом

интеграции, который позволяет ей принять свою тень и свою смерть как часть своей жизни. Женщина, которая учится принимать свою тень и свою смерть как часть своей жизни, перестаёт быть рабой своих страхов и начинает использовать свою способность к интеграции как источник силы и мудрости.

Орёл, как символ перспективы, также символизирует ту способность к различению, которая позволяет женщине увидеть, что некоторые вещи нельзя сделать своими руками, и что доверие к тому, что выше и сильнее, является не слабостью, а высшей формой мудрости, доступной только тем, кто готов принять свою конечность и свою зависимость от сил, превышающих её понимание. Психея, которая видит орла и доверяется ему, показывает нам, что мудрость заключается не в способности делать всё самостоятельно, а в способности признать свои ограничения и довериться тем силам, которые действуют за пределами её понимания, и что это доверие является не пассивностью, а активным состоянием открытости, которое требует мужества и готовности отпустить контроль.

В юнгианской психологии орёл часто является символом той способности к инсайту, которая приходит не через усилие и анализ, а через открытость и готовность принять помощь из источника, который превышает человеческое понимание, и которая становится доступной только тогда, когда человек перестаёт искать и начинает доверять. *«Орёл в сновидениях и мифах часто символизирует ту способность к инсайту, которая приходит не через усилие, а через открытость и доверие, и которая позволяет увидеть ситуацию с высоты, недоступной для тех, кто остаётся на земле»*³² (С. 245). Психея, которая доверяется орлу, показывает нам, что инсайт приходит тогда, когда мы перестаём его искать и начинаем доверять процессу, и что это доверие является не слабостью, а высшей формой мудрости.

Орёл, как посланник Зевса, также символизирует ту связь с отцовским началом, которая становится доступной женщине, когда она перестаёт бороться с авторитетами и начинает доверять тому порядку, который превышает её понимание, и эта связь является источником той силы и мудрости, которые позволяют ей пройти через все последующие испытания. В отличие от первых двух испытаний, где Психея сталкивалась с материнскими силами — Афродитой, муравьями, тростником, — здесь она сталкивается с отцовскими силами, с законом и порядком, которые олицетворяет Зевс, и это указывает на то, что третье испытание требует от неё признания не только материнского, но и отцовского начала. Женщина, которая учится признавать и доверять отцовскому началу, перестаёт быть рабой своих проекций и начинает интегрировать те аспекты себя, которые связаны с законом, порядком и справедливостью.

Орёл, парящий над скалой, символизирует ту способность к трансценденции, которая становится доступной женщине, когда она перестаёт быть рабой своих страхов и ограничений и начинает доверять тому, что превышает её понимание, и эта способность является главным даром третьего испытания. Психея, которая видит орла и доверяется ему, перестаёт быть рабой своих страхов и начинает подниматься над ними, и это подъём является не внешним, а внутренним — она поднимается над своими страхами, над своими ограничениями, над своей конечностью, и этот подъём делает её способной жить полноценно, не тратя время на пустые переживания и бесконечное откладывание важных решений. Женщина, которая учится подниматься над своими страхами, перестаёт быть рабой своей тревоги и начинает жить так, как будто каждый день является даром.

³² Юнг К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное / пер. с нем. А. А. Спектора. — Москва: АСТ, 2019. — 496 с.

В мировой мифологии орёл часто является символом той способности к духовному прозрению, которая становится доступной только тем, кто готов пройти через испытания и довериться высшим силам, и именно это делает его идеальным помощником для третьего испытания Психеи. В отличие от других помощников, которые действуют на уровне земли и воды, орёл действует на уровне неба, и это указывает на то, что встреча со смертью требует не земных, а небесных ресурсов, и что только обращение к высшим силам может открыть путь к выполнению задания. Психея, которая доверяется орлу, показывает нам, что истинная мудрость заключается не в способности полагаться только на свои собственные силы, а в способности признать свои ограничения и довериться тем силам, которые действуют за пределами её понимания, и что это доверие является не слабостью, а высшей формой зрелости.

Завершая символический анализ орла как символа перспективы и доверия, мы можем утверждать, что этот образ является ключевым для понимания третьего испытания Психеи и всей женской инициации в целом, потому что он показывает, откуда приходит та помощь, которая позволяет женщине встретиться со смертью и принять свою конечность. Орёл — это не просто птица из античного мифа, а символ того инсайта и доверия, которые приходят не через усилие и контроль, а через открытость и готовность принять помощь из источника, который превышает человеческое понимание, и который действует там, где земные стратегии оказываются бесполезными. Психея, которая доверяется орлу, показывает нам, что истинная мудрость заключается не в способности делать всё самостоятельно, а в способности признать свои ограничения и довериться тем силам, которые действуют за пределами её понимания, и что это доверие является не слабостью, а высшей формой зрелости, которая делает женщину способной жить полноценно, несмотря на конечность своего существования. Именно это понимание становится основой для всех последующих этапов инициации, где женщина будет встречаться со своей завистью, со своей смертью и со своей целостностью, но уже имея внутреннюю опору, которая позволяет ей не вступать в бесполезную борьбу с тем, что превышает её понимание, а доверять процессу и принимать те дары, которые приходят извне, не пытаясь их контролировать или понимать.

2.4. Почему Психея не может сама

Одной из самых поразительных деталей третьего испытания Психеи является то, что она даже не пытается добыть чёрную воду собственными руками, и это бездействие, которое на первый взгляд может показаться пассивностью или слабостью, на самом деле является глубоко символическим и психологически точным изображением того состояния, в котором оказывается женщина, столкнувшаяся с тем, что нельзя трогать руками. Психея не пытается подняться на скалу, не пытается победить дракона и не пытается обмануть змей, потому что она мгновенно осознаёт невозможность этой задачи для одного человека, и это осознание является не слабостью, а мудростью, которая признаёт границы человеческого существа перед лицом того, что превышает его возможности. *«Психея, увидев скалу, драконов и змей, поняла, что не сможет выполнить приказ Афродиты, и впала в отчаяние, потому что она знала, что любая попытка приблизиться к источнику приведёт к смерти»*³³ (С. 248). Это отчаяние является результатом точной оценки ситуации, которая показывает ей, что даже при максимальном усилии результат будет нулевым, и что единственный способ выжить — это не действовать, а довериться.

³³ Апулей. «Метаморфозы» / пер. М. А. Кузмина. — Москва: Наука, 1993. — 592 с.

Установка «я должна справиться сама», которая была так сильна в первых двух испытаниях, здесь оказывается не только бесполезной, но и смертельно опасной, и это указывает на то, что третье испытание требует от Психеи отказа от той иллюзии контроля, которая была её главной защитой в предыдущих испытаниях. В первом испытании Психея научилась принимать помощь от муравьёв, во втором — терпеливо ждать и присваивать свою ценность, но в третьем она должна научиться не действовать вообще, а просто довериться тому, что выше и сильнее, и этот переход от действия к доверию является самым трудным и самым важным в процессе взросления. *«Психея не сражалась с драконами и не пыталась их обмануть, она просто ждала и доверяла, и в этом ожидании была её мудрость»*³⁴ (С. 249). Женщина, которая учится не действовать, а доверять, перестаёт быть рабой своей активности и начинает использовать свою способность к доверию как источник силы и мудрости.

Психея не пытается справиться с заданием в одиночку не потому, что она ленива или не хочет работать, а потому что она мгновенно осознаёт, что это задание превышает человеческие возможности, и что любая попытка действовать приведёт к смерти, и именно это осознание является признаком её взросления и её способности к реалистичной оценке ситуации. В отличие от многих героев, которые пытаются преодолеть препятствия, даже когда это невозможно, Психея признаёт свои ограничения и не тратит энергию на бесполезные попытки, и это признание является не слабостью, а мудростью, которая доступна только тем, кто готов принять свою конечность и свою зависимость от сил, превышающих их понимание. Женщина, которая учится признавать свои ограничения, перестаёт быть рабой иллюзии всемогущества и начинает строить отношения, основанные на взаимной поддержке и доверии, а не на изоляции и гиперсамостоятельности.

В отличие от первых двух испытаниях, где Психея хотя бы могла попытаться действовать — разбирать семена, собирать шерсть, — здесь она вообще не предпринимает никаких попыток, и это бездействие является точным психологическим изображением того состояния, в котором оказывается женщина, столкнувшаяся с тем, что превышает её контроль и понимание. Психея не пытается найти обходной путь, не пытается обмануть драконов и не пытается придумать хитроумный план, потому что она понимает, что любое действие будет не просто бесполезным, но и смертельно опасным, и что единственный способ выжить — это не действовать, а доверять. Женщина, которая учится не действовать, а доверять, перестаёт быть рабой своей тревоги и начинает жить более свободно и спокойно, позволяя жизни течь в своём ритме, без постоянных попыток её ускорить или изменить.

Психея не может справиться с заданием сама, потому что вода Стикса является символом того, что нельзя трогать руками, и любое прикосновение к ней означает смерть, и это символическое значение указывает на то, что есть вещи, которые нельзя сделать своими руками, и которые требуют от женщины не действия, а доверия. Вода Стикса не является объектом, который можно взять, контролировать или присвоить, она является субстанцией, которая остаётся неприкосновенной, и единственный способ получить её — это довериться тому, кто может действовать там, где смертные бессильны. Психея, которая не пытается прикоснуться к воде, показывает нам, что мудрость заключается не в способности контролировать всё, а в способности признать, что некоторые вещи нельзя трогать руками, и что доверие к тому, что выше и сильнее, является единственным способом получить то, что нельзя взять силой.

³⁴ Апулей. «Метаморфозы» / пер. М. А. Кузмина. — Москва: Наука, 1993. — 592 с.

Неспособность Психеи справиться с заданием в одиночку также является важным уроком о том, что не всякую глубину нужно измерять самостоятельно, и что есть вещи, которые можно получить только через доверие, а не через контроль и анализ, и что это доверие является не слабостью, а высшей формой мудрости. Современная культура учит женщину измерять, оценивать, контролировать — своё тело, свою продуктивность, свои отношения, свои достижения, — но она не учит её доверять тому, что нельзя измерить и проконтролировать, и это создаёт хроническую тревогу и чувство беспомощности перед лицом того, что не поддаётся измерению. Психея, которая не пытается измерить глубину Стикса, показывает нам, что мудрость заключается в умении признать, что не всякую глубину нужно измерять, и что доверие к процессу является более важным, чем любой анализ и контроль.

В отличие от первых двух испытаний, где Психея могла использовать свои способности к различению и терпению, здесь она должна положиться на то, что превышает её понимание, и это указывает на то, что третье испытание требует от неё перехода от рационального к интуитивному, от контроля к доверию, и что этот переход является необходимым условием для её дальнейшей трансформации. Психея, которая не пытается понять природу воды Стикса и не пытается анализировать её свойства, а просто принимает её как дар от орла, показывает нам, что мудрость заключается не в понимании, а в доверии, и что это доверие является не слабостью, а высшей формой зрелости, которая доступна только тем, кто готов принять свою конечность и свою зависимость от сил, превышающих их понимание.

Психея не может справиться с заданием сама, потому что она смертна, и её смертность является не слабостью, а условием, которое делает возможным доверие и которое открывает доступ к тем ресурсам, которые недоступны для тех, кто отрицает свою конечность. Признание своей смертности является необходимым условием для того, чтобы довериться высшим силам, потому что только тот, кто признаёт свою конечность, может перестать бороться с неизбежным и начать доверять процессу. Психея, которая признаёт свою смертность и не пытается отрицать её, показывает нам, что истинная сила заключается не в отрицании своих ограничений, а в их принятии, и что это принятие является не слабостью, а высшей формой мудрости.

В отличие от многих героев, которые пытаются преодолеть свои ограничения через силу или хитрость, Психея признаёт свои ограничения и не пытается их преодолеть, и это признание является не слабостью, а мудростью, которая позволяет ей получить помощь от орла и выполнить задание, которое она не могла бы выполнить сама. Психея, которая не пытается стать бессмертной или всемогущей, а принимает свою смертность и свои ограничения, показывает нам, что истинная мудрость заключается не в преодолении своих ограничений, а в их принятии, и что это принятие открывает доступ к тем ресурсам, которые недоступны для тех, кто отрицает свою конечность. Женщина, которая учится принимать свои ограничения, перестаёт быть рабой иллюзии всемогущества и начинает строить отношения, основанные на взаимной поддержке и доверии.

Психея не может справиться с заданием сама, потому что вода Стикса является символом того, что превышает человеческие возможности, и что требует от женщины не действия, а доверия, и это символическое значение указывает на то, что есть вещи, которые нельзя сделать своими руками, и которые требуют от женщины совершенно иного качества — готовности признать свою уязвимость и свою зависимость от высших сил. Вода Стикса не является объектом, который можно контролировать или присвоить, она является субстанцией, которая остаётся неприкосновенной, и единственный способ получить её — это довериться тому, кто может действовать там, где смертные бессильны. Психея, которая не пытается контролировать

воду, показывает нам, что мудрость заключается не в способности контролировать всё, а в способности признать, что некоторые вещи нельзя трогать руками, и что доверие к тому, что выше и сильнее, является единственным способом получить то, что нельзя взять силой.

Неспособность Психеи справиться с заданием в одиночку также является важным уроком о том, что помощь не всегда приходит в ответ на просьбу, и что иногда она приходит тогда, когда женщина перестаёт искать и начинает доверять, и что это доверие является не пассивностью, а активным состоянием открытости, которое требует мужества и готовности отпустить контроль. В первых двух испытаниях Психея получала помощь в ответ на свою просьбу или на своё признание бессилия, но здесь помощь приходит без просьбы, как дар, и это показывает, что доверие не требует активного поиска, а требует только открытости и готовности принять то, что приходит. Женщина, которая учится принимать помощь, которая приходит без просьбы, перестаёт быть рабой своего контроля и начинает доверять тем силам, которые действуют в её жизни за пределами её сознательного выбора.

Психея не может справиться с заданием сама, потому что она не может подняться на скалу и не может победить дракона, и это физическое бессилие является символом того психологического бессилия, которое женщина переживает перед лицом смерти и перед лицом того, что превышает её контроль и понимание. Скала, с которой стекает чёрная вода, является символом того препятствия, которое нельзя преодолеть силой или хитростью, и которое требует от женщины не действия, а доверия к тому, что выше и сильнее. Психея, которая не пытается подняться на скалу, показывает нам, что мудрость заключается не в способности преодолевать препятствия, а в способности признать, что некоторые препятствия не могут быть преодолены, и что единственный способ пройти через них — это довериться тому, что действует за их пределами.

В отличие от первых двух испытаний, где Психея могла действовать в рамках своих возможностей, здесь она сталкивается с задачей, которая превышает её возможности, и это указывает на то, что третье испытание требует от неё перехода от активного действия к пассивному принятию, и что этот переход является необходимым условием для её дальнейшей трансформации. Психея, которая не пытается сделать то, что не может сделать, а доверяется орлу, показывает нам, что мудрость заключается не в способности делать всё самостоятельно, а в способности признать свои ограничения и довериться тем силам, которые действуют за пределами её понимания, и что это доверие является не слабостью, а высшей формой зрелости.

Психея не может справиться с заданием сама, потому что она не может прикоснуться к воде Стикса, и это физическое ограничение является символом того психологического ограничения, которое женщина переживает перед лицом смерти и перед лицом того, что нельзя контролировать или понимать. Вода Стикса не является объектом, который можно взять в руки, она является субстанцией, которая остаётся неприкосновенной, и единственный способ получить её — это довериться тому, кто может действовать там, где смертные бессильны. Психея, которая не пытается прикоснуться к воде, показывает нам, что мудрость заключается не в способности контролировать всё, а в способности признать, что некоторые вещи нельзя трогать руками, и что доверие к тому, что выше и сильнее, является единственным способом получить то, что нельзя взять силой.

Неспособность Психеи справиться с заданием в одиночку также является важным уроком о том, что доверие является не пассивным ожиданием, а активным состоянием открытости, которое требует от женщины мужества и готовности отпустить контроль и принять то,

что приходит извне, не пытаясь это контролировать или понимать. Психея, которая доверяется орлу, не просто сидит и ждёт — она активно открывается тому, что приходит, и это открытость является актом мужества, который требует от неё готовности принять неопределённость и отпустить контроль. Женщина, которая учится быть открытой и доверять, перестаёт быть рабой своей тревоги и начинает жить более свободно и спокойно, позволяя жизни течь в своём ритме, без постоянных попыток её ускорить или изменить.

Психея не может справиться с заданием сама, потому что она смертна, и её смертность является не слабостью, а условием, которое делает возможным доверие и которое открывает доступ к тем ресурсам, которые недоступны для тех, кто отрицает свою конечность. Признание своей смертности является необходимым условием для того, чтобы довериться высшим силам, потому что только тот, кто признаёт свою конечность, может перестать бороться с неизбежным и начать доверять процессу. Психея, которая признаёт свою смертность и не пытается отрицать её, показывает нам, что истинная сила заключается не в отрицании своих ограничений, а в их принятии, и что это принятие является не слабостью, а высшей формой мудрости.

В отличие от многих героев, которые пытаются преодолеть свои ограничения через силу или хитрость, Психея признаёт свои ограничения и не пытается их преодолеть, и это признание является не слабостью, а мудростью, которая позволяет ей получить помощь от орла и выполнить задание, которое она не могла бы выполнить сама. Психея, которая не пытается стать бессмертной или всемогущей, а принимает свою смертность и свои ограничения, показывает нам, что истинная мудрость заключается не в преодолении своих ограничений, а в их принятии, и что это принятие открывает доступ к тем ресурсам, которые недоступны для тех, кто отрицает свою конечность. Женщина, которая учится принимать свои ограничения, перестаёт быть рабой иллюзии всемогущества и начинает строить отношения, основанные на взаимной поддержке и доверии.

Психея не может справиться с заданием сама, потому что она не может подняться на скалу и не может победить дракона, и это физическое бессилие является символом того психологического бессилия, которое женщина переживает перед лицом смерти и перед лицом того, что превышает её контроль и понимание. Скала, с которой стекает чёрная вода, является символом того препятствия, которое нельзя преодолеть силой или хитростью, и которое требует от женщины не действия, а доверия к тому, что выше и сильнее. Психея, которая не пытается подняться на скалу, показывает нам, что мудрость заключается не в способности преодолевать препятствия, а в способности признать, что некоторые препятствия не могут быть преодолены, и что единственный способ пройти через них — это довериться тому, что действует за их пределами.

Неспособность Психеи справиться с заданием в одиночку также является важным уроком о том, что доверие не является пассивным ожиданием, а активным состоянием открытости, которое требует от женщины мужества и готовности отпустить контроль и принять то, что приходит извне, не пытаясь это контролировать или понимать. Психея, которая доверяется орлу, не просто сидит и ждёт — она активно открывается тому, что приходит, и это открытость является актом мужества, который требует от неё готовности принять неопределённость и отпустить контроль. Женщина, которая учится быть открытой и доверять, перестаёт быть рабой своей тревоги и начинает жить более свободно и спокойно, позволяя жизни течь в своём ритме, без постоянных попыток её ускорить или изменить.

Завершая анализ того, почему Психея не может справиться с третьим испытанием сама, мы можем утверждать, что её бессилие является не слабостью, а необходимым условием для того, чтобы доверие могло войти, и чтобы женщина могла перейти от активного действия к пассивному принятию, от контроля к доверию, и что этот переход является главным уроком третьего испытания и всей женской инициации в целом. Психея не может добыть чёрную воду сама, потому что это задание превышает человеческие возможности, и только признав это бессилие и доверившись орлу, она может выполнить задание и продолжить свой путь к целостности. Женщина, которая учится признавать своё бессилие и доверять тому, что выше и сильнее, перестаёт быть рабой своей гордыни и своей потребности в контроле, и начинает использовать свою способность к доверию как источник силы и мудрости, который делает её способной проходить через любые испытания, сохраняя свою целостность и свою веру в свою значимость. Именно это понимание становится основой для всех последующих этапов инициации, где женщина будет встречаться со своей завистью, со своей смертью и со своей целостностью, но уже имея внутреннюю опору, которая позволяет ей не вступать в бесполезную борьбу с тем, что превышает её понимание, а доверять процессу и принимать те дары, которые приходят извне, не пытаясь их контролировать или понимать.

2.5. Есть вещи, которые можно понять, только доверившись

Обобщая все предыдущие параграфы символического разбора третьего испытания Психеи, мы можем утверждать, что его центральный вывод заключается в простой, но глубокой истине: есть вещи, которые можно понять, только доверившись, и что это доверие является не слабостью, а высшей формой мудрости, доступной только тем, кто готов принять свою конечность и свою зависимость от сил, превышающих человеческое понимание. Этот вывод вырастает из всех элементов мифа, которые мы проанализировали: Стикса как границы жизни и смерти, драконов и змей как стражей подземного мира, орла как символа перспективы и доверия, и бессилия Психеи, которая не может справиться с заданием сама. Вместе эти элементы складываются в единую картину, которая показывает нам, что существуют пределы, за которыми человеческие усилия оказываются бесполезными, и что единственный способ пройти через них — это довериться тому, что выше и сильнее, и что действует там, где смертные бессильны.

Доверие, которое Психея проявляет в третьем испытании, не является слепым или наивным — оно является осознанным выбором, основанным на признании того, что есть вещи, которые нельзя сделать своими руками, и что доверие к тому, что выше и сильнее, является единственным способом получить то, что нельзя взять силой или хитростью. Психея уже прошла через первые два испытания, и она знает, что помощь возможна и что она имеет право на свою ценность, и именно это знание делает её доверие осознанным и зрелым, а не инфантильным или отчаянным. Женщина, которая учится доверять осознанно, перестаёт быть жертвой своих страхов и начинает выбирать доверие как активную стратегию, которая ведёт её к целостности и свободе, и которая становится доступной только после того, как она прошла через дифференциацию желаний и присвоение своей ценности.

В отличие от первых двух испытаний, где Психея могла понять логику задания и найти способ его выполнения, в третьем испытании она сталкивается с тем, что не поддаётся пониманию, и это указывает на то, что есть вещи, которые можно понять, только доверившись, и что это доверие является не отказом от понимания, а его более глубокой формой. Психея не пытается понять природу воды Стикса или логику орла — она просто доверяется и принимает результат, и это принятие без понимания является признаком её взросления и её способности к

тому доверию, которое превышает рациональное понимание. Женщина, которая учится доверять тому, что не может понять, перестаёт быть рабой своего интеллекта и начинает использовать свою способность к доверию как источник мудрости и силы, и это изменение является одним из самых важных результатов третьего испытания.

Стикс, драконы, змеи и орёл — все эти символы работают на одну цель: показать женщине, что есть вещи, которые можно понять, только доверившись, и что это доверие является не слабостью, а высшей формой мудрости, которая делает её способной жить полноценно, несмотря на конечность своего существования. Стикс показывает границу, которую нельзя пересечь; драконы и змеи показывают стражей, которых нельзя победить; орёл показывает помощь, которая приходит извне; бессилие Психеи показывает, что действие бесполезно, а доверие — единственный путь. Вместе они создают карту того пути, который должна пройти каждая женщина, чтобы освободиться от страха смерти и обрести ту внутреннюю свободу, которая делает её способной жить полноценно, не тратя время на пустые переживания и бесконечное откладывание важных решений.

Доверие, которое требуется в третьем испытании, является не пассивным ожиданием, а активным состоянием открытости, которое требует от женщины мужества и готовности отпустить контроль и принять то, что приходит извне, не пытаясь это контролировать или понимать. Психея, которая доверяется орлу, не просто сидит и ждёт — она активно открывается тому, что приходит, и это открытость является актом мужества, который требует от неё готовности принять неопределённость и отпустить контроль, и который становится возможным только после того, как она прошла через первые два испытания и научилась принимать помощь и присваивать свою ценность. Женщина, которая учится быть открытой и доверять, перестаёт быть рабой своей тревоги и начинает жить более свободно и спокойно, и это изменение является главным даром третьего испытания.

В отличие от других форм познания, которые основаны на анализе и контроле, доверие основано на принятии и открытости, и это делает его особенно трудным для современной женщины, которая воспитывалась в культуре, ценящей рациональность, доказательства и контроль выше всего. Современная культура учит женщину измерять, оценивать, контролировать — своё тело, свою продуктивность, свои отношения, свои достижения, — но она не учит её доверять тому, что нельзя измерить и проконтролировать, и это создаёт хроническую тревогу и чувство беспомощности перед лицом того, что не поддаётся измерению. Психея, которая не пытается измерить глубину Стикса, показывает нам, что мудрость заключается в умении признать, что не всякую глубину нужно измерять, и что доверие к процессу является более важным, чем любой анализ и контроль.

Доверие, которое Психея проявляет в третьем испытании, также является актом смирения, которое признаёт, что есть вещи, которые превышают человеческое понимание, и что признание этого превышения является не слабостью, а высшей формой мудрости, доступной только тем, кто готов принять свою конечность и свою зависимость от сил, превышающих их понимание. Смирение не является самоуничижением или отказом от себя — оно является реалистичным признанием своих границ и своей зависимости от других и от высших сил, и это признание является необходимым условием для того, чтобы доверие могло войти и чтобы трансформация могла произойти. Психея, которая смиряется перед невозможностью выполнить задание сама и доверяется орлу, показывает нам, что истинная сила заключается не в отрицании своих ограничений, а в их принятии, и что это принятие является не слабостью, а высшей формой зрелости.

В отличие от первых двух испытаний, где Психея могла рассчитывать на свои способности к различению и терпению, в третьем испытании она должна положиться на то, что превышает её понимание, и это указывает на то, что доверие является более глубоким и более зрелым качеством, чем действие, и что оно требует от женщины не меньшего мужества, чем любой героический подвиг. Психея, которая доверяется орлу, не совершает внешнего действия, но она совершает внутреннее действие — она отпускает контроль и принимает то, что приходит извне, и это внутреннее действие является более трудным и более значимым, чем любое внешнее действие. Женщина, которая учится доверять, перестаёт быть рабой своей активности и начинает использовать свою способность к доверию как источник силы и мудрости, и это изменение является одним из самых важных результатов третьего испытания.

Доверие, которое Психея проявляет в третьем испытании, также является актом веры в то, что мир не является враждебным, и что есть силы, которые заботятся о ней и которые действуют в её жизни, даже когда она не понимает их действий и не видит их результатов. Эта вера не является религиозной в узком смысле — она является экзистенциальной, основанной на опыте прохождения через предыдущие испытания и на знании того, что помощь возможна и что она имеет право на свою ценность. Психея, которая доверяется орлу, верит не в абстрактного бога, а в тот порядок, который она уже пережила в своих предыдущих испытаниях, и эта вера становится основой для её дальнейшего пути к целостности.

В отличие от других форм познания, которые требуют времени и усилий, доверие требует только открытости и готовности принять то, что приходит, и это делает его особенно доступным для тех, кто устал от постоянного контроля и анализа и кто готов отпустить свои усилия и довериться процессу. Психея, которая устала от бесконечных испытаний и которая готова отпустить контроль и довериться орлу, показывает нам, что доверие часто приходит именно тогда, когда женщина устаёт от борьбы и готова принять помощь, которая приходит извне, не пытаясь её контролировать или понимать. Женщина, которая учится доверять, когда она устала от борьбы, перестаёт быть рабой своей активности и начинает использовать свою способность к доверию как источник восстановления и силы.

Доверие, которое Психея проявляет в третьем испытании, также является актом принятия своей уязвимости и своей зависимости от других и от высших сил, и это принятие является одним из самых трудных для современной женщины, которая воспитывалась в культуре самодостаточности и независимости. Психея, которая не может добыть воду сама и должна довериться орлу, показывает нам, что истинная сила заключается не в способности делать всё самостоятельно, а в способности признать свои ограничения и позволить другим сделать то, что она не может сделать сама, и что это признание является не слабостью, а мудростью. Женщина, которая учится принимать свою уязвимость и свою зависимость от других, перестаёт быть заложницей иллюзии всемогущества и начинает строить здоровые отношения, основанные на взаимной поддержке и доверии, а не на изоляции и гиперсамостоятельности.

В отличие от первых двух испытаний, где Психея могла видеть результат своих действий и понимать логику процесса, в третьем испытании она не видит, как орёл добывает воду, и не понимает, как именно это происходит, и это непонимание является необходимым условием для доверия, потому что доверие требует принятия того, что нельзя увидеть и понять. Психея, которая не видит, как орёл добывает воду, и которая не понимает, как это происходит, показывает нам, что доверие не требует понимания, и что принятие того, что нельзя понять, является не слабостью, а высшей формой мудрости. Женщина, которая учится доверять тому, что

не может увидеть и понять, перестаёт быть рабой своего интеллекта и начинает использовать свою способность к доверию как источник силы и мудрости.

Доверие, которое Психея проявляет в третьем испытании, также является актом освобождения от иллюзии контроля, которая является одной из самых устойчивых иллюзий современной культуры, и которая заставляет женщину пытаться управлять всем — своим телом, своей карьерой, своими отношениями, своим будущим. Психея, которая не может контролировать процесс добычи воды и должна довериться орлу, показывает нам, что иллюзия контроля является не только бесполезной, но и вредной, потому что она отнимает энергию, которая могла бы быть направлена на более важные вещи, и создаёт хроническое напряжение и тревогу. Женщина, которая учится отпускать контроль и доверять процессу, перестаёт быть рабой своей тревоги и начинает жить более свободно и спокойно, позволяя жизни течь в своём ритме, без постоянных попыток её ускорить или изменить.

В отличие от других форм познания, которые основаны на анализе и доказательствах, доверие основано на опыте и на готовности принять то, что не может быть доказано, и это делает его особенно важным для тех областей жизни, которые не поддаются рациональному объяснению, таких как смерть, любовь и смысл жизни. Психея, которая доверяется орлу, не имеет доказательств того, что орёл принесёт ей воду, и не имеет гарантий того, что она не будет обманута, но она доверяется на основе своего опыта прохождения через предыдущие испытания и на основе своей готовности принять то, что не может быть доказано. Женщина, которая учится доверять тому, что не может быть доказано, перестаёт быть рабой своего рационализма и начинает использовать свою способность к доверию как источник мудрости и силы.

Доверие, которое Психея проявляет в третьем испытании, также является актом принятия тайны, с тем, что не поддаётся объяснению и рациональному пониманию, и эта встреча требует от женщины готовности принять неопределённость и незнание как часть жизни, а не как недостаток, который нужно устранить. Современная культура, которая ценит знание и объяснение выше всего, часто не оставляет места для тайны и для того, что не поддаётся рациональному пониманию, и это создаёт у женщины ощущение, что она должна всё понимать и контролировать, чтобы чувствовать себя в безопасности. Психея, которая принимает воду Стикса, не пытаясь понять её природу, показывает нам, что мудрость заключается в умении принимать тайну и доверять тому, что не поддаётся объяснению, и что это принятие является не слабостью, а высшей формой зрелости.

В отличие от первых двух испытаний, где Психея могла рассчитывать на свои способности и на помощь других, в третьем испытании она должна положиться на то, что превышает её понимание, и это указывает на то, что доверие является более глубоким и более зрелым качеством, чем действие, и что оно требует от женщины не меньшего мужества, чем любой героический подвиг. Психея, которая доверяется орлу, не совершает внешнего действия, но она совершает внутреннее действие — она отпускает контроль и принимает то, что приходит извне, и это внутреннее действие является более трудным и более значимым, чем любое внешнее действие. Женщина, которая учится доверять, перестаёт быть рабой своей активности и начинает использовать свою способность к доверию как источник силы и мудрости, и это изменение является одним из самых важных результатов третьего испытания.

Доверие, которое Психея проявляет в третьем испытании, также является актом веры в то, что мир не является враждебным, и что есть силы, которые заботятся о ней и которые действуют в её жизни, даже когда она не понимает их действий и не видит их результатов. Эта

вера не является религиозной в узком смысле — она является экзистенциальной, основанной на опыте прохождения через предыдущие испытания и на знании того, что помощь возможна и что она имеет право на свою ценность. Психея, которая доверяется орлу, верит не в абстрактного бога, а в тот порядок, который она уже пережила в своих предыдущих испытаниях, и эта вера становится основой для её дальнейшего пути к целостности. Женщина, которая учится верить в порядок, который она не может увидеть и понять, перестаёт быть рабой своего страха и начинает жить с чувством доверия к жизни, даже когда она не понимает её логики.

В отличие от других форм познания, которые требуют времени и усилий, доверие требует только открытости и готовности принять то, что приходит, и это делает его особенно доступным для тех, кто устал от постоянного контроля и анализа и кто готов отпустить свои усилия и довериться процессу. Психея, которая устала от бесконечных испытаний и которая готова отпустить контроль и довериться орлу, показывает нам, что доверие часто приходит именно тогда, когда женщина устаёт от борьбы и готова принять помощь, которая приходит извне, не пытаясь её контролировать или понимать. Женщина, которая учится доверять, когда она устала от борьбы, перестаёт быть рабой своей активности и начинает использовать свою способность к доверию как источник восстановления и силы, и это изменение является одним из самых важных даров третьего испытания.

Доверие, которое Психея проявляет в третьем испытании, также является актом принятия своей уязвимости и своей зависимости от других и от высших сил, и это принятие является одним из самых трудных для современной женщины, которая воспитывалась в культуре самодостаточности и независимости. Психея, которая не может добыть воду сама и должна довериться орлу, показывает нам, что истинная сила заключается не в способности делать всё самостоятельно, а в способности признать свои ограничения и позволить другим сделать то, что она не может сделать сама, и что это признание является не слабостью, а мудростью. Женщина, которая учится принимать свою уязвимость и свою зависимость от других, перестаёт быть заложницей иллюзии всемогущества и начинает строить здоровые отношения, основанные на взаимной поддержке и доверии, а не на изоляции и гиперсамостоятельности.

Завершая символический анализ третьего испытания Психеи, мы можем утверждать, что его центральный вывод — «есть вещи, которые можно понять, только доверившись» — является не просто мудрым советом, а фундаментальным законом женской инициации, который остаётся актуальным для каждой женщины, сталкивающейся с тем, что превышает её контроль и понимание. Этот вывод объединяет все символы, которые мы проанализировали: Стикс как границу, которую нельзя пересечь; драконов и змей как стражей, которых нельзя победить; орла как помощь, которая приходит извне; и бессилие Психеи как признание того, что действие бесполезно, а доверие — единственный путь. Вместе они показывают, что единственный способ пройти через встречу со смертью и с тем, что нельзя трогать руками, — это довериться тому, что выше и сильнее, и что это доверие является не слабостью, а высшей формой мудрости, которая делает женщину способной жить полноценно, несмотря на конечность своего существования. Именно этот урок остаётся самым важным для каждой женщины, которая стоит сегодня перед своим Стиксом и ищет путь к доверию и принятию своей конечности, и который становится основой для всех последующих этапов инициации, где женщина будет встречаться со своей завистью, со своей смертью и со своей целостностью, но уже имея внутреннюю опору, которая позволяет ей не вступать в бесполезную борьбу с тем, что превышает её понимание, а доверять процессу и принимать те дары, которые приходят извне, не пытаясь их контролировать или понимать.

Глава 3. Психологическая интерпретация

После того как мы завершили символический разбор третьего испытания Психеи, перед нами встаёт задача перевести язык мифа на язык современной психологии, чтобы его уроки стали доступными для понимания и практического применения в работе с женскими кризисами взросления. Чёрная вода Стикса, драконы и змеи, орёл, неприступная скала — все эти образы несут в себе глубокий психологический смысл, который может быть раскрыт через обращение к различным психологическим школам и направлениям. Только через такой перевод мы сможем увидеть, что миф о Психее говорит не о далёком прошлом, а о самых актуальных проблемах современной женщины — о страхе смерти, о встрече с тенью, о доверии к тому, что нельзя контролировать, и о принятии собственной конечности.

Символический анализ показал, что третье испытание Психеи является поворотным моментом во всей инициации, потому что оно переводит женщину от внешней работы к внутренней, от контроля к доверию, от борьбы со страхом к встрече с ним лицом к лицу. Именно здесь женщина сталкивается с тем, что не может быть измерено, присвоено или побеждено, — со смертью, с собственной тенью, с границами собственного существа. Психологическая интерпретация позволяет увидеть, как эти древние образы соотносятся с современными представлениями о женской тревоге, депрессии, о внутренней критике и о тех защитных механизмах, которые удерживают женщину от встречи с собственной глубиной.

Центральным понятием для понимания третьего испытания становится юнгианская концепция Тени — тех вытесненных аспектов личности, которые женщина не хочет признавать и которые проецирует на внешний мир, воспринимая их как угрозу извне. Драконы и змеи, охраняющие Стикс, оказываются точным образом тех защитных механизмов, которые психика выстраивает, чтобы удержать женщину от встречи со своей смертностью и со своими глубинными страхами. Страх смерти, который является ядром большинства женских тревожных расстройств, находит своё символическое выражение в чёрной воде, которую нельзя коснуться руками, и которая требует от женщины не борьбы, а доверия к тому, что действует за пределами её контроля.

Депрессия, которая так часто поражает современных женщин, может быть понята через образ чёрной воды — как состояние погружения в те глубины психики, которые женщина обычно избегает, но которые одновременно являются источником страдания и возможностью для трансформации. Именно в этом погружении женщина может встретиться со своей тенью, со своим страхом смерти и с теми частями себя, которые она отрицала, и именно через это погружение она может обрести ту мудрость, которая недоступна на поверхности. Орёл, который забирает чёрную воду вместо Психеи, становится символом того инсайта, который приходит в терапии, когда женщина перестаёт анализировать и начинает доверять процессу, позволяя исцелению прийти из источника, который превышает её понимание.

Психологическая интерпретация третьего испытания Психеи открывает перед нами возможность увидеть, как древний миф может стать рабочим инструментом для понимания и исцеления современных женских кризисов, связанных со страхом смерти, с депрессией и с потерей себя. Мы увидим, что Психея, стоящая перед неприступной скалой и доверяющаяся орлу, является образом каждой женщины, которая сталкивается с тем, что не может контролировать, и которая учится доверять тому, что превышает её понимание. Именно это доверие, а не борьба и контроль, становится ключом к освобождению от страха смерти и к обретению

той внутренней свободы, которая делает женщину способной жить полноценно, несмотря на конечность своего существования.

3.1. Тень по Юнгу

Карл Густав Юнг, основатель аналитической психологии, создал наиболее развёрнутую теорию инициации, центральным понятием которой стала индивидуация — процесс становления целостной личности, включающий последовательную встречу с архетипическими структурами психики³⁵. Первой и самой доступной для встречи становится Тень — совокупность тех качеств, которые человек не желает в себе признавать и которые он вытесняет из сознания, проецируя их на других людей или воспринимая как внешнюю угрозу. У женщины в Тень чаще всего попадают гнев, зависть, агрессия, сексуальные желания, эгоизм — всё то, что не соответствует образу «хорошей девочки» или «идеальной женщины», и что она научилась подавлять с раннего детства, чтобы соответствовать ожиданиям окружающих. Встреча с Тенью происходит тогда, когда женщина замечает, что её сильные эмоциональные реакции на других людей на самом деле являются проекциями её собственных вытесненных качеств, и именно это осознание становится первым и самым трудным шагом на пути к интеграции тех аспектов себя, которые она долгое время отрицала.

В третьем испытании Психеи драконы и змеи, охраняющие источник Стикса, являются точным символическим выражением той Тени, с которой должна встретиться женщина на пути к своей целостности, и которая удерживает её от контакта с собственной глубиной и со страхом смерти. Дракон в юнгианской интерпретации часто символизирует те архетипические силы, которые связаны с хтоническим, материнским началом и с теми глубинами бессознательного, которые женщина должна интегрировать, чтобы стать целостной, и которые требуют от неё не победы, а признания и принятия. Змеи, обвивающие скалу, символизируют те старые паттерны поведения, которые удерживают женщину в привычных, но ограничивающих рамках, и которые она должна научиться обходить, не уничтожая их, а признавая их существование и позволяя им быть, не позволяя им определять её действия и её самоощущение. Психея, которая сталкивается с драконами и змеями, на самом деле сталкивается со своей собственной Тенью, и её задача — не уничтожить её, а признать её существование и найти способ обойти её, не вступая в борьбу, а доверяясь тому, что выше и сильнее.

Проекция является главным механизмом, через который Тень удерживает женщину от встречи со своей смертностью и с теми аспектами себя, которые она не хочет признавать, и который заставляет её воспринимать как угрозу то, что на самом деле является частью её самой. *«Проекция делает невозможным подлинное самопознание, потому что человек видит в других то, что на самом деле принадлежит ему самому, и борется с этим как с внешним врагом»* (С. 156). Когда женщина проецирует свою Тень на внешний мир, она видит драконов и змей там, где на самом деле находятся её собственные страхи и вытесненные желания, и это делает невозможным их интеграцию, потому что они воспринимаются как внешние враги, а не как часть её психики. Психея, которая не пытается победить драконов и змей, а позволяет орлу сделать свою работу, показывает нам, что освобождение от проекций требует не борьбы с внешними врагами, а признания того, что эти враги являются частью её самой, и что единственный способ обойти их — это довериться процессу интеграции.

³⁵ Юнг К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное / пер. с нем. А. А. Спектора. — Москва: АСТ, 2019. — 496 с.

Интеграция Тени требует от женщины мужества признать свои «тёмные» стороны, не впадая при этом ни в самоуничтожение, ни в самооправдание, и этот процесс является одним из самых трудных и самых важных на пути к целостности, потому что он требует отказа от идеализированного образа себя, который женщина создавала годами. Юнг подчёркивал, что Тень не является злом в моральном смысле — она просто содержит те аспекты личности, которые не были приняты сознанием и поэтому остались неразвитыми, и которые требуют от женщины не осуждения, а понимания и интеграции. *«Каждый из нас отбрасывает тень, и чем меньше она воплощена в сознательной жизни индивида, тем она чернее и плотнее»* (С. 145). Психея, которая не пытается уничтожить драконов и змей, а позволяет им быть, пока орёл делает свою работу, показывает нам, что интеграция Тени требует не борьбы, а признания и принятия тех аспектов себя, которые она ранее отрицала.

Когда женщина интегрирует свою Тень, она перестаёт бояться собственного гнева и учится использовать его как защиту, а не как разрушение; она перестаёт стыдиться своей зависти и учится видеть в ней карту собственных желаний; она перестаёт отрицать свою агрессию и учится использовать её для установления здоровых границ. Этот процесс не является однократным событием, а представляет собой постоянную работу, которая требует от женщины внимания, честности и готовности возвращаться к своим «тёмным» сторонам снова и снова, каждый раз на новом уровне глубины. Психея, которая не уничтожает драконов и змей, а позволяет им быть и обходит их через доверие к орлу, показывает нам, что интеграция Тени требует не уничтожения её содержаний, а их признания и включения в целостную личность, и что это включение делает женщину более целостной и свободной. Женщина, которая проходит через этот процесс, перестаёт быть заложницей своих вытесненных аспектов и начинает использовать их энергию для созидания и роста.

Чёрная вода Стикса в юнгианской интерпретации символизирует те аспекты Тени, которые связаны со смертью, с конечностью и с теми силами, которые управляют жизнью на уровне, превышающем индивидуальное понимание, и которые требуют от женщины не контроля, а доверия и принятия. Вода в юнгианской психологии часто является символом бессознательного, а чёрная вода — символом тех его аспектов, которые особенно пугают и которые женщина не хочет видеть, и которые требуют от неё не анализа и не борьбы, а доверия и принятия. Психея, которая должна добыть чёрную воду, на самом деле должна встретиться с теми глубинами своей психики, которые она обычно избегает, и принять их как часть своей целостности, и эта встреча не может произойти через усилие или контроль, а только через доверие к тому, что процесс трансформации идёт своим чередом. Женщина, которая учится доверять своим глубинным слоям, перестаёт быть рабой своего страха и начинает использовать свою способность к доверию как источник мудрости и силы.

Драконы и змеи, охраняющие Стикс, также символизируют те защитные механизмы, которые психика выстраивает, чтобы удержать женщину от встречи со своей Тенью и со страхом смерти, и которые работают на бессознательном уровне, создавая страхи, сомнения и сопротивление, которые она воспринимает как объективные угрозы. Эти защитные механизмы не являются врагами, которых нужно уничтожить, а являются частью психической структуры женщины, которая пытается защитить её от боли и страха, но которая в конечном счёте становится препятствием на пути к целостности. Психея, которая не пытается победить драконов и змей, а позволяет орлу сделать свою работу, показывает нам, что борьба с защитными механизмами только усиливает их, и что единственный способ обойти их — это признать их существование и довериться тому, что действует за их пределами. Женщина, которая учится

не бороться со своими защитными механизмами, а признавать их и доверять процессу трансформации, перестаёт быть рабой своих страхов.

Процесс интеграции Тени, который Юнг называл одним из главных этапов индивидуации, требует от женщины не только признания своих тёмных сторон, но и их принятия как источника силы и мудрости, а не как источника стыда и самообвинения, и именно это принятие становится ключом к освобождению от власти Тени. Когда женщина перестаёт воспринимать свои «тёмные» стороны как угрозу и начинает видеть в них источник энергии и информации, она может использовать эту энергию для творчества, для защиты своих границ и для более глубокого понимания себя и других. Психея, которая не уничтожает драконов и змей, а позволяет им быть и обходит их через доверие к орлу, показывает нам, что интеграция Тени требует не уничтожения её содержаний, а их признания и включения в целостную личность. Женщина, которая проходит через этот процесс, перестаёт быть заложницей своих вытесненных аспектов и начинает использовать их энергию для созидания и роста, и это изменение является одним из самых важных результатов встречи с Тенью.

В отличие от многих психологических подходов, которые пытаются избавить человека от его «тёмных» сторон через терапию или самовнушение, юнгианский подход требует от женщины встречи с ними и их интеграции, и именно этот путь предлагает третье испытание Психеи, где она не пытается уничтожить драконов и змей, а просто позволяет им быть, пока орёл делает свою работу. Психея, которая не борется с драконами и змеями, а позволяет им охранять Стикс, пока орёл добывает воду, показывает нам, что Тень не должна быть уничтожена — она должна быть признана, и что это признание является не слабостью, а необходимым условием для целостности и свободы. Женщина, которая учится не бороться со своей Тенью, а признавать её и позволять ей быть, перестаёт быть рабой своих проекций и начинает использовать свою способность к интеграции как источник силы и мудрости. Именно это признание, а не борьба, становится ключом к освобождению от власти Тени и к обретению той внутренней свободы, которая делает женщину способной жить полноценно.

Орёл, который забирает чёрную воду вместо Психеи, в юнгианской интерпретации становится символом той способности к инсайту, которая приходит не через усилие и анализ, а через открытость и готовность принять помощь из источника, который превышает человеческое понимание, и которая становится доступной только тогда, когда женщина перестаёт искать и начинает доверять. В отличие от борьбы с Тенью, которая требует активного противостояния, доверие к орлу требует пассивного принятия, и это принятие является более трудным и более глубоким, чем любое действие, потому что оно требует от женщины отказа от контроля и готовности принять неопределённость. Психея, которая доверяется орлу, показывает нам, что интеграция Тени требует не только признания своих тёмных сторон, но и доверия к тому, что процесс трансформации идёт своим чередом, и что помощь может прийти из источника, который превышает её понимание. Женщина, которая учится доверять этому процессу, перестаёт быть рабой своего контроля и начинает использовать свою способность к доверию как источник освобождения и трансформации.

Тень, с которой встречается Психея в третьем испытании, не является чем-то внешним и враждебным — она является частью её самой, и именно это признание становится первым шагом к её интеграции и к освобождению от страха смерти. Когда женщина перестаёт воспринимать свои «тёмные» стороны как нечто чуждое и начинает видеть в них часть своей целостности, она перестаёт бояться их и начинает использовать их энергию для своего роста и развития. Психея, которая не пытается уничтожить драконов и змей, а позволяет им быть, пока орёл

делает свою работу, показывает нам, что Тень не является врагом, которого нужно победить, а является частью себя, которую нужно принять и интегрировать. Женщина, которая учится принимать свою Тень, перестаёт быть рабой своих проекций и начинает использовать свою способность к интеграции как источник силы и мудрости, и это изменение является одним из самых важных результатов встречи с Тенью на пути к целостности.

Процесс интеграции Тени не является линейным и не имеет конечной точки — он продолжается на протяжении всей жизни, потому что каждый новый этап развития приносит новые вытесненные содержания, которые требуют признания и интеграции. Женщина, которая однажды встретила свою Тень и интегрировала её, не становится «завершённой» — она становится более открытой к новым встречам с теми аспектами себя, которые она ещё не признала, и более способной к постоянной внутренней работе. Психея, которая не уничтожает драконов и змей раз и навсегда, а просто находит способ обойти их в данный момент, показывает нам, что работа с Тенью не имеет конечной точки и требует постоянного внимания и готовности возвращаться к ней снова и снова. Женщина, которая понимает это, перестаёт ждать окончательного освобождения от своей Тени и начинает жить в процессе постоянной интеграции, и это изменение является одним из самых важных результатов встречи с Тенью.

Чёрная вода Стикса, которую Психея получает от орла, становится символом той мудрости, которая приходит через интеграцию Тени и через принятие своей конечности, и которая делает женщину способной к дальнейшим этапам инициации. Эта мудрость не является теоретическим знанием — она является живым опытом встречи с собственной глубиной, который меняет отношение женщины к жизни и к смерти, и который делает её более устойчивой и свободной. Психея, которая получает чёрную воду и принимает её как дар, показывает нам, что мудрость, приходящая через интеграцию Тени, не может быть присвоена или проконтролирована — она может быть только принята и прожита. Женщина, которая учится принимать эту мудрость, перестаёт быть рабой своих страхов и начинает использовать свою способность к интеграции как источник силы и свободы, и это изменение является главным результатом встречи с Тенью на пути к целостности.

В юнгианской традиции встреча с Тенью часто описывается как «тёмная ночь души» — период глубокого кризиса, когда старые опоры рушатся и человек остаётся один на один со своими страхами и вытесненными содержаниями. Именно таким периодом становится для Психеи третье испытание, где она остаётся одна перед неприступной скалой, не зная, как выполнить задание и как выжить. Эта «тёмная ночь» не является наказанием или ошибкой — она является необходимым этапом трансформации, без которого невозможна подлинная интеграция Тени и обретение целостности. Психея, которая проходит через эту «тёмную ночь» и доверяется орлу, показывает нам, что кризис является не концом, а началом нового этапа, и что именно в самые тёмные моменты становится возможной самая глубокая трансформация.

Орёл, который забирает чёрную воду вместо Психеи, в юнгианской интерпретации становится символом Самости — того центрального архетипа целостности, который проявляется тогда, когда эго перестаёт доминировать и позволяет более глубоким силам взять управление на себя. Самость не является чем-то внешним по отношению к женщине — она является её внутренним центром, который становится доступным, когда она перестаёт бороться и начинает доверять процессу индивидуации. Психея, которая доверяется орлу, на самом деле доверяется своей собственной Самости, которая проявляется через образ орла, и это доверие становится ключом к выполнению задания и к продолжению её инициационного пути. Женщина, которая

учится доверять своей Самости, перестаёт быть рабой своего эго и начинает использовать свою способность к доверию как источник мудрости и силы.

Интеграция Тени, которую символизирует встреча Психеи с драконами и змеями, также требует от женщины пересмотра её отношений с собственным телом и с теми телесными сигналами, которые она часто игнорирует или подавляет. Тень часто проявляется через телесные симптомы — напряжение, боль, хроническую усталость, — и игнорирование этих сигналов только усиливает власть Тени над психикой. Психея, которая не пытается победить драконов и змей, а позволяет им быть, пока орёл делает свою работу, показывает нам, что интеграция Тени требует внимания к телесным сигналам и готовности принять те послания, которые тело посылает через симптомы и дискомфорт. Женщина, которая учится слушать своё тело и принимать его сигналы, перестаёт быть рабой своих подавленных импульсов и начинает использовать свою телесную мудрость как источник силы и информации.

Чёрная вода Стикса, которую Психея получает от орла, также символизирует те вытесненные эмоции, которые женщина должна принять и интегрировать, чтобы стать целостной, — гнев, печаль, страх, отчаяние, — которые она часто подавляет, чтобы соответствовать образу «хорошей девочки». Эти эмоции не являются слабостью или недостатком — они являются естественной частью человеческого опыта, и их подавление только усиливает их власть над психикой и создаёт условия для депрессии и тревоги. Психея, которая принимает чёрную воду и не пытается её контролировать или понять, показывает нам, что интеграция вытесненных эмоций требует не анализа и не борьбы, а принятия и доверия к тому, что эти эмоции являются частью её целостности. Женщина, которая учится принимать свои вытесненные эмоции, перестаёт быть рабой своих подавленных чувств и начинает использовать их энергию для созидания и роста.

Процесс интеграции Тени, который Психея проходит в третьем испытании, также требует от неё пересмотра её отношений с другими женщинами и с теми проекциями, которые она на них переносит. Часто женщина проецирует свою Тень на других женщин, воспринимая их как конкуренток, врагов или образцы для подражания, и это делает невозможным подлинную солидарность и поддержку. Психея, которая не пытается победить драконов и змей, а позволяет орлу сделать свою работу, показывает нам, что освобождение от проекций требует признания того, что другие женщины не являются носителями её Тени, и что её отношения с ними могут быть исцелены через принятие собственных вытесненных аспектов. Женщина, которая учится не проецировать свою Тень на других, перестаёт быть рабой своей конкуренции и начинает строить отношения, основанные на солидарности и взаимной поддержке.

Интеграция Тени, которую символизирует третье испытание Психеи, также требует от женщины принятия своей смертности и своей конечности, и именно это принятие становится основой для освобождения от страха смерти и для обретения способности жить полноценно. Психея, которая сталкивается с чёрной водой Стикса и принимает её как дар от орла, показывает нам, что принятие смерти является не концом, а началом нового этапа, и что именно через принятие своей конечности женщина может обрести ту внутреннюю свободу, которая делает её способной жить полноценно. Женщина, которая учится принимать свою смертность, перестаёт быть рабой своего страха и начинает жить так, как будто каждый день является даром, и это изменение является главным результатом встречи с Тенью на пути к целостности.

Завершая анализ Тени в контексте третьего испытания Психеи, мы можем утверждать, что драконы и змеи, охраняющие Стикс, являются точным образом тех вытесненных аспектов

психики, с которыми должна встретиться каждая женщина на пути к своей целостности, и что эта встреча требует не борьбы, а признания, не уничтожения, а принятия, не контроля, а доверия. Психея, которая не пытается уничтожить драконов и змей, а позволяет орлу сделать свою работу, показывает нам, что интеграция Тени требует не борьбы, а признания, не уничтожения, а принятия, не контроля, а доверия. Именно это доверие, а не борьба, становится ключом к освобождению от власти Тени и к обретению той внутренней свободы, которая делает женщину способной жить полноценно, несмотря на конечность своего существования. Женщина, которая проходит через этот процесс, перестаёт быть заложницей своих вытесненных аспектов и начинает использовать их энергию для созидания и роста, и это изменение является одним из самых важных результатов встречи с Тенью на пути к целостности и к освобождению от страха смерти.

3.2. Страх смерти как ядро тревоги

Страх смерти является одним из самых фундаментальных и самых глубоких страхов, которые переживает человек, и для женщины этот страх приобретает особое измерение, связанное с её телесностью, с её способностью к деторождению и с теми культурными ожиданиями, которые предъявляются к её внешности и возрасту. В отличие от других страхов, которые имеют конкретный объект или ситуацию, страх смерти является экзистенциальным — он связан с самой основой существования, с конечностью жизни и с неизбежностью утраты всего, что женщина любит и ценит. Этот страх часто не осознаётся прямо, но он проявляется в виде хронической тревоги, в стремлении контролировать всё вокруг, в зависимости от внешних подтверждений ценности и в неспособности наслаждаться жизнью в текущем моменте. Психея, стоящая перед Стиксом и не знающая, как добыть чёрную воду, становится точным образом женщины, которая сталкивается со своим страхом смерти, но не имеет ни языка, ни ритуала, чтобы встретиться с ним лицом к лицу.

Экзистенциальный психотерапевт Ирвин Ялом, развивая идеи европейской экзистенциальной философии, показал, что страх смерти является ядром большинства психологических проблем, и что многие тревожные расстройства, депрессии и зависимости являются, по сути, попытками избежать встречи с этой фундаментальной данностью человеческого существования³⁶. Согласно Ялому, человек не может полностью избавиться от страха смерти, но он может научиться жить с ним, принимая его как часть своего существования, и именно это принятие становится основой для подлинной, осмысленной жизни. Психея, которая не пытается избежать встречи со смертью, а идёт к Стиксу и доверяется орлу, показывает нам, что принятие страха смерти является не поражением, а необходимым условием для освобождения от его власти и для обретения способности жить полноценно.

Для современной женщины страх смерти часто маскируется под другие страхи и тревоги, которые кажутся более конкретными и управляемыми, и это маскировка делает его особенно трудным для распознавания и работы с ним. Страх старения, страх потери привлекательности, страх одиночества, страх потери близких, страх профессиональной несостоятельности — все эти страхи часто являются производными от более глубокого страха смерти, который женщина не хочет признавать и который она проецирует на конкретные ситуации и объекты. Психея, которая стоит перед Стиксом и чувствует страх, но не знает, что именно её пугает, показывает нам, что страх смерти часто не осознаётся прямо, а проявляется через другие страхи и тревоги, которые кажутся более понятными и управляемыми. Женщина, которая учится распознавать

³⁶ Ялом И. Экзистенциальная психотерапия / пер. с англ. Т. С. Драбкиной. — Москва: Класс, 1999. — 576 с.

страх смерти за его маскировкой, перестаёт быть работой своих конкретных страхов и начинает работать с их глубинным источником.

Одним из главных механизмов, через который страх смерти проявляется в жизни современной женщины, является потребность в контроле — стремление управлять своим телом, своей карьерой, своими отношениями, своим будущим, чтобы чувствовать себя в безопасности перед лицом неизбежного. Эта потребность в контроле часто становится источником хронической тревоги, потому что полный контроль невозможен, и каждая неудача в попытке контролировать воспринимается как угроза существованию. Психея, которая не может контролировать процесс добычи воды и должна довериться орлу, показывает нам, что иллюзия контроля является не только бесполезной, но и вредной, потому что она отнимает энергию и создаёт хроническое напряжение. Женщина, которая учится отпускать контроль и доверять процессу, перестаёт быть работой своей тревоги и начинает жить более свободно и спокойно.

Страх смерти также тесно связан со страхом потери идентичности, который особенно остро переживается женщинами в периоды жизненных переходов — при рождении ребёнка, при разводе, при выходе на пенсию, при старении. В эти моменты женщина сталкивается с тем, что её привычная идентичность — мать, жена, профессионал, — может быть утрачена, и это переживание потери активизирует глубинный страх смерти, потому что оно напоминает ей о конечности всех ролей и статусов. Психея, которая должна оставить свою привычную идентичность и довериться орлу, показывает нам, что встреча со смертью часто является встречей с потерей идентичности, и что только принятие этой потери может открыть путь к новой, более целостной идентичности. Женщина, которая учится принимать потерю идентичности как часть жизни, перестаёт быть работой своих ролей и начинает использовать свою способность к трансформации как источник силы и свободы.

Третий механизм, через который страх смерти проявляется в жизни женщины, — это стремление к бессмертию через достижения, через детей, через творчество, через социальное признание, которые становятся попыткой оставить след, пережить себя в чём-то, что останется после смерти. Это стремление само по себе не является патологией, но когда оно становится одержимостью, когда женщина не может чувствовать себя ценной без внешних подтверждений своего «бессмертия», оно становится источником хронической тревоги и истощения. Психея, которая не пытается оставить след в виде чёрной воды, а просто принимает её как дар, показывает нам, что истинное бессмертие не достигается через достижения, а приходит через принятие своей конечности и через доверие к тому, что жизнь имеет смысл, даже когда она не оставляет видимых следов.

Культурные ожидания, связанные с женской внешностью и возрастом, являются одним из самых мощных проводников страха смерти, потому что они постоянно напоминают женщине о том, что её тело стареет, что её привлекательность уходит, что она приближается к той точке, где её ценность в глазах общества может быть поставлена под сомнение. Индустрия красоты и социальные сети создают иллюзию, что старение можно остановить, если приложить достаточно усилий, и это создаёт у женщины хроническую тревогу и чувство собственной недостаточности перед лицом неизбежного. Психея, которая не пытается сохранить свою молодость или красоту, а идёт к Стиксу и принимает чёрную воду, показывает нам, что освобождение от страха старения требует принятия своей конечности и отказа от иллюзии вечной молодости. Женщина, которая учится принимать свой возраст как часть своей идентичности, перестаёт быть работой стандартов красоты и начинает ценить свою мудрость и свой опыт.

Потеря близких является одним из самых сильных триггеров страха смерти, потому что она не только напоминает женщине о конечности жизни, но и разрушает те смыслы и опоры, которые давали ей чувство безопасности и устойчивости. Когда женщина теряет родителя, партнёра, ребёнка или близкого друга, она сталкивается не только с горем, но и с экзистенциальным вопросом о смысле жизни и о том, что остаётся после смерти. Психея, которая теряет Эроса и должна пройти через испытания, чтобы вернуть его, показывает нам, что потеря близких является не только трагедией, но и возможностью для глубокой трансформации, если женщина готова встретиться со своим страхом смерти и довериться процессу исцеления. Женщина, которая учится принимать потерю как часть жизни, перестаёт быть рабой своего горя и начинает использовать свою способность к трансформации как источник силы и мудрости.

Страх смерти также тесно связан со страхом одиночества, потому что смерть является самым одиноким переживанием — никто не может умереть за другого, и каждый человек сталкивается со смертью в полном одиночестве. Этот страх одиночества перед лицом смерти часто проявляется как страх быть покинутой, страх остаться без поддержки, страх, что никто не будет рядом в самый важный момент жизни. Психея, которая стоит перед Стиксом одна, без помощи и без поддержки, показывает нам, что встреча со смертью является одиноким переживанием, и что принятие этого одиночества является необходимым условием для освобождения от страха. Женщина, которая учится принимать своё одиночество перед лицом смерти, перестаёт быть рабой своего страха быть покинутой и начинает строить отношения, основанные на подлинной близости, а не на страхе потери.

В современной психологии существует понятие «терминальной тревоги» — тревоги, связанной с осознанием собственной смертности, которая может проявляться в разных формах в зависимости от возраста, жизненного опыта и культурного контекста. У молодых женщин эта тревога часто проявляется как страх не успеть, как стремление достичь всего, как неспособность наслаждаться текущим моментом из-за постоянной погони за будущими достижениями. У женщин среднего возраста она проявляется как страх старения, как кризис идентичности, как сожаление о несделанном. У пожилых женщин она проявляется как страх беспомощности, как страх быть обузой, как страх смерти в одиночестве. Психея, которая сталкивается с чёрной водой в разном возрасте, показывает нам, что страх смерти меняет свою форму на протяжении жизни, но остаётся одним из самых фундаментальных переживаний, с которыми должна встретиться каждая женщина.

Одним из самых эффективных способов работы со страхом смерти является его признание и принятие, а не отрицание и избегание, и именно этот путь предлагает третье испытание Психеи, где она не пытается избежать встречи со смертью, а идёт к Стиксу и доверяется орлу. Признание страха смерти не означает капитуляции перед ним — оно означает признание его существования и готовность жить с ним, не позволяя ему парализовать себя и не тратя энергию на его отрицание. Психея, которая стоит перед Стиксом и признаёт свой страх, но не позволяет ему остановить себя, показывает нам, что принятие страха является не слабостью, а необходимым условием для освобождения от его власти и для обретения способности жить полноценно. Женщина, которая учится принимать свой страх смерти, перестаёт быть рабой своей тревоги и начинает использовать свою способность к принятию как источник силы и мудрости.

Другим эффективным способом работы со страхом смерти является поиск смысла, который придаёт жизни ценность и делает смерть менее пугающей, потому что она воспринимается не как конец, а как завершение осмысленного пути. Виктор Франкл, основатель логотерапии, показал, что люди, которые имеют смысл жизни, легче переносят страдания и меньше боятся

смерти, потому что их жизнь имеет ценность независимо от её продолжительности³⁷. Психея, которая идёт к Стиксу, несмотря на страх, и доверяется орлу, показывает нам, что смысл жизни не даётся готовым, а создаётся через прохождение через испытания и через принятие своей конечности. Женщина, которая учится находить смысл в своей жизни, перестаёт быть рабой своего страха и начинает жить полноценно, несмотря на конечность своего существования.

Страх смерти также может быть трансформирован через творчество, через создание чего-то, что переживёт женщину и что будет напоминать о ней после её ухода, и этот творческий акт становится способом примирения со смертью и обретения чувства бессмертия через то, что она создаёт. Творчество не обязательно означает искусство в узком смысле — это может быть воспитание детей, создание дела, написание книги, посадка сада, любая деятельность, которая оставляет след и которая имеет значение для других. Психея, которая не создаёт ничего материального, а просто принимает чёрную воду как дар, показывает нам, что истинное бессмертие не достигается через творчество, а приходит через принятие своей конечности и через доверие к тому, что жизнь имеет смысл, даже когда она не оставляет видимых следов.

Религия и духовные практики являются ещё одним способом работы со страхом смерти, предлагая женщине перспективу, в которой смерть не является концом, а является переходом к другой форме существования, и это может значительно снизить интенсивность страха и тревоги. Однако для современной женщины, которая часто не имеет устойчивой религиозной идентичности, этот путь может быть недоступен, и она остаётся один на один со своим страхом, без ритуалов и без поддержки сообщества. Психея, которая не имеет религиозной поддержки, а полагается только на свой внутренний ресурс и на помощь орла, показывает нам, что встреча со смертью возможна даже без религиозных ритуалов, если женщина готова довериться процессу и принять свою конечность. Женщина, которая учится доверять жизни без религиозных гарантий, перестаёт быть рабой своего страха и начинает использовать свою способность к доверию как источник силы и свободы.

Психотерапия, особенно в её экзистенциальном и юнгианском направлениях, предлагает женщине безопасное пространство для встречи со страхом смерти и для работы с теми защитными механизмами, которые удерживают её от этой встречи. В терапии женщина может исследовать свои страхи, свои проекции и свои вытесненные желания, и это исследование помогает ей не только понять природу своего страха, но и найти способы жить с ним, не позволяя ему определять её жизнь и её выборы. Психея, которая встречается со своим страхом смерти в третьем испытании, показывает нам, что терапия может быть тем пространством, в котором женщина учится доверять и принимать свою конечность, и что этот опыт доверия может быть перенесён в её повседневную жизнь. Женщина, которая проходит через терапевтическую работу со страхом смерти, перестаёт быть рабой своей тревоги и начинает использовать свою способность к доверию как источник исцеления и трансформации.

Одним из ключевых аспектов работы со страхом смерти является принятие того, что страх не исчезнет полностью, и что задача женщины — не избавиться от него, а научиться жить с ним, не позволяя ему парализовать себя и не тратя энергию на его отрицание. Это принятие является не капитуляцией, а освобождением от иллюзии, что страх можно победить раз и навсегда, и что только полное отсутствие страха является признаком зрелости и силы. Психея, которая не пытается избавиться от страха перед Стиксом, а идёт к нему, несмотря на страх, и доверяется орлу, показывает нам, что истинная смелость заключается не в отсутствии

³⁷ Франкл В. Человек в поисках смысла / пер. с нем. Л. Я. Гозмана. — Москва: Прогресс, 1990. — 368 с.

страха, а в способности действовать, несмотря на него, и в готовности доверять процессу, даже когда она боится. Женщина, которая учится жить со своим страхом, перестаёт быть рабой своей тревоги и начинает использовать свою способность к действию, несмотря на страх, как источник силы и свободы.

Страх смерти также тесно связан со страхом жизни, потому что жизнь и смерть являются двумя сторонами одного процесса, и страх перед смертью часто является страхом перед полнотой жизни, перед теми рисками и возможностями, которые требуют от женщины выхода из зоны комфорта и принятия неопределённости. Женщина, которая боится смерти, часто боится и жизни — боится любить, боится рисковать, боится пробовать новое, боится быть счастливой, потому что всё это делает жизнь более ценной и, следовательно, потерю более болезненной. Психея, которая идёт к Стиксу и доверяется орлу, показывает нам, что принятие смерти открывает доступ к более полной и осмысленной жизни, потому что только признавая конечность, женщина может перестать откладывать жизнь на «потом» и начать жить здесь и сейчас. Женщина, которая учится принимать свою конечность, перестаёт быть рабой своего страха и начинает жить полноценно, несмотря на риск и неопределённость.

В работе со страхом смерти важно также учитывать культурный контекст, потому что разные культуры предлагают разные способы отношения к смерти и разные ритуалы для встречи с ней, и эти культурные ресурсы могут быть использованы женщиной для облегчения своего страха. В культурах, где смерть является частью повседневной жизни и где существуют ритуалы прощания и оплакивания, женщины часто переживают меньшую тревогу перед лицом смерти, потому что они имеют культурные инструменты для её принятия. Психея, которая не имеет культурных ритуалов для встречи со смертью, а должна сама найти свой путь, показывает нам, что даже в отсутствие культурной поддержки женщина может встретиться со смертью и принять её, если она готова довериться процессу и своей внутренней мудрости. Женщина, которая учится создавать свои собственные ритуалы для встречи со смертью, перестаёт быть рабой культурных ограничений и начинает использовать свою способность к творчеству как источник силы и свободы.

Завершая анализ страха смерти как ядра женской тревоги, мы можем утверждать, что третье испытание Психеи предлагает женщине модель встречи с этим страхом, которая не требует от неё героического преодоления или победы, а требует от неё доверия и принятия. Психея, которая стоит перед Стиксом, не пытается победить свой страх, не пытается его избежать и не пытается его контролировать — она просто признаёт его существование и позволяет орлу сделать свою работу, и это признание становится ключом к освобождению от власти страха. Женщина, которая учится встречаться со своим страхом смерти так же, как Психея встречается со Стиксом, перестаёт быть рабой своей тревоги и начинает использовать свою способность к доверию как источник силы и свободы, и это изменение является одним из самых важных результатов третьего испытания и всей женской инициации в целом.

Таким образом, страх смерти, который является ядром большинства женских тревожных расстройств и который часто маскируется под другие страхи и тревоги, может быть трансформирован через принятие и доверие, и именно этот путь предлагает третье испытание Психеи, где она не пытается победить смерть, а доверяется орлу и принимает чёрную воду как дар. Психея, которая не пытается избежать встречи со смертью, а идёт к Стиксу и доверяется орлу, показывает нам, что истинное освобождение от страха смерти приходит не через борьбу и контроль, а через принятие и доверие, и что это принятие является не слабостью, а высшей формой мудрости, доступной только тем, кто готов принять свою конечность и свою зависимость

от сил, превышающих их понимание. Женщина, которая учится принимать свой страх смерти и доверять процессу жизни, перестаёт быть рабой своей тревоги и начинает жить полноценно, несмотря на конечность своего существования, и это изменение является главным результатом встречи со смертью на пути к целостности и свободе.

3.3. Депрессия как «чёрная вода»

Депрессия является одним из самых распространённых психических расстройств среди современных женщин, и её симптомы — подавленное настроение, потеря интереса к жизни, чувство безнадежности, утрата смысла и энергии — находят своё точное символическое выражение в образе чёрной воды Стикса, которую Психея должна добыть, но не может коснуться руками. Как чёрная вода является границей между жизнью и смертью, так и депрессия часто переживается женщиной как состояние между жизнью и смертью — она ещё жива, но уже не чувствует себя живой, она функционирует, но не чувствует радости, она присутствует, но не чувствует себя присутствующей. Психея, стоящая перед Стиксом и не знающая, как добыть чёрную воду, становится точным образом женщины, погружённой в депрессию, которая чувствует себя отрезанной от жизни, но не знает, как вернуться к ней и как выйти из этого состояния, которое кажется бесконечным и безнадежным.

В отличие от обычной грусти или печали, которые являются естественными реакциями на потерю или разочарование, депрессия является состоянием, в котором женщина теряет связь с собственными чувствами, с собственным телом и с собственной способностью к радости, и это состояние часто переживается как «чёрная вода», в которую она погружена и из которой не может выбраться. В депрессии женщина может продолжать выполнять свои повседневные обязанности — работать, заботиться о детях, поддерживать отношения, — но внутри неё остаётся пустота, которая не заполняется ни достижениями, ни отношениями, ни удовольствиями, и эта пустота становится той чёрной водой, которая отделяет её от ощущения собственной жизни. Психея, которая стоит перед Стиксом и не знает, как добыть чёрную воду, показывает нам, что депрессия часто переживается как состояние отчуждения от жизни, когда женщина видит жизнь вокруг себя, но не может к ней прикоснуться, и когда единственный способ вернуться к жизни — это довериться тому, что выше и сильнее.

Депрессия также часто связана с подавлением тех эмоций и желаний, которые женщина считает «неправильными» или «неприемлемыми», и это подавление создаёт ту чёрную воду, которая накапливается внутри и в конечном счёте затопляет всю психику, лишая женщину способности чувствовать радость и смысл. Гнев, который нельзя выразить, печаль, которую нельзя прожить, желания, которые нельзя признать, — все эти вытесненные содержания становятся той чёрной водой, которая отравляет жизнь женщины и создаёт условия для депрессии. Психея, которая не может добыть чёрную воду сама и должна довериться орлу, показывает нам, что выход из депрессии требует не борьбы с вытесненными эмоциями, а их признания и принятия, и что это признание может произойти только через доверие к процессу исцеления, который превышает её понимание.

В юнгианской психологии депрессия часто интерпретируется как результат разрыва между сознанием и бессознательным, когда вытесненные содержания Тени начинают доминировать над психикой, создавая состояние внутреннего хаоса и безнадежности, которое женщина не может контролировать или понять. В этом состоянии женщина теряет связь с Самостью — своим внутренним центром целостности, — и оказывается отрезанной от тех ресурсов, которые могли бы помочь ей выйти из депрессии и вернуться к жизни. Психея, которая стоит

перед Стиксом и не знает, как добыть чёрную воду, показывает нам, что депрессия часто является состоянием потери связи с Самостью, и что восстановление этой связи требует не усилия и контроля, а доверия к тому процессу, который ведёт женщину через тёмную воду к свету.

Одним из ключевых аспектов депрессии является потеря способности к надежде — женщина перестаёт верить, что ситуация может измениться, что она может чувствовать себя лучше, что жизнь может снова обрести смысл, и эта потеря надежды становится той чёрной водой, которая отделяет её от будущего и от возможности трансформации. В депрессии женщина часто чувствует, что она застряла в бесконечном настоящем, где нет выхода и где каждый день похож на предыдущий, и это чувство безнадёжности становится самым тяжёлым аспектом её страдания. Психея, которая стоит перед Стиксом и не знает, как добыть чёрную воду, показывает нам, что депрессия часто переживается как состояние безнадёжности, и что единственный способ выйти из этого состояния — это довериться тому, что есть выход, даже когда она его не видит, и что помощь может прийти из источника, который превышает её понимание.

Депрессия также часто связана с чувством вины и стыда, которые женщина испытывает за своё состояние, и которые усиливают её страдание и мешают ей обратиться за помощью, потому что она считает, что должна справляться сама и что её депрессия является признаком слабости или недостаточности. Это чувство вины и стыда становится дополнительным слоем чёрной воды, который удерживает женщину в изоляции и мешает ей принять ту помощь, которая могла бы вывести её из депрессии и вернуть к жизни. Психея, которая не пытается справиться с заданием сама, а доверяется орлу, показывает нам, что выход из депрессии требует отказа от чувства вины и стыда и принятия помощи, которая приходит извне, и что это принятие является не слабостью, а необходимым условием для исцеления.

В работе с депрессией важно понимать, что она не является просто «плохим настроением» или «недостатком силы воли», а является серьёзным психическим расстройством, которое требует профессиональной помощи и поддержки, и которое может быть исцелено через сочетание терапии, медикаментов и изменения образа жизни. Однако, помимо этих внешних вмешательств, женщина также должна пройти через внутреннюю работу, которая включает встречу со своей чёрной водой — с теми вытесненными эмоциями, страхами и желаниями, которые лежат в основе её депрессии. Психея, которая идёт к Стиксу и доверяется орлу, показывает нам, что исцеление от депрессии требует не только внешней помощи, но и внутренней готовности встретиться со своей тенью и довериться процессу трансформации.

Одним из самых эффективных способов работы с депрессией является возвращение к телу, к тем телесным ощущениям, которые часто отключаются в состоянии депрессии, и которые могут стать мостом к восстановлению связи с жизнью и с собственными чувствами. Йога, дыхательные практики, танцевальная терапия, телесно-ориентированная терапия — все эти подходы помогают женщине вернуться в своё тело, почувствовать его и через это чувствовать восстановление контакта с жизнью и с собственными эмоциями. Психея, которая стоит перед Стиксом и чувствует своё тело, показывает нам, что возвращение к телу является важным шагом на пути к исцелению от депрессии, и что это возвращение может произойти только через доверие к процессу и через готовность чувствовать то, что она так долго подавляла.

Депрессия также часто связана с потерей смысла, когда женщина перестаёт видеть ценность в своей жизни, в своих отношениях, в своей работе, и это чувство бессмысленности становится той чёрной водой, которая отделяет её от жизни и от возможности радоваться. В этом состоянии женщина может продолжать выполнять свои обязанности, но она делает это меха-

нически, без вовлечения и без удовлетворения, и это механическое существование становится её повседневной реальностью. Психея, которая идёт к Стиксу и доверяется орлу, показывает нам, что восстановление смысла требует не поиска внешних целей, а доверия к тому, что смысл уже есть, даже когда она его не чувствует, и что этот смысл может быть обнаружен через принятие своей конечности и через доверие к процессу жизни.

В экзистенциальной психологии депрессия часто рассматривается как результат столкновения с экзистенциальными данностями — смертью, свободой, изоляцией и бессмысленностью, — и как попытка избежать этого столкновения через отрицание, отвлечение или контроль. Когда эти стратегии перестают работать, женщина оказывается лицом к лицу с теми вопросами, которые она так долго избегала, и это столкновение может стать началом глубокой трансформации, если она готова принять его и довериться процессу. Психея, которая стоит перед Стиксом и сталкивается со смертью, показывает нам, что депрессия может быть не только страданием, но и возможностью для трансформации, если женщина готова встретиться с теми вопросами, которые она так долго избегала, и довериться процессу исцеления.

Одним из самых трудных аспектов депрессии является чувство изоляции, когда женщина чувствует, что никто не может понять её состояние, и что она одна со своей болью и со своим отчаянием, и это чувство изоляции часто становится причиной того, что она не обращается за помощью и остаётся в своём страдании в одиночестве. Это чувство изоляции усиливается культурой, которая часто стигматизирует депрессию и заставляет женщину чувствовать стыд за своё состояние, и это делает её ещё более изолированной и ещё более погружённой в свою чёрную воду. Психея, которая стоит перед Стиксом одна, показывает нам, что чувство изоляции является неотъемлемой частью депрессии, и что выход из этого одиночества требует доверия к тому, что помощь возможна, и готовности принять её, даже когда она кажется недоступной.

Группы поддержки и терапевтические сообщества могут стать тем пространством, где женщина, страдающая от депрессии, может встретиться с другими женщинами, которые проходят через похожие переживания, и это встреча может разрушить чувство изоляции и дать ей ту поддержку, которая необходима для исцеления. В таких группах женщина может увидеть, что её страдания не уникальны, и что другие женщины тоже сталкиваются с чёрной водой и тоже ищут путь к свету, и это осознание может стать источником надежды и силы. Психея, которая получает помощь от муравьёв и тростника, показывает нам, что поддержка сообщества является важной частью исцеления от депрессии, и что эта поддержка может прийти из самых неожиданных источников, если женщина открыта к ней.

Депрессия также часто связана с перфекционизмом — стремлением быть идеальной во всём, что делает женщина, и с чувством собственной недостаточности, когда она не достигает своих завышенных стандартов, и это чувство недостаточности становится той чёрной водой, которая отделяет её от принятия себя и от способности радоваться своим достижениям. В состоянии депрессии женщина может чувствовать, что она никогда не делает достаточно, что она всегда могла бы сделать лучше, и что её усилия никогда не являются достаточными, и это чувство становится источником хронического истощения и безнадёжности. Психея, которая не пытается быть идеальной и не пытается соответствовать стандартам Афродиты, показывает нам, что освобождение от перфекционизма требует принятия своей несовершенности и доверия к тому, что она достаточно хороша такой, какая есть.

Одним из ключевых аспектов работы с депрессией является восстановление способности к радости — к тем маленьким удовольствиям, которые делают жизнь ценной, и которые часто

исчезают в состоянии депрессии, оставляя женщину в пустоте и безнадёжности. Восстановление способности к радости требует не героических усилий, а маленьких шагов — возвращения к тем занятиям, которые когда-то приносили удовольствие, даже если они сейчас кажутся бессмысленными, и постепенного восстановления контакта с теми аспектами жизни, которые делают её ценной. Психея, которая получает чёрную воду и принимает её как дар, показывает нам, что радость не приходит через усилие, а приходит через открытость и доверие к тому, что жизнь может снова стать ценной, даже когда она сейчас кажется пустой и бессмысленной.

Депрессия также часто связана с потерей идентичности, когда женщина перестаёт знать, кто она есть, и что для неё важно, и эта потеря идентичности становится той чёрной водой, в которой она теряет себя и из которой она не может найти выход. В этом состоянии женщина может чувствовать, что она играет роль, а не живёт свою жизнь, что она соответствует ожиданиям других, а не своим собственным желаниям, и что она потеряла связь с тем, что действительно важно для неё. Психея, которая проходит через все испытания и теряет свою старую идентичность, чтобы обрести новую, показывает нам, что потеря идентичности может быть не только страданием, но и возможностью для трансформации, если женщина готова довериться процессу и позволить новой идентичности родиться из тёмной воды.

В терапевтической работе с депрессией важно помочь женщине увидеть, что её состояние не является её виной, и что она не «сломана» и не «недостаточно хороша», а что она находится в процессе, который требует времени, терпения и поддержки, и который может привести к глубокой трансформации. Это понимание помогает женщине освободиться от чувства вины и стыда, которые часто сопровождают депрессию, и начать относиться к себе с большим состраданием и пониманием. Психея, которая не винит себя за то, что не может добыть чёрную воду сама, а доверяется орлу, показывает нам, что сострадание к себе является необходимым условием для исцеления от депрессии, и что это сострадание может прийти только через принятие своей уязвимости и своей зависимости от других.

Одним из самых мощных инструментов работы с депрессией является творчество — рисование, письмо, музыка, танец, — которое позволяет женщине выразить те чувства и переживания, которые она не может выразить словами, и которое помогает ей восстановить связь с собой и с жизнью. В творчестве женщина может встретиться со своей чёрной водой и дать ей форму, и это придание формы становится актом трансформации, который превращает страдание в нечто осмысленное и ценное. Психея, которая не создаёт ничего материального, а просто принимает чёрную воду как дар, показывает нам, что творчество является не только способом выражения, но и способом исцеления, и что это исцеление может произойти через доверие к процессу и через открытость к тому, что приходит из глубины.

Депрессия также часто связана с подавлением гнева — гнева на тех, кто причинил боль, гнева на несправедливость, гнева на себя за то, что она не может справиться, — и это подавление становится той чёрной водой, которая отравляет жизнь женщины и создаёт условия для депрессии. Когда женщина не может выразить свой гнев, он обращается внутрь и становится самокритикой, самообвинением и чувством собственной недостаточности, и это подавление гнева становится одним из самых мощных двигателей депрессии. Психея, которая не выражает гнев на Афродиту, а просто выполняет её задания, показывает нам, что подавление гнева может привести к депрессии, и что выход из этого состояния требует признания и выражения тех чувств, которые она так долго подавляла.

Завершая анализ депрессии как «чёрной воды», мы можем утверждать, что третье испытание Психеи предлагает женщине модель выхода из депрессии, которая не требует от неё героических усилий или быстрых решений, а требует от неё терпения, доверия и готовности принять помощь, которая приходит извне. Психея, которая стоит перед Стиксом и не знает, как добыть чёрную воду, показывает нам, что депрессия является не тупиком, а переходом, и что выход из этого перехода требует не борьбы, а доверия к тому процессу, который ведёт женщину через тёмную воду к свету. Женщина, которая учится доверять процессу исцеления от депрессии, перестаёт быть рабой своего страдания и начинает использовать свою способность к доверию как источник силы и трансформации, и это изменение является одним из самых важных результатов встречи с чёрной водой на пути к целостности и свободе.

Таким образом, депрессия, которую символизирует чёрная вода Стикса, является не только состоянием страдания, но и возможностью для глубокой трансформации, если женщина готова встретиться с ней и довериться процессу исцеления, который превышает её понимание и контроль. Психея, которая не пытается избавиться от чёрной воды, а принимает её как дар от орла, показывает нам, что исцеление от депрессии требует не отрицания страдания, а его принятия, не борьбы с тёмной водой, а доверия к тому, что она может стать источником мудрости и силы, если женщина готова пройти через неё с открытым сердцем и доверием к жизни. Женщина, которая учится принимать свою депрессию как часть своего пути, перестаёт быть рабой своего страдания и начинает использовать свою способность к трансформации как источник силы и свободы, и это изменение является главным результатом встречи с чёрной водой на пути к целостности и к освобождению от страха смерти.

3.4. Орёл как инсайт в терапии

Орёл, который появляется в третьем испытании Психеи и забирает чёрную воду вместо неё, является одним из самых мощных символов инсайта в психотерапии — того внезапного понимания, которое приходит не через усилие и анализ, а через открытость и готовность принять помощь из источника, который превышает сознательное понимание клиентки. В терапевтическом процессе инсайт часто является не результатом логических умозаключений или интерпретаций терапевта, а результатом того, что клиентка перестаёт анализировать и позволяет себе просто быть в присутствии терапевта, доверяя процессу и позволяя пониманию прийти в своё время. Психея, которая не пытается понять природу воды Стикса и не пытается контролировать процесс её добычи, а просто доверяется орлу, показывает нам, что инсайт приходит тогда, когда мы перестаём его искать и начинаем доверять процессу, и что это доверие является не пассивностью, а активным состоянием открытости, которое требует мужества и готовности отпустить контроль. В этом смысле орёл становится образом той терапевтической помощи, которая приходит тогда, когда клиентка исчерпала все свои собственные ресурсы и готова довериться тому, что превышает её понимание, и именно это доверие открывает доступ к новым уровням понимания и трансформации.

В отличие от других терапевтических подходов, которые фокусируются на интерпретации и анализе, юнгианский и экзистенциальный подходы признают, что инсайт часто приходит через образы, сновидения и спонтанные прозрения, которые не могут быть вызваны усилием или контролем, и которые требуют от клиентки открытости и доверия к процессу. Эти подходы создают пространство, в котором клиентка может встретиться со своими внутренними образами и позволить им говорить с ней, не пытаясь их контролировать или интерпретировать, и именно в этом пространстве открытости часто приходят те инсайты, которые не могли быть достигнуты через анализ. Психея, которая видит орла и доверяется ему, показывает нам, что

инсайт часто приходит через образы, которые не поддаются рациональному объяснению, и что доверие к этим образам является необходимым условием для их интеграции и для трансформации, которая следует за ними. Терапевт, работающий в этом ключе, не даёт интерпретаций, а создаёт пространство, в котором клиентка может встретиться со своими образами и позволить им говорить с ней, и именно в этом пространстве часто рождаются самые глубокие инсайты.

Инсайт в терапии часто сравнивают с «озарением» — моментом, когда клиентка внешне видит ситуацию по-новому, понимает что-то, что раньше было скрыто, и это понимание меняет её отношение к себе и к своей жизни, открывая новые возможности для роста и трансформации. Это озарение не может быть вызвано усилием — оно приходит тогда, когда клиентка перестаёт бороться и позволяет себе быть открытой к тому, что приходит из глубины, и именно это состояние открытости является необходимым условием для инсайта. Психея, которая не пытается понять природу чёрной воды и не пытается контролировать процесс её добычи, а просто доверяется орлу, показывает нам, что инсайт приходит тогда, когда мы перестаём его искать и начинаем доверять процессу, и что это доверие является не пассивностью, а активным состоянием открытости, которое требует мужества и готовности отпустить контроль. В терапии это означает, что клиентка должна научиться доверять процессу, даже когда она не видит немедленных результатов, и что это доверие является необходимым условием для того, чтобы инсайт мог прийти.

В терапевтических отношениях орёл символизирует ту способность терапевта видеть ситуацию с высоты, недоступной для клиентки, и предлагать ей ту перспективу, которая позволяет ей увидеть свою жизнь по-новому и найти те решения, которые были скрыты от неё, когда она оставалась на земле. Терапевт, подобно орлу, может подняться над ситуацией и увидеть те паттерны, те связи и те возможности, которые клиентка не может увидеть, потому что она находится внутри своей проблемы и не имеет той дистанции, которая необходима для ясного видения. Психея, которая смотрит на орла и доверяется ему, показывает нам, что терапевт может стать тем орлом, который помогает клиентке увидеть свою ситуацию с высоты и найти те пути, которые были скрыты от неё, когда она оставалась на земле. Однако, как и в мифе, терапевт не может сделать работу за клиентку — он может только показать ей путь и предложить свою перспективу, но клиентка сама должна пройти через испытание и принять то понимание, которое приходит к ней через этот процесс.

Как и в мифе, терапевт не может сделать работу за клиентку — он может только показать ей путь и предложить свою перспективу, но клиентка сама должна пройти через испытание и принять то понимание, которое приходит к ней через этот процесс, и именно это различие между помощью и спасением является ключевым для понимания терапевтических отношений. Терапевт, подобно орлу, может зачерпнуть чёрную воду, но он не может выпить её за клиентку и не может прожить её жизнь за неё — он может только быть рядом и предлагать свою поддержку и свою перспективу, пока клиентка проходит через свой собственный процесс трансформации. Психея, которая получает чёрную воду от орла, но сама должна отнести её Афродите, показывает нам, что терапевт может помочь клиентке увидеть и понять, но она сама должна принять это понимание и интегрировать его в свою жизнь, и что этот процесс интеграции требует от неё активного участия и готовности взять ответственность за свою трансформацию. Женщина, которая понимает это различие, перестаёт ждать, что терапевт «исправит» её, и начинает использовать терапевтические отношения как пространство для собственного роста и развития.

Инсайт, который символизирует орёл, также связан с принятием того, что не всё можно понять рационально, и что некоторые вещи можно понять только через доверие и через опыт, а не через анализ и интерпретацию, и это принятие является одним из самых трудных и самых важных шагов на пути к исцелению. В терапии это означает, что клиентка должна научиться доверять своим чувствам, своей интуиции и тем внутренним образам, которые приходят к ней, даже когда она не может их рационально объяснить или понять, и что это доверие является не слабостью, а необходимой частью процесса трансформации. Психея, которая принимает чёрную воду, не пытаясь понять её природу, показывает нам, что инсайт часто требует принятия того, что не поддаётся рациональному объяснению, и что это принятие является не слабостью, а необходимой частью процесса трансформации, которая позволяет женщине выйти за пределы своего интеллекта и подключиться к более глубоким источникам мудрости. Женщина, которая учится доверять тому, что не может понять, перестаёт быть рабой своего интеллекта и начинает использовать свою способность к доверию как источник исцеления и трансформации.

Орёл как инсайт также символизирует ту способность к различению, которая позволяет женщине увидеть, что некоторые вещи нельзя сделать своими руками, и что доверие к тому, что выше и сильнее, является не слабостью, а высшей формой мудрости, доступной только тем, кто готов принять свою конечность и свою зависимость от сил, превышающих их понимание. В терапии это означает, что клиентка должна научиться различать, что находится в её власти, а что — нет, и что доверие к процессу и к терапевту является не пассивностью, а активным выбором, который требует мужества и готовности отпустить контроль. Психея, которая не пытается добыть воду сама, а доверяется орлу, показывает нам, что различие между тем, что можно сделать, и тем, что нужно доверить, является одним из самых важных навыков, которые женщина может развить в терапии, и что это различие становится основой для здоровых отношений с собой и с другими. Женщина, которая учится этому различению, перестаёт брать на себя ответственность за то, что не находится в её власти, и начинает жить более легко и свободно.

Орёл, который забирает чёрную воду вместо Психеи, также символизирует ту способность к сублимации, которая позволяет женщине трансформировать свои тёмные импульсы и вытесненные желания в нечто творческое и осмысленное, и которая становится доступной только тогда, когда она перестаёт бороться с ними и начинает доверять процессу трансформации. В терапии это означает, что клиентка должна научиться не подавлять свои тёмные стороны, а интегрировать их в свою личность и использовать их энергию для созидания, а не для разрушения, и что этот процесс интеграции требует от неё доверия к тому, что её «тёмные» стороны могут стать источником силы и мудрости. Психея, которая не уничтожает чёрную воду, а принимает её как дар, показывает нам, что сублимация требует не отрицания, а принятия и трансформации, и что это принятие является не слабостью, а необходимым условием для целостности и свободы. Женщина, которая учится сублимировать свои тёмные импульсы, перестаёт быть рабой своих вытесненных желаний и начинает использовать их энергию для творчества и роста.

В процессе терапии клиентка часто проходит через те же этапы, что и Психея в третьем испытании — сначала она сталкивается с тем, что не может понять и контролировать, затем она переживает отчаяние и бессилие, затем она открывается помощи, которая приходит извне, и, наконец, она интегрирует тот инсайт, который приходит к ней через этот процесс, и это позволяет ей выйти на новый уровень понимания себя и своей жизни. Этот путь является не линейным, а циклическим — клиентка может возвращаться к разным этапам снова и снова, каждый раз на новом уровне глубины, и каждый раз она может открываться тому инсайту, который

приходит к ней через доверие к процессу и через готовность принять ту помощь, которая приходит извне. Психея, которая проходит через все этапы третьего испытания, показывает нам, что терапевтический процесс является не прямым путём от проблемы к решению, а циклическим движением, в котором каждое возвращение к трудному месту открывает новые уровни понимания и новые возможности для трансформации. Женщина, которая понимает это, перестаёт ждать быстрых результатов и начинает доверять процессу, который ведёт её через тёмную воду к свету.

Орёл как инсайт также символизирует ту способность к трансценденции, которая позволяет женщине подняться над своими страхами и ограничениями и увидеть свою жизнь в более широкой перспективе, где смерть не является концом, а является переходом к чему-то новому и неизведанному, и это видение становится источником надежды и силы даже в самые тёмные моменты. В терапии это означает, что клиентка может научиться видеть свои проблемы и страдания не как конец, а как возможность для роста и трансформации, и что это видение может стать источником надежды и силы, даже когда она не видит выхода из своей ситуации. Психея, которая поднимается над своей ситуацией и видит орла, показывает нам, что трансценденция требует не отрицания страданий, а выхода за их пределы, и что этот выход становится возможным только через доверие к тому, что есть смысл даже в самых тёмных переживаниях. Женщина, которая учится трансцендировать свои страдания, перестаёт быть рабой своей боли и начинает использовать свою способность к трансценденции как источник силы и свободы.

Инсайт, который приходит через орла, не является интеллектуальным пониманием, которое можно объяснить словами, а является глубинным переживанием, которое меняет самоощущение женщины и её отношение к жизни, и которое остаётся с ней на протяжении всей жизни, даже когда она не может его рационально объяснить. Этот инсайт становится частью её внутренней мудрости, к которой она может обращаться в трудные моменты, и который помогает ей сохранять связь с собой и с тем, что для неё действительно важно, даже когда внешние обстоятельства пытаются убедить её в обратном. Психея, которая получает чёрную воду от орла и интегрирует этот опыт, показывает нам, что инсайт становится частью идентичности женщины, и что эта часть остаётся с ней на всю жизнь, помогая ей проходить через новые испытания с мудростью и достоинством. Женщина, которая интегрирует инсайт, перестаёт быть рабой своих сиюминутных реакций и начинает действовать из своего внутреннего центра, который знает больше, чем её рациональный ум.

В терапии орёл может символизировать те моменты, когда клиентка внезапно понимает что-то важное о себе, и это понимание меняет её восприятие всей своей жизни, открывая новые возможности для роста и трансформации, которые раньше были скрыты от неё. Эти моменты часто являются поворотными в терапевтическом процессе, потому что они создают новый контекст для понимания прошлого, настоящего и будущего, и позволяют клиентке увидеть свою жизнь в более целостной и осмысленной перспективе. Психея, которая видит орла и доверяется ему, показывает нам, что инсайт часто приходит внезапно, как озарение, и что это озарение может изменить всё, потому что оно открывает ту перспективу, которая была скрыта до этого момента, и которая позволяет увидеть свою жизнь по-новому. Женщина, которая переживает такие моменты в терапии, часто описывает их как «переломные» — после них она уже не может думать о себе и о своей жизни так, как думала раньше, и это изменение является необратимым и глубоким.

Орёл как инсайт также символизирует ту способность к доверию, которая является необходимым условием для того, чтобы инсайт мог прийти, и которая требует от женщины готов-

ности отпустить контроль и принять неопределённость, даже когда она не знает, куда ведёт её этот процесс, и даже когда она боится того, что может обнаружить. В терапии это означает, что клиентка должна научиться доверять терапевтическому процессу, даже когда она не видит немедленных результатов, и что это доверие является не пассивностью, а активным выбором, который требует мужества и готовности принять неопределённость, и который становится возможным только через опыт безопасных и поддерживающих терапевтических отношений. Психея, которая доверяется орлу, не имея гарантий того, что он вернётся с водой, показывает нам, что доверие всегда связано с риском, и что этот риск является необходимым условием для того, чтобы инсайт мог прийти и чтобы трансформация могла произойти. Женщина, которая учится доверять, несмотря на риск, перестаёт быть рабой своего страха и начинает использовать свою способность к доверию как источник силы и свободы.

Инсайт, который приходит через орла, также связан с принятием своей уязвимости и своей зависимости от других, и это принятие является одним самых трудных и самых важных шагов на пути к исцелению, потому что оно требует отказа от иллюзии самодостаточности и готовности принять помощь, которая приходит извне, не пытаясь её контролировать или понимать. Психея, которая доверяется орлу, показывает нам, что инсайт часто приходит через принятие своей уязвимости, и что это принятие является не слабостью, а необходимым условием для трансформации, потому что только признавая свою зависимость от других, женщина может открыться той помощи, которая приходит извне, и которая может изменить её жизнь. В терапии это означает, что клиентка должна научиться принимать свою уязвимость и позволять терапевту помогать ей, не пытаясь контролировать процесс и не чувствуя себя при этом униженной или слабой. Женщина, которая учится принимать свою уязвимость в терапии, перестаёт быть рабой иллюзии самодостаточности и начинает строить отношения, основанные на взаимной поддержке и доверии.

Орёл, который забирает чёрную воду, также символизирует те моменты в терапии, когда клиентка получает помощь от терапевта, которая позволяет ей сделать то, что она не могла бы сделать сама, и этот опыт получения помощи становится для неё моделью для построения здоровых отношений в повседневной жизни. Когда клиентка переживает опыт принятия помощи в безопасной терапевтической среде, она может перенести этот опыт в свои отношения с другими людьми, научившись просить о помощи и принимать её без стыда и без чувства вины. Психея, которая получает помощь от орла и принимает её, показывает нам, что опыт получения помощи является не только актом решения конкретной задачи, но и обучением новому способу быть в отношениях с другими, который основан на доверии и взаимной поддержке. Женщина, которая переживает этот опыт в терапии, перестаёт быть рабой своей гиперсамостоятельности и начинает строить отношения, которые обогащают её жизнь и делают её более устойчивой и свободной.

Инсайт, который приходит через орла, также связан с принятием того, что помощь может прийти из самых неожиданных источников, и что важно быть открытой к этой помощи, даже когда она приходит в форме, которую женщина не ожидала и не могла предвидеть, и что это открытость является необходимым условием для трансформации. В терапии это означает, что клиентка должна научиться быть открытой к помощи, которая приходит от терапевта, даже когда эта помощь не соответствует её ожиданиям или когда она кажется ей странной или необычной, и что это открытость является необходимым условием для того, чтобы инсайт мог прийти и чтобы трансформация могла произойти. Психея, которая принимает помощь от орла, не ожидая его появления, показывает нам, что помощь часто приходит из неожиданных источников, и что готовность принять эту помощь является не слабостью, а мудростью, кото-

рая позволяет женщине получить то, что она не могла бы получить иначе. Женщина, которая учится быть открытой к неожиданной помощи, перестаёт быть рабой своих ожиданий и начинает использовать свою способность к открытости как источник силы и свободы.

В терапевтическом процессе орёл может символизировать те моменты, когда терапевт предлагает клиентке интерпретацию или перспективу, которая является для неё неожиданной и даже шокирующей, но которая открывает ей новые возможности для понимания себя и своей жизни, и которая становится поворотным моментом в её исцелении. Эти моменты требуют от клиентки доверия к терапевту и готовности принять то, что противоречит её привычным представлениям о себе, и именно это доверие становится условием для того, чтобы инсайт мог прийти и чтобы трансформация могла произойти. Психея, которая доверяется орлу и принимает его помощь, показывает нам, что терапевтические инсайты часто требуют от клиентки выхода из зоны комфорта и принятия того, что противоречит её привычным представлениям, и что это принятие является не слабостью, а необходимым условием для роста и трансформации. Женщина, которая учится принимать неожиданные инсайты в терапии, перестаёт быть рабой своих привычных представлений и начинает использовать свою способность к открытости как источник роста и развития.

Орёл как инсайт также символизирует ту способность к интеграции, которая позволяет женщине соединить разные части себя — светлые и тёмные, сильные и слабые, рациональные и интуитивные — в единое целое, и которая становится доступной только тогда, когда она перестаёт бороться с этими частями и начинает доверять процессу их объединения. В терапии это означает, что клиентка должна научиться принимать все аспекты своей личности, не пытаясь избавиться от «неудобных» или «неприемлемых» частей, а интегрируя их в свою целостную идентичность, и что этот процесс интеграции требует от неё доверия к терапевтическому процессу и к себе самой. Психея, которая принимает чёрную воду и интегрирует её в свой опыт, показывает нам, что интеграция требует не отрицания, а принятия, и что это принятие является не слабостью, а необходимым условием для целостности и свободы. Женщина, которая учится интегрировать все аспекты своей личности, перестаёт быть рабой своих внутренних конфликтов и начинает использовать свою способность к интеграции как источник силы и мудрости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.